

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣлениіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ I

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С.-ПЕТЕРВУРГЪ.

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1894.

Оглавленіе.

СТРАН.

Отдѣлъ I.

Ізслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Новая «повѣсть» объ Ильѣ Муромцѣ. Сообщилъ <i>Михаилъ Протопоповъ</i>	78—82
Веснянки, Петривки и Купальныя пѣсни. Сообщилъ <i>В. В. Боччяновскій</i>	83—89
Очеркъ литовскихъ свадебныхъ орацій. <i>А. Погодина</i> . .	90—97
О свадебныхъ обычаяхъ въ селѣ Корбанѣ, Кадниковскаго уѣзда Вологодской губерніи. <i>А. Балова</i>	98—99

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

СТРАН.

Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ. С. Балтракайтиса.	98—104
Русскія былины старой и новой записи. Москва 1864 г.	
<i>A. Погодина.</i>	104—107
Систематический указатель статей исторического журнала «Древняя и Новая Россія». Спб. 1893 г. В. Б.	107

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Замѣтки по белорусской этнографіи. М. Довнара-Запольского	108—104
Отчетъ о поѣздкѣ въ Ковенскую губ. лѣтомъ 1893 г.	
<i>A. Погодина.</i>	114—119
О происхожденіи названія г. Пскова. Ю. Трусмана.	120—122
Бѣ исторії сувѣрій. Собщ. Е. Коз—скій . . .	122—123
Изъ области народныхъ вѣрованій. А. Балова.	123—
Аллітерація въ народномъ языкѣ. А. Балова.	123—124
Бѣ народному словарю въ области пѣсенного искусства.	
<i>Ф. Истомина.</i>	124—125
По поводу холеры. Сообщилъ А. Баловъ.	125—126
О русскомъ языке въ Обдорскомъ краѣ. В. Бартенева.	126—129
Замѣтка о нѣкоторыхъ словахъ, употребляющихъ въ селѣ Самаровѣ Тобольской губ. и округа. Хр. Лопарева.	130
Объявленія	

Печатано съ разрѣшениія Собѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Деревня Будогоща и ея преданія¹⁾.

(Этнографический очерк).

Деревня Будогоща, составляющая одно сельское общество, лежит по обоимъ берегамъ р. Пчевжи, въ Кукуйской волости Тихвинскаго уѣзда Новгородской губерніи. На лѣвомъ берегу расположена д. Большая Будогоща, на правомъ—Малая. Вокругъ—лѣса и болота, простирающіяся на десятки верстъ. Верстахъ въ восьми отъ д. Будогощи проходитъ почтовый трактъ съ Чудова на Тихвинъ. Таково положеніе интересующей насъ мѣстности; можемъ добавить, что школы въ деревнѣ этой, считающей земли на 140 душъ, нѣть и, несмотря на увѣщанія приходского священника о. П. Д. Созина, предлагавшаго даже свой домъ для школы, крестьяне Большой Будогощи упорно отказываются, ссылаясь частью на недостатокъ средствъ, частью же на то обстоятельство, что «дѣды, моль, не учились, и намъ, стало быть, не надо; въ старину люди крѣпче были да богаче жили, а грамотѣ не умѣли».

Вообще, крестьяне неохотно посыпаютъ дѣтей въ школу. Причины тому, помимо выше названной—боязнь, что ребенокъ «выше отца-матери выростеть», сбадается, а затѣмъ—отдаленность школы, находящейся въ Будьковѣ-сельцѣ при церкви, верстахъ въ 6 отъ Будогощи. Зимой мѣшаютъ холодъ, весной и осенью бываетъ, что р. Пчевжа разливается и затопляетъ дорогу, такъ что приходится подыматься на верхъ по бездорожью, лѣсомъ, а потомъ перевозить на лодкѣ; лѣтомъ же, какъ известно, занятій въ школѣ не бываетъ, да если бы и были, школьникъ не могъ бы принимать въ нихъ участія: въ силу экономическихъ условій онъ уже работникъ, семья въ немъ нуждается.

Мѣстные жители занмаются главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ, но такъ какъ своего хлѣба не хватаетъ, то имъ приходится искать заработка. Большею частью они идутъ въ лѣса рубить по найму дрова, или же—

¹⁾ Читано въ засѣданіи отдѣла этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго общества 20 окт. 1893 года.

шилить ихъ на берегу сплавныхъ рѣкъ: Оскui и Щевжи. Въ Петербургѣ и даже въ Чудовѣ рѣдко кто бывалъ изъ мѣстныхъ жителей. На побывавшихъ «въ свѣтѣ» всѣ смотрятъ съ особымъ вниманіемъ, особенно молодежь, замѣчая поведеніе, манеры, вообще всю внешность, чтобы затѣмъ воспользоваться наблюдениемъ и не отстать отъ «моды».

Подъ вліяніемъ отхожихъ промысловъ, отчасти школы ¹⁾—мѣстный говоръ утрачиваетъ постепенно нѣкоторыя древнія черты, напр. оканье и мѣну и ч., однако это явленіе случайное, спорадическое. Помимо особенностей говора, отмѣченныхъ уже проф. А. И. Соболевскимъ въ «Очеркѣ русской діалектологии» ²⁾ обратимъ вниманіе на слѣдующее: на пространствѣ около 25 верстъ по течению р. Щевжи мною сдѣланы были наблюденія на обоихъ берегахъ ея, и вотъ къ какимъ результатамъ привели они.

Говоръ жителей праваго берега отличается слѣдующими особенностями.

Оканье довольно значительное: корета, онтека. *E* послѣ мягкихъ согласныхъ и ѹ произн. какъ ѡ; «постоянно=и; билой, хліпъ, дило. Членъ отъ, та, то—весъма часть: мужикъ-отъ, бабы-тѣ, бабъ-тихъ (обычное литературное тѣхъ передается формою тыхъ), на лаву-ту. Смѣшиваются надежи словъ женскаго рода: дат. и род. единственнаго, и дат. и твор. мн. числа.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя особенности говора правобережныхъ: очень часто именит. и вин. съ неопределеннымъ: работа работать, соха над' чинить, пора лядина рубить,—солома возить,—корова доить и т. п.

Въ 3 лица ед. числа отсутствуетъ окончаніе *тѣ*: вездѣ мы или не имѣмъ его, или—форма оканчивается на *ть*, *те*: идѣ, говори, кричи, но је, јесте. Такжѣ и во мн. числѣ *тѣ* отсутствуетъ въ большинствѣ случаевъ, и мы имѣмъ: пишио (пишутъ), лежо, скачо, покажо, любя, говоря. Случай втораго полногласія: горопъ (горбъ), столопъ (столбъ), смерѣдушка, на верѣхътъ. Изъ формъ отмѣтимъ слѣдующія: «лускай быкоть давку за болъ; синтаксическая особенность: просить съ дат. падежемъ: просила брату большему.

Всѣ эти данные записаны въ д. М. Будогощѣ, въ д. Градошѣ и въ д. Могилевѣ.

¹⁾ Говорю отчасти, потому что изъ 30 дѣтей школьнаго возраста ходить въ школу всего 3 человѣка, а выдержали экзаменъ на льготу 4-го разряда—1 за два послѣднихъ года.

²⁾ Живая Старина 1892 г., вып. II.

Перейдемъ къ говору лѣво-бережныхъ жителей. То же оканье, то же *ль=и*, но кромѣ того: мѣна *и* и *ч*; о всегда съ особымъ удареніемъ; съ чистою сохраняется послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ: пойдете; напьешься, такъ помрешь, бревно—р. бревень, побѣзѣтѣ; сверхъ того—мягкое *đ*, *m*, произносятся какъ мягкое *z*, *k*, или близко къ тому: пойгѣмкѣ (пойдѣмте). Это произношеніе мягкихъ согласныхъ *đ* и *m* считается въ д. Большой Будогощѣ очень красивымъ: жители ея дразнили одну молодую женщину, вышедшую къ нимъ въ деревню замужъ тѣмъ, что она не умѣла произносить *đ* и *m* такъ мягко, какъ они.

Чѣмъ объяснять подобную разницу въ частностихъ говора? Весьмаѣвѣроятно, что съ одной стороны мы имѣемъ коренныхъ новгородцевъ (съ мѣной *и* и *ч*); съ другой—пришлое населеніе, также занявшее эту мѣстность. Финновъ въ близости нѣть, но въ народѣ есть преданіе о борьбѣ съ «королей».

Этнографическій типъ мѣстныхъ жителей не одинъ: соотвѣтственно отѣвикамъ говора и въ наружности жителей наблюдаются особенности. По лѣвой сторонѣ р. Пчевжи, въ д. Б. Будогощѣ, преобладающимъ является слѣдующій типъ: люди средняго роста (до $2\frac{1}{2}$ арш.), волосы большою частью черные или темнорусые, глаза каріе, носъ умѣренный, прямой, иногда длинный, вытянутый, тонкій.

Въ д. Малой Будогощѣ, по правой сторонѣ р. Пчевжи, крестьяне преимущественно съ свѣтлорусыми волосами, съ обильной растительностью на лицѣ, часто кудрявые, съ короткимъ прямымъ носомъ и сѣрыми глазами; преобладающій ростъ—высокій. Быть можетъ это несходство является чисто случайнымъ, но мы должны указать, что наблюденія г. Богословскаго дали результаты, въ общемъ сходные съ нашими¹⁾.

Историческихъ воспоминаній среди мѣстного населенія не сохранилось никакихъ, кромѣ рѣдкихъ и темныхъ упоминаній о литовскомъ погромѣ; съ ihnenъ связаны многочисленныя преданія о кладахъ, зарытыхъ монахами при разореніи монастырей. Такъ какъ мои свѣдѣнія о кладахъ крайне скучны, то, отсылая читателя къ Новгородскому сборнику²⁾, я перейду къ характеристицѣ міросозерцанія мѣстного жителя, главнымъ образомъ останавливаясь на вѣрованіяхъ въ сверхъестественныя существа.

Тысячелѣтнее христіанство мало проникло вглубь и далеко не вытѣснило изъ воображенія крестьянина древнихъ сувѣрій. Наряду съ вѣрой въ

¹⁾ Новгородскій сборникъ, I т.

²⁾ Тт. II, 80; 111 III, 3, 27 37, 97, 23 и т. д.; IV, 68; V, 18, 97 и passim.

Бога и его Промыслъ мы находимъ удивительное стремленіе населять природу самыми разнообразными фантастическими существами: лѣшими, водяными и др. Не мало беспокойства причиняетъ крестьянину и нечистая сила; не даромъ говорится пословица: Богу молись да на черта поглядывай. Впрочемъ, большинство избѣгаетъ употреблять слово «чортъ», и старается въ разговорѣ замѣнять его евфемизмами: врагъ, онъ, шишко... и др.

Оставивъ въ сторонѣ суевѣрныя примѣты и повѣры, мы обратимся къ сказкамъ, въ которыхъ наиболѣе отразилась вѣра въ различные таинственные существа. Вообще, наша народная сказка, какъ и сказки другихъ европейскихъ народовъ, сложилась подъ самыми разнообразными вліяніями. Разматривая русскія сказки, мы должны часть ихъ отнести къ такъ называемымъ странствующимъ сюжетамъ; часть ихъ представляетъ явныя заимствованія изъ литературы, и лишь о немногихъ мы вправѣ думать, что они возникли на нашей почвѣ, среди нашего народа, и отражаютъ его міросозерцаніе. Въ дальнѣйшемъ мы встрѣтимся со сказками такого рода, а равно и со странствующими сюжетами, наиболѣе подвергнувшимися обработкѣ на русской почвѣ.

Обратимся прежде всего къ миѳическому существу, о которомъ сохранилось наиболѣе всякаго рода разсказовъ, которое является то добрымъ, то злымъ и ближе всего по разнообразію своей природы приближается къ человѣку: мы будемъ говорить о лѣсовомъ или, какъ его чаще называютъ, лѣщемъ. Мѣстный крестьянинъ большую часть года проводить въ лѣсахъ, которыми богата эта часть Тихвинскаго уѣзда. Убравши хлѣбъ, послѣ Рождества Богородицы, уже собирается крестьянинъ въ лѣсъ. Съ наступленіемъ санного пути онъ съ лошадью рѣдится вывозить срубленный лѣсъ и до оттепелей весеннихъ занимается этимъ. Весной, послѣ Святой, опять идетъ онъ уже пилить дрова на берегъ рѣки, по которой дрова сплавляются на продажу. Очевидно, что при такомъ родѣ жизни нашъ крестьянинъ имѣть много данныхъ интересоваться таинственными обитателями лѣса. Часто, въ зимовкѣ, цѣлыми ночами рассказываютъ сказки одна другой фантастичнѣй, и каждый гулъ вѣтра, движение куста или дерева, осыпанного снѣгомъ, стонъ звѣра, разнесшийся въ лѣсной глухинѣ, даютъ поводъ и тему для новыхъ разсказовъ подъ вліяніемъ чутко настроенной фантазіи.

Лѣсовой представляется въ сказкахъ высокимъ, иногда вышиною съ лѣсъ, человѣкообразнымъ существомъ. Онъ похожъ на кустъ, густо покрытый вѣтвями. Вотъ какой случай рассказывали мнѣ. Недавно, зимой 1892 года, въ Петровскомъ погосте мѣстный лавочникъ закрылъ уже свою лавку и собрался спать. Была полночь. Вдругъ стучить кто-то въ окно: «отвори!»

Лавочникъ отвѣтываетъ, что поздно уже; тотъ не слушаетъ: зналъ свое твердить, да въ домъ ломится. Отперъ лавочникъ двери; вошелъ мужикъ большой-большой, едва въ кабакъ помѣщается. «Давай», говорить, «четверть вина!» Налигъ лавочникъ четверть; выпилъ тотъ, крякнулъ, закусилъ селедкой да вязкой кренделей и другую четверть велить налить. И эту выпилъ и третью и все ведро. Денежки плоджилъ да и говоритъ: «сій зиму много звѣрья буде у вась». Сказаль и ушелъ. И подлинно: столько звѣрья было, какъ никогда.

Лѣсовой въ особенной дружбѣ живеть съ пастухами, которые знаютъ заговоръ и нанимаютъ лѣсовыхъ на службу пасти стадо и охранять его отъ всякихъ случайностей и нападений звѣрей. Обыкновенно весной колдунъ отправляется въ лѣсъ, садится на осиновый пенъ и, прочитавъ заговоръ, договаривается съ лѣсовымъ, который немедленно является на зовъ; его можно узнать, во первыхъ, по огромному росту, а кроме того онъ всегда безъ бровей, никогда не подплосывается и лѣвую ногу накидываетъ на правую (ср. Новгородскій сборникъ, I, стр. 284).

Вотъ какъ разсказывалъ объ этомъ очевидецъ, крестьянинъ д. Градоши Прокопій Никифоровъ, съ которыми частенько разныя чуда бывали.

Въ Ильинъ день, посѣтъ обхода съ крестами, пастухъ градошской за гналъ скотъ въ лощинку, а Прокопій тутъ и случись; и видитъ онъ, что пастухъ что-то ладить собирается. Дай-ко, думаетъ, посмотрю. Сталъ, смотритъ черезъ ногу и видить: сидить пастухъ на осиновомъ пенѣ, а передъ нимъ цѣлая артель враговъ, а по серединѣ одинъ такой большой-большой. И спрашивается онъ пастуха: «Выбирай себѣ любово, которой взглянется». А пастухъ ему:— «Выбирай самъ, ты лучше знаешь своихъ-то!» Лѣсовой ему подумавши и говоритъ: «бери вотъ этого, кривого, онъ тебѣ послужи».—«Ну, ладно».— Кривой вражонокъ какъ схватить лозину, да какъ крикнетъ—и повалилъ скотъ по дорогѣ, а большой то и говоритъ пастуху: «смотри только, какъ станешь загонять—иди по сгѣду, а навстрѣчу не ходи: всѣ дома будутъ. И скинули всѣ. Прокопій Никифоровъ перекрестился, да что есть духу домой.

Какъ существуетъ лѣсовой—лицо мужескаго пола, такъ точно воображеніе крестьянъ создало и пару ему. Вотъ разсказъ о бабѣ лѣсовыхъ.

Далеко отъ всякаго жилья, въ лѣсу, была у одного мужика земля, на ней усадьба поставлена и жиль онъ совсѣмъ одинъ. Разъ заходить къ нему прохожій и просится ночевать. Мужикъ пустилъ его, накормилъ и спать уложилъ, а на утро, когда тотъ сталъ ему за почлагъ денегъ давать, не взялъ, отказался. Вотъ и говоритъ ему прохожій: «жаловался ты, что со скотиной тажело, что кругомъ лѣсъ, что скотина бывать заблудится, бы-

вать звѣрьё обидить. За хѣбъ-соль поставлю я тебѣ пастуха: утромъ ты изъ воротъ выгони,—вечеру придуть къ воротамъ сами, только во дворъ загони. Но не ходи ты смотрѣть стада, когда оно выгнано».

И вправду стало такъ: ходить скотина цѣлый день—къ вечеру домой вернется сытая, молока много. Ходило стадо такъ три года, только и пришло въ умъ мужику: «какой же я хозяинъ, что не знаю кто у меня скотину пасеть!» Сказалъ онъ и пошелъ въ лѣсъ стадо искать. Нашелъ скоро: видеть пасется оно, а съ краю полянки стоять высокая-высокая старуха, опёршись ничкомъ на палочку; дряхлая такая старушка, и все качается, будто дремлетъ. Мужикъ-отъ подошелъ къ ней, потянуль её за руку да и говорить: «бабушка, лягъ, отдохни!» А она ему: «спасибо, кормилицъ, спасибо, спасибо»... закачалась, стала меньше, меньше—и вовсе сгинула. Подивился мужикъ, пошелъ домой, а съ тѣхъ порь скотъ пересталъ одинъ въ лѣсъ ходить, надо было мужику пастуха нанимать.

Лѣсовые иногда уводятъ дѣтей и воспитываютъ ихъ у себя въ лѣсахъ. Дѣти дичають, перестаютъ понимать человѣческую рѣчь и носить одежду. Лѣтомъ 1893 г., въ Крестецкомъ уѣздѣ, въ д. Ямницы былъ слѣдующій случай. Четыре года тому назадъ лѣсовой увелъ ребенка, мальчика лѣтъ 13. Нынче мальчикъ этотъ воротился; весь онъ былъ покрытъ кожей, толстой какъ кора, отъ одежды остался только воротъ, а сверхъ того, мальчикъ забылъ совершенно говорить и съ трудомъ учился теперь вновь. Такое обстоятельство крестьяне объясняютъ тѣмъ, что 4 года тому назадъ мать или отецъ «сбралили» или прокляли подъ сердитую руку ребенка, а всѣхъ проклятыхъ берутъ себѣ тѣ изъ нечистыхъ, въ области котораго имѣть место фактъ: дома—домовой, въ водѣ—водяной, въ лѣсу—лѣсовой¹⁾)

Нѣсколько менѣе чѣмъ о лѣсовомъ мы знаемъ о водяномъ; водяной, или, какъ называютъ его крестьяне, омутнико живеть въ глубокихъ омутахъ рѣкъ и озеръ. Онъ помогаетъ рыбакамъ ловить рыбу, но порой, когда разсерженъ или обиженъ ими, разрываетъ имъ сѣти, или распугиваетъ рыбу; иногда онъ утаскиваетъ къ себѣ на дно неосторожныхъ пловцовъ. Вотъ какъ описывалъ мнѣ встрѣчу съ водянымъ одинъ изъ моихъ знакомцевъ, жителей д. Малой Будогонца. «Въ темную осеннюю ночь провалился я около плотины въ рѣку и кое какъ чудомъ выползъ потомъ на берегъ. Упалъ я, хочу вскочить—глядь, а меня кто-то тянетъ. Я посмотрѣлъ: вижу весь онъ мохнатый: ровно метла лицо то. Держатъ онъ меня когтами и непускаетъ. И руки, и ноги у меня ровно окованы. За тулузъ вода холодная, смышу, льется, а онъ смотрѣть: глаза то у врага водяного такъ и горятъ. Перекрестился я, да

какъ хвачу его! Не помню, какъ и на берегъ то выползъ: люди подняли меня ровно мертваго.

Но случается, что водяной или омутникъ является порой въ болѣе привлекательномъ, человѣкоподобномъ видѣ. Рассказываютъ, будто однажды омутникъ изъ Криваго омута на р. Пчевжѣ являлся просить помочь у Будогожскихъ мужиковъ. Дѣло было такъ.

Въ Петровъ день были Будогожскіе мужики въ часовнѣ. Выходя оттуда, видѣть они старичка, который говорить имъ: «Помогите мнѣ добрые люди».

— «Кто ты такой?» спрашиваются мужики, «и чего тебѣ нужно?»

«Я здѣшній омутникъ», отвѣчаетъ старичекъ; «забрался въ мой омутъ чужой омутникъ: житъя мнѣ нѣть отъ него. Помогите, выгоните его изъ моего омута». Забоялись они, спрашиваются: «какъ же мы его выгонимъ?» А онъ имъ: «возьмите стажѣб и идите къ омуту. Подымется, пойдетъ на берегъ валъ, заnimъ другой, такъ вы по первому и бейте стажѣемъ, а втораго не троите—это я буду». Собрались, пошли, стали на берегу. Набѣжалъ первой валъ—ударили по немъ мужики, а одинъ то промахнулся да во второй и угодилъ. Глядь—стоитъ въ водѣ тотъ свой омутникъ. и палка у него въ глазу торчитъ. Обругался омутникъ: «куда», говорить, бросаешь!» и палку назадъ мужику выкинулъ. Такъ и прогнали чужаго омутника, а свой вышелъ изъ воды на берегъ и много имъ изъ кисы на берегъ серебра насыпалъ и говоритъ: «Борите, ребятушки, сколько кому нужно!» Мужики отказались, не взяли.—«Мы», говорять, «не за деньги брались выгонять, а такъ, своему хотѣли помочь: «И хорошо сдѣлали, что не взяли ничего», сказала рассказчица, еслибы взяли, то всѣ равно деньги въ черепѣ дома обернулись бы¹⁾). И омутникъ за такое безкорыстіе ихъ обѣщался, что не будетъ народъ тонуть у нихъ на перевозѣ: «и выше и ниже—будутъ, а у васъ на перевозѣ—никого?».

Теперь перейдемъ къ другимъ остаткамъ языческихъ божествъ, къ домашнимъ мнѣническимъ существамъ. О домовомъ уже достаточно было и писано, и говорено; обратимся къ менѣже известнымъ—бавному и рижному хозяину.

Банный въ большинствѣ разсказовъ является добродушнымъ шутникомъ. Это крайне шаловливый духъ: онъ иногда принимаетъ видъ различныхъ

¹⁾ О превращеніи бѣсовскихъ денегъ въ уголья см. у Аѳанасьевъ. Народныя русскія легенды М. 1868 стр. 167. Опытъ мнѣологического объясненія см. въ его же статьѣ: «Мнѣическая связь понятий свѣта, землї, огня, металловъ и пр.» въ Архивѣ историко-юрид. свѣд. о Россіи, т. II, отд. 2.

людей и такимъ образомъ морочить деревенскій людъ. Въ байнѣ поселяется онъ послѣ того, какъ въ ней побываетъ роженица, моется и парится послѣ хозяевъ¹⁾). Вотъ что рассказываютъ въ д. М. Будогощѣ о баниомъ:

Пріѣхалъ въ деревню торгошъ. Просится ночевать; и была у хозяевъ байня топлена, и въ той байнѣ чудилось. Торгошъ пошелъ съ мужиками: вымылись, выпарились, дома чай сѣли пить, а потомъ и спать легли. Послѣ мужиковъ пошли двѣ невѣстки и дѣвка, а старуха та дома осталась съ мужиками. Приходить въ баню, раздѣлись въ передбаникѣ, входять въ самую баню а тамъ на полку кто-то лежитъ и ноги раскарачилъ: видать—торгошъ. «Ахъ, ты, безсовѣтной, озорной!» говорить бабы,—и домой. Пришли, на торгоша жалуются: тотъ спитъ себѣ и съ избы не выходитъ. А показался то подъ видомъ торгаша баеной.

Здѣсь дѣло кончилось шуткой, а въ другой разъ и хуже было.

«Сиди вечеромъ мужикъ въ избы, и подѣважае тройка. Вылѣзъ баринъ, велѣлъ готовить чаю, созвать посидку, да и говорить хозяину: «стопи мни-ка байну, да найди человека, чтобы меня помылъ да попарилъ, а я за все сто рублей дамъ».—«Какъ за сто рублей не найти человека», говоритъ мужикъ,—«да вотъ баба моя и вымоетъ те и попари». «Ладно». Стопилась байна, баринъ пошелъ мыться, посидка разошлась. Ждетъ мужикъ за самоваромъ, чтойто долго съ байны неайдуть. Ждалъ—пождалъ, да и спрашивается у кучера: «что, моль, пора бы и изъ байны быть»? А тотъ ему:—«нашъ баринъ люби долго париться! Пождалъ мужикъ еще: нѣть, неимется ему: пойду, думаетъ, погляжу, что они тамъ мѣшкаютъ. Подходитъ къ байны и глѣди въ окошко: и види: сиди баринъ на полку и съ бабы кожу сымаетъ. Онъ какъ закричитъ, да побѣжитъ за народомъ! Прибѣжали: байня отворена, на окошкѣ сто рублей денегъ, на полку баба ободрана лежи, а барина нѣть. Побѣжали къ избы: и кучера и тройки какъ не бывало».

Рижный хозяинъ въ великорусскихъ сказкахъ является существомъ преимущественно трусливымъ и завистливымъ. Его легко напугать и прогнать. Но тѣмъ не менѣе надо крестьянину жить съ нимъ въ ладу, иначе онъ сожметъ гумно и уничтожитъ весь хлѣбъ, свезенный туда. Такъ однажды, не взлюбилъ рижный одного мужика и сжегъ у него ригу; построился мужикъ заново, а рижный опять сжегъ. И въ третій разъ построился мужикъ, и вотъ что случилось: Въ прежнее время водили медвѣдей. Вотъ пришелъ въ

¹⁾ Срв. Новгородскій сборникъ, I, 284—6.

деревню иочовать мужикъ съ медвѣдемъ. Куда его положить? неловко такого звѣра въ избу пускать. Вотъ ему и велѣли въ ригѣ той иочовать, что недавно построена была. Стоили ригу; мужикъ съ медвѣдемъ забрались туда и забились за печку: теплѣе тамъ иочовать. Въ полночь приходи рижной хозяинъ и приносї множеству рыбы. Началь онъ ей печь на уголькахъ; печеть и роеть на краешокъ, а медвѣдь из-за печки подбирать лапкой, да подѣбѣдать. Рижной хозяинъ остатнюю рыбку спѣкъ, на печку кинулъ. Хватился, стала искать—неѣ ни одной! Бросился за печку; какъ его сгрѣбъ—и не знать кто—да началь его тискать! «Ну, ты, пусти», кричить рижной: насили вырвали, ушель весь оцарапаный. И черезъ нѣсколько времени идетъ одна женщина рано поутру за водой, а онъ ей на стрѣчу и спрашиваетъ: «Жива ли у мужика, чья эта рига, кошка?»—«Живы, да еще такихъ же семерыхъ родила!»—«Эко горе то», говорить рижный; «скажи ты пожалуста мужику, что ригу ту я у него сжегъ, больше не буду, полно. Пусть онъ деньги мои обереть: ихъ подъ угломъ риги пивовареній котель зарыть. Хотѣль я ему опять ригу сжечь, да болѣ не пойду». И вправду, обралъ мужику деньги: большой котель полный серебра, и стала богато жить.

Наряду съ разсказами, гдѣ дѣйствующими лицами являются существа мионическихъ, пріуроченныхъ и, такъ сказать, прикрепленныхъ къ извѣстному мѣсту, мы находимъ не мало разсказовъ, гдѣ дѣйствуетъ уже непосредственно нечистая сила. Съ понятіемъ лѣшаго, водяного, насколько я наблюдалъ это, самый житель д. Будогощи не связываетъ представлениія о чёмъ то страшномъ, зломъ, враждебномъ Богу и людямъ. Онъ мирно совмѣщаетъ въ своеемъ міросозерцаніи и Бога христіанскаго, и противуположное Ему существо, источникъ всякаго зла—чорта, или, какъ чаще его называютъ иносказательно, врага, и наряду съ ними нѣчто среднєе—цѣлый рядъ божествъ, о которыхъ мы выше говорили. Представлениія этихъ мионическихъ существъ и черта, діавола отнюдь не сливаются въ одно. Чортъ, врагъ—существо отвратительное; самое имя его грѣшно произносить, тогда какъ съ лѣшимъ или домовымъ вступить въ извѣстнаго рода соглашеніе далеко не представляется грѣшнымъ и преступнымъ.

О взаимныхъ отношеніяхъ людей и мионическихъ существъ мы говорили. Теперь рѣчь будетъ объ отношеніяхъ людей и нечистой силы, черта. Нѣкогда Аѳавасьевъ писалъ такъ: «Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ большей части народныхъ русскихъ сказокъ, въ которыхъ выводится на сцену нечистый духъ, преобладаетъ шутливо-сатирический тонъ. Чортъ здѣсь не столько страшный губитель христіанскихъ душъ, сколько жалкая жертва обмановъ и

лукавства сказочныхъ героеvъ¹⁾). Слова Асанасьевъ, будучи отчасти справедливы относительно вышеприведенныхъ сказокъ о миоическихъ существахъ, далеко не соответствуютъ истинѣ, въ чемъ мы убѣдимся когда, ниже ознакомимся съ рассказами жителей д. Малой Будогощи о чертяхъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи мы встрѣтимъ среди жителей совершенно разлчное отношение къ нечистой силѣ, къ мертвцамъ и тому подобному чудеснымъ и таинственнымъ существамъ. Въ иныхъ мѣстахъ вы совершенно не услышите сказокъ о мертвцахъ и чертяхъ; въ иныхъ сказки найдутся, но будутъ, дѣйствительно, сатирическаго характера; наряду съ этими есть много мѣстностей, почти весь сѣверъ, гдѣ населеніе твердо вѣрить въ существованіе чорта, какъ врага и ненавистника человѣка, гдѣ сказки о нечистой силѣ отличаются мрачнымъ характеромъ и совершенно лишены всяческаго сатирическаго элемента.

Вотъ разсказъ о томъ какъ врагъ надѣ человѣкомъ шутить.

Собралась разъ о святкахъ посидка. Много плясали, въ игры играли, пѣли. Ребята разбаловались и стали выдумывать, что бы такое почудиѣ сдѣлать. Вотъ одинъ парень и говорить: „дай ка попытаю (испробую), какъ люди даватся. До смерти не задавлюсь же на глазахъ у всѣхъ. Вы меня, ребята, подержите, а я въ петлю голову суну“. Всѣ рады: новая забава нашлась. Сдѣлали мертвую петлю, привязали къ матицы; только онъ сунулъ туда голову да затянулъ малость—вдругъ въ двери становой, да какъ гаркнетъ: «А кто тутъ давиться задумалъ! Я вотъ сейчасъ всѣхъ вѣсь разберу!» Всѣ по угламъ разскочились, кто къ дверямъ бросился: глядь—никакого станового и не бывало, только метель крутить, да вѣтерокъ воеть и снѣгъ переметывается. Подошли всѣ къ парню, а онъ и вправду задавился: висить въ петлѣ да покачивается. А становымъ то врагъ отъ прикинулся, да на людей мороку навелъ. Вообще, удавленники—любимая добыча чорта. чортубаранъ, какъ говоритъ пословица,

Даже тѣ люди, которые не боятся нечистаго и всячески угощаютъ Богу, не обезпечены отъ нападеній нечистаго и козней его Слышалъ я въ той же деревнѣ разсказъ о кузнице, который и привожу здѣсь.

Жилъ въ деревнѣ мужикъ и кузница была у него. Былъ, онъ хороший человѣкъ, никого не обижалъ, не обманывалъ; часто къ обѣдни ходилъ. Всѣ его любили, и всю бы жизнь свою онъ прожилъ по хорошему, кабы только врагъ на него не обидѣлся. Была у него въ кузнице, на правой сторонѣ, какъ войти, икона—Спасъ премилостивый, а на другой сторонѣ, на доскѣ,

¹⁾ Народныя русскія легенды, стр. 168.

врагъ намалеванъ какъ есть, съ рогами, съ хвостомъ и весь въ шерстѣ. И всякой разъ, какъ взойдетъ кузнецъ въ свою кузницу на работу, Спасу помолится, а на врага харкнетъ и плюнетъ: всего его заплевать. И часто сожалѣть кузнецъ о томъ, что нѣтъ у него молотобойца, а одному работать не сподручно: иной работы иначе какъ вдвоемъ и не справить. А мастеръ онъ былъ первый въ тѣхъ мѣстахъ.

Однажды вечеромъ приходитъ странникъ, еще молодой, и просится ночевать. Переночевать и просить еще на денекъ остаться: присталъ гораздъ. Что-жъ, думаетъ кузнецъ, пусть проживеть денекъ, «А не побѣши ли ты молотомъ», говорить онъ страннику. Странникъ согласился. Пошли въ кузницу, и весь тотъ день работалъ странникъ на кузнеца и очень ему понравился. Приходятъ домой ужинать, а кузнецъ и говорить: «кабы стала ты у меня молотобойцемъ, лучше тебя не надобъ»?—«Что-жъ, мнѣ некуда идти, я хоть и у тебя проживу», отвѣчаетъ прохожій.—«Напальбы я тебя, дѣл не знаю, бывать много спросишь?»—«Что тамъ за много! Буду я у тебя жить, ты меня пой-корми, а черезъ три года дай мнѣ сковать то, что я захочу». Обрадовался кузнецъ. Работникъ лихой, всѣмъ хорошъ, всѣмъ доволенъ. Живеть молотобоекъ годъ, живеть другой, ужъ и третій къ концу приходитъ. И вотъ, наканунѣ дня расчета, останавливается у кузнеца ночевать старенькой престаренькой рабѣ Божій, странникъ.

Выходатъ утромъ они, кузнецъ и молотобоекъ, на работу, и говорить молотобоекъ: «помнишь хозяинъ условіе, дай сковать, что хочу».—«Да вуй;» говоритъ кузнецъ, «желѣза мнѣ је».—«Только ты не смотри», предупреждаетъ молотобоекъ. Вошелъ онъ въ кузницу, что стояла на берегу рѣки, разжогъ горю и ждѣть. Проходитъ мимо старенький стариочекъ, что у нихъ ночевалъ. Идѣть и охаетъ; покачивается, отъ старости едва на ногахъ стоять, того и гляди по земли растанется. Кричитъ ему молотобоекъ: «Эй дѣдушка, заходи ко мнѣ»!—«Тажело, родимый, на гору не здѣнусь», отвѣчаетъ стариекъ. «Цолно приходи сюда, я те помогу, помоложу. Подошелъ стариекъ къ дверямъ и спрашивается: «чѣмъ же ты меня помолодиши?»—«Перекую».—«Да что ты?»—«Ложись, увидишъ».—«Эхъ, все одно помереть», говоритъ стариекъ, «лягу попытаю». А кузнецу то любопытно: прикинулся да въ щелку и смотрѣть. И видѣть онъ: взялъ молотобоекъ старика, положилъ въ горю, засыпалъ уголья, да какъ зафычить мѣхами, только искры столбомъ поднялись. Раскалилъ старика, бросилъ на наковальню, билъ, билъ молотомъ, да въ разныя стороны поворачивалъ; потомъ въ чанъ съ водой окунулъ: защищыла вода, паръ столбомъ поднялся. Кинулъ молотобоекъ старика объ земль—и стала стариекъ молодцомъ хоть куда: парень лѣтъ двадцати, кудри русыя въ колечки зави-

вакутся, щеки полныя румянцомъ горять, походочка молодецкая. Встражнулся повель глазами вокругъ: каковъ моль я! Взялъ онъ котомочку, поблагодарила мастера и дальше пошелъ. Старый кузнецъ, словно ума рѣшившись, опрометью домой бросился; кричать старухѣ матери: «Ей, матушка, давай я тебя перекую, молбда будешь!» «Что ты», говорить ему мать, «аль Богъ разумъ отнялъ? видано-ль дѣло старииковъ ковать?» «Э, не разговаривай со мной, я у молотобойца сейчасъ научилъся», закричалъ кузнецъ; схватилъ онъ старуху, та упирается, Приволокъ онъ ее въ кузницу, связалъ, бросилъ въ горно, и ну мѣхами раздувать. Старуха та вонить благимъ матомъ, а онъ и взаправду ума рѣшился: знай себѣ дуетъ.

А молотобоецъ и странникъ, которого помолодили, побѣжали по деревнѣ и кричать: «идите вси креѣоны въ кузницу, смотрите какъ кузнецъ матъ сожогъ!» Сбѣжался народъ, ворвались въ кузнецу: видеть кузнецъ безъ памяти матъ жжетъ, а старуха ужъ померши. Взяли его въ желѣза, да и повезли въ городъ. Хватились молотобойца — ни его, ни странника нѣть: сгинули.

Слѣдуетъ замѣтить, что настоящая сказка, по ближайшемъ изслѣдованию, оказывается не оригинальной, не самостоятельной по своему сюжету. Обозрѣвая сказочный материалъ, мы замѣчаемъ, что въ сказкахъ любимое мѣсто чорта — кузничная труба. Кроме того, мы имѣемъ легенду о томъ, какъ хромой бѣсь перековалъ пустынника¹⁾). Весьма сходный вариантъ мы находимъ тамъ же, а затѣмъ — сюжетъ этой сказки извѣстенъ и въ западноевропейскихъ²⁾ и въ остальныхъ народныхъ литературахъ³⁾.

Мы не будемъ входить въ подробности сравненія; отмѣтимъ лишь то, что если бы настоящий сюжетъ о мстительномъ чортѣ былъ совершенно чуждъ нашей народности, если бы онъ не нашелъ подходящей почвы, чтобы укорениться и получить широкое распространеніе, то мы оставили бы его безъ вниманія, какъ иѣчто случайное. Но здѣсь появленіемъ его нельзя пренебрегать: нашъ сюжетъ совпалъ съ вѣрованіями и взглядами народа на нечистаго и прочно укрѣпился въ народной средѣ; примкнувъ въ другимъ рассказамъ о томъ же чортѣ и обѣ отношенія его къ людямъ.

¹⁾ Народныя русскія легенды собр. Аѳанасьевымъ стр. 76—77.

²⁾ Тамъ-же стр. 104—107, и примѣчанія стр. 145. Срв. Отечества. Записки 1840 г. № 2. смѣсь, стр. 50—51. тоже, отчасти иначе,—Grimm. Kinder und Hausmärchen II, № 147 Христосъ и ап. Петръ перековываютъ нищаго, Norwegische Volksmärchen, gesammelt. v. P. Albjornsen und Jorgen, № 21. П. В. Шнейеръ, Материалы. II т. стр. 144.

³⁾ Отмѣтимъ хотя бы вариантъ въ „Книгѣ Мудрости и Лжи“ (Грузин. басни XVII ст.) С. С. Орбеліани, перев. Ах. Цагарели. Спб. 1878. стр. 84, № 75.—вариантъ наиболѣе схожий съ нашимъ.

Отъ сказокъ о нечистой силѣ обратимся къ тѣмъ народнымъ разсказамъ, гдѣ также силенъ элементъ чудеснаго и таинственнаго, къ разсказамъ о мертвцахъ. Вѣра въ сохраненіе мертвцами способности живыхъ людей—двигаться, говорить, являться людямъ изъ могилъ и вступать въ различныя отношенія съ живыми близкими людьми и родственниками—эта вѣра была всегда сильно распространена въ народныхъ массахъ всѣхъ странъ и эпохъ¹⁾). Не будемъ распространяться о возможныхъ причинахъ возникновенія подобнаго вѣрованія; укажемъ лишь на наиболѣе вѣроятную причину, на аналогію сна и смерти, которая всегда бросалась въ глаза людямъ.

Мертвецъ—существо наполовину уже иного міра: этимъ онъ внушаетъ таинственное уваженіе къ себѣ. Пока трупъ не подвергся окончательному разложению—въ него всегда можетъ вернуться душа его и оживить къ новой дѣятельности. Это воззрѣніе мы находимъ, напримѣръ, у египтянъ и равнымъ образомъ у народовъ ничего общаго съ ними неимѣющихъ. Оно—плодъ известнаго психическаго настроенія, являющагося по поводу двухъ аналогичныхъ явлений, созерцаемыхъ человѣкомъ. Издавна существовалъ также взглядъ, что души добрыхъ людей, послѣ смерти этихъ послѣднихъ, являются охранителями живыхъ людей и интересовъ ихъ. Души же злыхъ, особенно колдуновъ или зневавшихся съ нечистой силой, оказываются и послѣ смерти тѣла, врагами и ненавистниками всего живущаго, подобно діаволу, которому они служили при жизни.

Сообразно этимъ послѣднимъ взглядамъ на мертвцовъ, народные разсказы о нихъ распадаются на двѣ группы: одни повѣствуютъ о мертвцахъ добрыхъ, другіе—о злыхъ.

Вотъ разсказъ, выдаваемый за бывш., о мертвцѣ обогатившемъ мужика; сообщаю его тѣми же словами, какъ слышалъ самъ.

Гнали ребята барки по Мсты, вошли въ Волхово. Стали иочопать; глядѣть, однѣво на берегу и забыли. Пошелъ онъ по берегу: думаетъ своихъ паздогнать. И видѣть, лежитъ на берегу покойникъ въ хорошей одежі. Вотъ парень то и здумай: роздину ево; на што ему хорошая одежда?—а мнѣка послужи. Роздилъ и пошолъ. Только и дѣмае: што жъ я єво такъ то брошиль. Вернулся молитву сотворить и вѣди, што у єво на груди хрестъ золотой. Снялъ съ єво хрестъ, да иеловѣдъ безъ хреста бросить. Надилъ на покойника свой, да и говорить: «вотъ мы хрестамъ помѣнялись, побратались,

¹⁾ Объ этомъ собрали матеріалъ и указана литература въ первыхъ главахъ изслѣдованія И. Созоновича: «Ленора Бюргера и родственные сюжеты въ народной поэзіи еврейской и русской». Варшава. 1893.

значить. Прошай братъ христовой!» Нашолъ онъ своихъ; и вотъ приходитъ ночь. Является ему этотъ покойникъ и говоритъ: «что ты, христовой братъ, меня и не похоронилъ; грызно теби-ка меня такъ бросить. Вернись, захорони меня, да возьми у меня съ руки золотое кольцо». Совѣстно стало парню. Вернулся, помолился надъ нимъ, захрестилъ, все молитвы прочѣль, какія зналъ и опять пришелъ на барку. А ночью снова приходи къ нему покойникъ и говоритъ: «Вотъ взялъ ты теперь кольцо, одежду; сходи, какъ будешь въ Новѣ-городѣ, къ моей матушки и скажи, что ты, мой братъ христовой, захоронилъ меня, а въ подпольи пусть она разломать стѣни, (и указалъ гдѣ) и что найдешь—себя возьми». Парень и былъ въ Новѣ-городѣ, да не послушался: «что», говоритъ, «пойду я, объявлюсь?—на меня скажутъ, что убили, да посадятъ». А покойникъ опять къ нему приходи и проси. Думаетъ парень: что какъ онъ и дома начнѣ ходить кожную ночь? скожу. Рѣшился и пошелъ. Показалъ онъ матери кольцо и всё рассказалъ по порядку. Мать сейчасъ ево въ клѣть посадила, заперла и хотеть въ судъ отдать. Только пришла ночь. И вотъ сынъ покойникъ приходи къ матери и говоритъ: «выпусти матушка тово человѣка, сведи ево въ подполье и отдай ему што онъ самъ возьметъ. Кабы не захоронилъ онъ меня, такъ клевали бы меня вороны, мыгъ бы мои косточки холодный дождикъ». Свела мать парня въ подполье; нашелъ онъ тамъ казну, какъ сказано было, побѣхаль на родину и стала жить да поживать.

Въ этомъ разсказѣ отразилось вѣрованіе общее всѣмъ европейскимъ народамъ, что позорно и нечестиво оставлять умершаго безъ погребенія.

Теперь обратимся къ сказкамъ, гдѣ мертвецъ является страшнымъ, злымъ существомъ. Вотъ сказка о трехъ братьяхъ и отцѣ колдунѣ.

Жили были трое братьевъ, а отецъ у нихъ былъ колдуномъ и жилъ особѣ. Померъ онъ и помирамше велиль, чтобъ его трои сутки откараулять, а раньше того не хоронить. Приходитъ какъ разъ къ нимъ въ это время солдатъ и просится ночовать. Они и говорятъ: милости просимъ «ночовать, только сїночъ покарауль ты у насть отца». Солдатъ согласился. Забрался въ избушку, гдѣ особѣ жилъ колдунъ, зажогъ свѣчку, сиди и читае. Вдругъ съ трубы штотъ кричитъ: «ушаду!» А онъ неглядя въ отвѣтъ: «да падай!» И упала въ избу нога, вся въ шерстѣ. Немного погодя опять: «ушаду!» Солдатъ опять: «вались», говорить. И снова тотъ же голосъ: и упала другая нога, потомъ руки, туловище, голова. И опять голосъ: «встаню». — «Да, встанай», сказалъ солдатъ: поднялъ глаза и видѣть: стоитъ передъ нимъ ктотъ мохнатой, страшной такой. «Погоди я ужо те проберу», говорить солдатъ: какъ стала пробираться мохнатой къ ему, онъ его и пересѣкъ саблей.

Запѣли пѣтухи и чудо стинуло. На вторую и на третью ночь упросили оставаться солдата опять караулить; то-же самое случилось съ нимъ. Братья перепугались, прося ево: «свези ужъ и на погость ево». Солдатъ велѣлъ набить на домокъ¹⁾ три обруча желѣзныхъ, поставилъ на телѣжку и самъ сверху сѣлъ. Бѣхаль, щѣхаль; обручъ—лопъ! Попоѣхаль еще немнога—другой лопъ! Немнога погода и третій лопнулъ. Солдатъ на руку обручи надѣваетъ и что есть духу скачеть на погость. Привезъ покойника, а батька дома нѣтъ. Говорить отъ матки-попады: «тѣло привѣзъ». А она ему велела поставить ево въ синахъ, въ чуланчикѣ. Набилъ солдатъ обручи на домокъ и щѣхаль скорѣй. Сиди матка ночью, ждѣ батька. Вдругъ обручъ: лопъ! Не батька ли прихалъ, думае матка и поглядыва за оконшко. И второй, и третій лопнулъ—и батька все нѣтъ. Слыши попадь: кто-то въ избу идѣ, въ дверь ломится: «пушай», говорить, «а то и такъ попаду!» Она замнулась, залѣзла на печку, всѣхъ ребята и кошкъ и собакъ съ собой забрала. Мертвѣцъ вломился въ избу, сталъ шарить у печки и лѣзть туда; попадь ему щенка бросила: онъ его разорвалъ и съиль. И опять лѣзетъ, а она ему кого-нибудь опять кине: всѣхъ и кошкъ и собакъ перерыла; маленькаго ребенка ему бросила: онъ и того разорвалъ и съиль. И въ это время запиль питунъ — мертвѣцъ упалъ навзничь. Немнога погода срядъ и батька прихалъ. Видѣть каково у матки чудо случавши, скопилъ народъ, свезли мертвѣца въ яму, зарыли и осиновымъ колышкомъ забили.

Настоящая сказка по своему характеру и складу близко подходитъ къ сказкамъ сообщеннымъ И. Сазоновичемъ въ вышеупомянутомъ его изслѣдованіи. Говорить также въ д. Будогощѣ, что мертвѣцы жестоко наказываютъ тѣхъ, которые относятся къ нимъ безъ должнаго уваженія. Одинъ изъ такихъ случаевъ мести мертвѣца я здѣсь и приведу.

Собрались дѣвки да ребята на посидку, а одинъ парень и говорить: «давайте ка я сюда покойника приносу». А о ту пору былъ покойникъ въ часовни. Парень и вправду принесъ его, поставилъ у дверей къ печкѣ. Сталъ покойникъ оттавивать и опускаться, а дѣвки отъ страха кто на печку, кто въ запечокъ забрались и велятъ несть его назадъ. А парень не хочетъ, говоритъ: «несите сами!»—забоялся. Покойникъ молчалъ, молчалъ да и заговорилъ: «кто взялъ. тотъ и неси назадъ». Хоть страшно было, а надо несть. Вотъ парень съ товарищемъ и понесъ его. Принесли въ часовню, положили на старо мѣсто, а покойникъ и говоритъ: «попрошаитесь со мной». Товарищъ, который помогалъ нести назадъ, попрощался какъ слѣдуетъ, а первого, выдумщика, покойникъ захва-

¹⁾ Домокъ—гробъ

тиль руками за шею, и отнять нельзя было. Руки пилить хотели—пила несть. Такъ ихъ вмѣстахъ и схоронили.

Нѣкоторыя сказки о мертвцахъ не лишены комического элемента, но въ общемъ—это рѣдкое явленіе. Какъ примѣръ мы сообщимъ сказку, довольно сходную въ частностяхъ съ приведенной нѣсколько выше сказкой о колдунѣ, трехъ сыновьяхъ и солдатѣ.

Жили-были мужикъ да баба, и былъ у нихъ сынъ. Сына сдали въ солдаты. Отслужилъ онъ свой срокъ и вернулся домой въ деревню а матери и отца иѣть. Спрашивается онъ, гдѣ она; ему отвѣчаютъ мужики: «вотъ новой домъ, тутъ и померъ твой отецъ, а мать тоже давно померши». Взялъ солдатъ вина и пошелъ въ домъ. Сядить ночью, пить вино, а покойникъ и приходить—весь въ бѣломъ. И говорить онъ сыну: «я сѣѣмъ тебя».—«Погоди», говоритъ солдатъ, «сперва вина выпьемъ, а потомъ и сѣѣшь меня».—Пьютъ, а солдатъ этакъ между прочимъ спрашивается, быдто ни къ чему: «и чѣмъ это, батюшка, васъ убиваютъ?» А покойникъ и говоритъ: «осиновымъ коломъ три раза буде на ѹспашку успѣшь ударить—убешь». Пошелъ солдатъ въ сѣни, быдто за нуждой; ищетъ осиновой палки, а мертвецъ кричитъ: «что ты тамъ мѣшкаешь, мни ка тебя ясь пора». Нашелъ, наконецъ, солдатъ палку, подошелъ къ мертвцу, да какъ хватить его: тотъ и опрокинулся. Сдѣлали домокъ ему, обручи набили и повезли на погость. По дорогѣ одинъ лопнуль, другой цѣль остался. Привезли, похоронили и осиновымъ клиньямъ забили.

Въ заключеніе замѣтимъ слѣдующее: разсказы чудеснаго характера—о разныхъ сверхъестественныхъ явленіяхъ, существахъ, о чортѣ и встающихъ изъ гробовъ мертвцахъ распространены далеко не повсемѣстно и вовсе не равномѣрно въ средѣ нашего крестьянства. Не будемъ отрицать вліянія школы, какъ фактора разрушающаго миѳическія воззрѣнія на природу; но и помимо того, что школа существуетъ давно и имѣеть много учениковъ, мы встрѣчаемъ села, гдѣ населеніе чрезвычайно много знаетъ разсказовъ о мертвцахъ и чертяхъ. Съ другой стороны въ совершенно забытыхъ просвѣщеніемъ глухихъ углахъ мы въ удивленію можемъ совершенно не встрѣтить подобныхъ разсказовъ. Причина, на нашъ взглядъ, лежитъ въ существенныхъ чертахъ психического склада народа, мѣстность населяющаго данную.

Кое гдѣ уже съ недовѣріемъ начинаютъ относиться къ такимъ разсказамъ. Старые люди, слыша высказываемыя сомнѣнія и распросы о причинахъ этихъ чудесъ, повторяютъ одну обычную фразу: «въ старину люди простые были, проще насть, оттого и видѣли всякия чудеса, а теперь пошелъ хитрой народъ, до всего самъ дойти хочетъ».

Отчетъ о поѣздкѣ къ Олонецкимъ Кореламъ лѣтомъ 1893 г.

Мм. гг.!

Въ нынѣшнемъ году, весной, я получилъ предложеніе отъ Императорскаго Географическаго Общества—заняться въ періодъ лѣтихъ мѣсяцевъ собираниемъ этнографическихъ материаловъ въ корельскомъ краѣ. Мѣстомъ для своихъ экскурсій я избралъ часть губ. Выборской (нѣкоторыя мѣстности уѣзда Сердобольскаго, пограничная съ Олон. губерніей) и въ губ. Олонецкой—уѣзды Петрозаводскій и Олонецкій. Съ этою цѣлью я и отправился изъ Петербурга въ первыхъ числахъ іюня на пароходѣ въ Сердобольскій уѣздъ. Живя здѣсь среди мѣстныхъ корелъ, финляндскихъ уроженцевъ, я присматривался къ ихъ жизни, нравамъ, обычаямъ, привычкамъ. И теперь, подводя итоги своимъ наблюденіямъ, могу сказать, что финляндскій корель далеко опередилъ своего родного брата олончанина. Здѣсь не встрѣтишь уже такого невѣжества, какое до сихъ поръ еще спокойно ютится въ лѣсныхъ деревенькахъ Олонецкой Корелии, удаленныхъ отъ уѣзднаго города или даже отъ центральныхъ селеній верстъ на 40 и на 50. Финляндскій корель много видѣлъ, много слыхалъ на своеъ вѣку и свободно, со смысломъ разбираетъ финскую грамоту. Его «туша» (домъ) поставлена на высокомъ каменномъ фундаментѣ и покрыта прочной, драничною (дранка—лучина) крышей. При входѣ въ нее всякаго посѣтителя необыкновенно приятно поражаетъ та уютная чистоплотность и нѣкоторое довольство (материальное), о которыхъ и понятія не имѣть нашъ постоянно грязный, вѣчно чумазый, полуголодный землякъ. У него вы найдете—и прибытый къ оконной рамѣ термометръ (непремѣнно Цельсія), дешевенький альбомъ фотографическихъ карточекъ, листокъ мѣстной газеты «Laatokka» и непремѣнно «вирси-кирья» (книга, содержащая богослужебные стихи) и «Тестаментъ» (біблія) въ красивыхъ кожанныхъ переплетахъ. Не удивится финляндецъ-корель, если вы покажете ему и пожарную машину во время самого дѣйствія,—которая до сихъ поръ приводить въ нѣмое изумленіе олонецкаго корела,—«да эта машина, скажетъ онъ (финляндецъ), у насъ, въ нашемъ мѣстечкѣ давно уже заведена на общественный счетъ»... Найдется у него и усовершенствованный плугъ, ресорный кабріолетъ, съ мягкой волнистой шерстью овца, о которыхъ еще не приходится и мечтать нашему олончанину.

Изъ Финляндіи, постепенно двигаясь изъ деревни въ деревню (Koiganso, Impilaks, Kitelä, Pitkä-ranta, Kolmi-kanta, Hippi, Risto-oja, Usi-kylä, Uuksu, Кяжняжи, Sadula, Salmis, Varba-selgä), я перевалилъ въ предѣлы своей родины—Олонецкой губерніи. Еслибы мнѣ пришлось переѣхать границу (въ дер. «Kondu») въ самую темную ночь, и если бы даже не существовало строгаго шлагбаума, и тогда бы я непремѣнно почувствовалъ или, вѣрнѣе,—опутилъ что я ёду по родной землѣ: ровное широкое полотно дороги, обитое крупнымъ пескомъ—«чурой», кончилось, и началась убѣйственная съ глубокими промоинами, избитыми колесами—почтовая, на которой постоянно рискуешь выскочить изъ телѣги, или полетѣть внизъ головой въ какую-нибудь котловину вмѣстѣ съ лошадью и экипажемъ.

«Отчего же здѣсь пошла такая скверная дорога? спросилъ я у своего ямщика, который съ угрюмымъ равнодушіемъ покачивался на козлахъ...

— Что ты скасаль?.. встрепенулся мой возница.

«Отчего, говорю, скверная здѣсь дорога?»

— Дорогъ?.. дрогъ здѣсь русской...

И это было въ устахъ простодушнаго кореляка достаточнымъ объясненіемъ на мои вопросы.

Въ концѣ мѣсяца іюня я былъ уже въ Олонцѣ, въ одномъ изъ старинныхъ корельскихъ городовъ (по дорогѣ въ Олонецъ я заѣжалъ въ сс. Видлицы и Тулоксу). Городъ настолько имѣеть въ себѣ мало «городскаго», что сначала невольно принимаешь его за одно изъ селъ, которыя на протяженіи верстъ 10—15 безпрерывно тянутся по берегу рѣки Олонки. Здѣсь тѣ же крестьянскія сѣрыя избы, съ двухскатными тесовыми крышами, тѣ же крестьяне въ сѣрыхъ кафтанахъ и бѣлыхъ сапогахъ, та же корельская рѣчъ,—и невольно думаешь, что это также какое-нибудь село, только нѣсколько побогаче. Но вотъ замѣлькали полицейскія управленія, уѣздныя присутствія, трактиры съ необыкновенно большими вывесками, и прѣѣзжай, наконецъ, догадываешься, что онъ въ городѣ, который когда-то далъ свое имя цѣлой области въ 112,322 квадратныхъ верстъ.

Въ самомъ центре города, гдѣ выстроенъ каменный соборъ, окрашенный желтой краской, дома мѣстнаго купечества, духовенства и властей,—раскинулись на нѣсколько десятинъ ровные, гладкіе, сѣнистые луга. Косари, звоня косами, косили сѣно, когда я вѣзжалъ въ городъ. «Чьи это луга?..» спросилъ я у одного изъ мѣстныхъ обывателей, удивленный такими патріархальными порядками.

— А это—отца протоіерея... отѣчталъ спокойно Олончанинъ,—Онъ много тутъ сѣна наканиваетъ...

«Но как же они такъ очутились въ центрѣ города?...

— Да очень просто... Отецъ протоіерей взялъ на свое имя нѣсколько номеровъ плановыхъ мѣстъ, домовъ-то строить не строитъ, а сѣно косить, и отъ этого ему—большой доходъ...

Цѣлыхъ шесть дней, начиная съ понедѣльника и кончая субботой, въ го-
родѣ царить мертвая тишина, нарушенная развѣ лаемъ собакъ и крикомъ гусей,
принадлежащихъ одному изъ властей. Проходящихъ на улицахъ такъ мало, что
невольно приходитъ въ голову сказка о сонномъ царствѣ, гдѣ всѣ граждане
марно почивали. За то въ воскресеніе городъ совсѣмъ преобразовывается. Въ
этотъ день въ Олонцѣ бываетъ базарь. Съ самаго ранняго утра цѣлые толпы
окрестныхъ мужиковъ толкаются на площади около возовъ, мѣстныхъ лавокъ и
шарьковъ самаго первобытнаго, примитивнаго устройства. Надъ городомъ но-
сятся гомонъ отъ цѣлой тысячи корельскихъ языковъ. Продаютъ соленую рыбу,
провѣтренную, вяленую говядину, кожу и постное масло. Вездѣ кричатъ, ря-
дятся, спорятъ,—и все это происходитъ и ведется на корельскомъ языке, кото-
рый, какъ известно, любить полногласіе и отъ этого выходитъ необыкновенно
крикливымъ. Въ Олонцѣ даже и « власти » говорять по-корельски. Мнѣ самому
случилось слышать, проходя по набережной, гдѣ живутъ зажиточные люди и на-
чальство, какъ мѣстный воинскій начальникъ закликалъ во дворъ корову, пас-
шуюся на зеленомъ берегу Олонки: « Тпрукой, тпрукой, тулэ кодихъ, тулэ ко-
дихъ »... Ровныя плоскія окрестности Олонца представляютъ весьма удобныя
мѣста для землепашства. Здѣсь даже и мѣщане—городскіе жители—исключи-
тельно почти заняты земледѣлемъ. Сѣютъ рожь, овесъ, ячмень и получаютъ
большіе доходы отъ продажи сѣна. Оттого, кажется, и самое название Олонца по
корельски « Анусть », финны передѣлали въ « Aunus », что значитъ хлѣбный
столъ, житница корельского края. Такой же взглядъ на Олонецъ, какъ на
городъ богатый и при томъ веселый, сказался и въ нѣкоторыхъ корельскихъ
пословицахъ: « хоть айжаль, да Ануксэнъ-піа »—хоть на оглобль, да къ
Олонцу, « хоть айнавонъ, да Ануксэзъ »—хоть разокъ, да въ Олонцѣ,—т. е.
въ Олонцѣ такъ хорошо, такъ въ немъ весело, что хоть на оглобляхъ щать,
хоть разокъ побывать, да именно только въ немъ. И сами олончане не
прочь иногда кстати похвастаться о богатствѣ своего города: « тулдаѣъ рибу-
лоіесь, ляхтіетѣнъ реболойсъ »—« пріѣдутъ-молъ къ намъ въ тряпкахъ, а
уѣдутъ въ лисицахъ », но на самихъ олончанахъ почему-то не замѣтно этихъ
личицъ. Большинство населенія Олонца отличается необыкновенно крѣпкимъ
тѣлосложеніемъ, высокимъ ростомъ и какою-то лѣнивою плавностью въ по-
ходкѣ, что сильно напоминаетъ русскихъ мужиковъ. Это обстоятельство по-
дало мнѣ поводъ думать, что жители г. Олонца, по всей вѣроятности, не при-

родные корелы, а пришлые русские, позабывшие только свой языкъ и перенявшіе языкъ туземцевъ.

Пересѣкши весь Олонецкій уѣздъ поперекъ ¹⁾ отъ СЗ. на ЮВ., я перевалилъ въ уѣздъ Петрозаводскій, въ которомъ въ этомъ году направился прямо на югъ, къ рѣкѣ Свири, переходя иногда въ пограничный уѣздъ—Лодейнопольский. Исходилъ много деревень, сель (Святозеро, Ващакова, Важенская пристань, Сигъ-наволокъ, Шалгуба, Мельница, Ахпой-сельга, Маяй-сельга, Каскесь-наволокъ, Маныга, Ладва, Таржеполь, Кащакана, Мечуай-ярви, Пагачиницы) большою частью пѣшкомъ или верхомъ на лошади, потому что пути сообщенія таковы, что по нимъ въ пору только пройти или много-много проѣхать верхомъ. Представьте себѣ едва замѣтную тропинку, густо обросшую лѣсомъ и кустами; она то поднимается въ крутую гору надъ небольшимъ, но глубокимъ озеромъ-ламбой, или стремительно опускается внизъ въ болотину, гдѣ грязь никогда не высыхаетъ; вотъ она красиво извивается по сухому сосновому бору, то пробѣгаешь по зеленой березовой рощѣ и вдругъ сразу обрывается, опершись въ рѣчку, чрезъ которую нѣть ни мостика, ни перевоза.

Таковы въ большинствѣ случаевъ пути сообщенія, по которымъ приходилось путешествовать. Оступись тощая пѣгашка, на спину которой приходится взбираться всякому, кто не пожелаетъ путешествовать по образу пѣшаго хожденія, и полетишь куда-нибудь подъ гору съ опасностью свернуть шею, разбить голову о камни, или искупаться въ грязной болотинѣ. О быстрой фѣдѣ, конечно, и думать нечего.

И такъ, что же получилось въ результатѣ всѣхъ этихъ странствованій по корельскому краю? Что сдѣлано мною во весь лѣтній періодъ? Мною собрано: 1) нѣсколько сказокъ и 2) легенды; 3) нѣсколько загадокъ и пословицъ (въ добавленіе къ прошлогоднему сборнику); 4) сказанія о кладахъ и 5) нѣсколько сказаний о Литовцахъ; 6) записаны заговоры крови и змѣинаго ада (въ нѣсколькихъ экземплярахъ); 7) свадебныя причитанья Кидельского прих. Сердобольск. уѣзда и 8) причитанья погребальныя—добавленіе къ прошлогоднему; 9) записаны толкованія сновъ у кореляковъ; 10) собственные имена ихъ,—корельские святцы, 11) примѣты на всевозможные случаи въ жизни; 12) примѣты и обычай при воспитаніи дѣтей; 13) стихъ объ Алексѣѣ человѣкѣ Божиемъ; 14) дѣтскія пѣсенки и 15) пѣсни, приближающіяся по содержанію къ поэмамъ... Одна изъ такихъ пѣсень-поэмъ (женитьба «Сепуай Илмаллиненъ»), мною уже представлена многоуважаемому нашему пред-

¹⁾ Посѣтилъ дд.—Торосъ-озеро, Коткозеро, Войвазъ-ламби, Кескозеро, Зильчай, Нирка...

съдателю В. И. Ламанскому. Пѣснь записана мною со словъ крестьянки-корелки Петрозаводского уѣзда, д. Бородинъ-Наволока—Катерины Туру. По словамъ этой женщины, она (пѣсня) поется во время свадебъ и застраховываетъ жениха и невѣсту отъ дѣйствій всякаго колдовства. По содержанію и формѣ, пѣснь очень напоминаетъ руны Калевалы. Въ ней также встречаются герои Калевалы—Wäinämöien, Ilmarinen, Iovkähainen, и описываются похожденія ихъ, въ частности Ilmarinen'a. Есть даже мѣста, которые представляютъ почти буквальное сходство съ Калевалой.

Но при всемъ томъ корельская поэма не лишена и нѣкоторой оригинальности, нѣкоторыхъ самостоятельныхъ чертъ сравнительно съ финской эпопеей, записанной Лѣротомъ. Такъ, напр., Хидвидъ-царь и его дочь Муардѣй-Дуардѣй—въ Калевалѣ совсѣмъ не упоминаются. И въ Калевалѣ, правда, въ одной изъ рунъ описывается также поѣздка Илмаринена сватать, но описывается нѣсколько въ другомъ видѣ и иными чертами, и Вайнемойненъ (какъ помнится) не является, какъ здѣсь (въ корельск. поэмѣ) врагомъ Илмаринена и не строить ему козней. Пѣснь на корельскомъ языке изложена звучными стихами, одинакового размѣра съ Калевалой, и читается очень легко, алигаттерація въ ней встречается довольно часто (подробиѣ см. самую пѣснь)¹⁾.

А теперь кстати я считалъ бы не лишнимъ познакомить почтенное собраніе, хотя въ краткихъ чертахъ, съ тѣми пріемами воспитанія дѣтей (разумѣю—въ самый ранній періодъ), которыя и до сихъ поръ практикуются въ Олонецкой Корелии. Пусть это сообщеніе будетъ малой частицей изъ того, что мною собрано и записано по этому предмету во время лѣтнихъ странствованій.

Дѣти въ Корелѣ ростутъ такъ же свободно, на волѣ, какъ только можетъ рости дикое растеніе въ лѣсу или крапива на задворкѣ. Они, послѣ того какъ минетъ 3—4 первыхъ года, рѣшительно предоставляются самимъ себѣ, и на родителяхъ лежитъ лишь болѣе легкая обязанность—доставлять имъ хлѣбъ и кой-какую одѣжинку, которая въ рѣдкихъ случаяхъ грѣеть, а обыкновенно только прикрываетъ тѣло отъ нескромнаго глазу. Бѣгающій ребенокъ считается уже настолько взрослымъ, что родители не опасаются оставлять его одного дома, уходя сами въ лѣсъ на работу. И не знаетъ корельское дитя никакихъ мамокъ и нянекъ, проказить въ лѣтніе дни вволю, «досыта», безпомощно тонеть въ рѣкахъ и озерахъ, захлебывается въ колодцахъ и зажигаетъ нерѣдко цѣлые селенія.

Но за то въ первые годы своей жизни, особенно пока не отростутъ зѣбы, много съ нимъ горя и хлопотъ бѣдной матери... Оберегать отъ худого

¹⁾ См. IV вып. Ж. Стар. 1893 г. Отд. II, стр. 541—553.

глаза и лѣчить отъ всевозможныхъ болѣзней, начиная отъ чесотки и кончая «призоромъ», кормить грудью и убаюкивать въ люлькѣ по ночамъ—все это лежитъ на матери, которая и днемъ, какъ здоровый человѣкъ, не сидѣть сложа руки: она на равнѣ съ другими членами семьи должна исполнять всѣ работы около дома и въ лѣсу. «Охъ ужъ эти мнѣ дѣти..., говорить иная баба, раздающая ежегодно по ребенку,—совсѣмъ измучилась съ ними, ни днемъ, ни ночью нѣть покою»... и такимъ образомъ Божье благословеніе для нея обращается въ чистое проклятіе.

Періодъ беременности, какъ известно, и для корельской женщины продолжается около девяти мѣсяцевъ. Но если же случится, что упрямому ребенку и послѣ этого срока почему-либо не захочется выходить на бѣлый свѣтъ изъ материней утробы, то у кореляка на этотъ случай есть очень хорошее средство. Стоитъ только беременной женщинѣ насыпать овса въ заднѣй подоль рубашки и, слегка наклонившись впередъ, скормить его лошади, и ребенокъ волей-неволей долженъ будетъ оставить насиженное мѣсто и съ крикомъ недовольства увеличить собою корельскую семью въ качествѣ ея нового члена. Если же и это средство окажется недѣйствительнымъ, то тогда прибѣгаютъ къ самому крайнему, самому варварскому, что можетъ случиться только въ корелѣ: родильницу привѣшиваютъ къ «огсі-рии» (продольныя и поперечныя перекладины отъ одной стѣны къ другой, на которыхъ кореляки сушать сѣти, лущину и одежду), съ силой нажимаютъ животъ и такимъ способомъ выдавливаютъ упрямаго ребенка.

Для родильницы уступаютъ въ избѣ пѣлый уголь и огораживаютъ его кой-какимъ тряпьямъ—въ видѣ занавѣски. Окно противъ этого угла также глухо закопачивается—платками, кафтанами и овчинными шубами. «Розниччу»—родильница лежитъ въ углу на соломѣ и слегка стонетъ; слабый стонъ является какой-то необходимой принадлежностью каждой родившей женщины: «А не равно кто войдетъ въ избу и, не слыша стоновъ, подумаетъ: вотъ вѣдь родила, и хоть бы что. Ни одного стона... А этимъ, известно, легко и сглазить».

Пуповину у ребенка въ большинствѣ случаевъ обрѣзываютъ какая-нибудь мѣстная старушка, искусная во всякаго рода колдовствахъ и знахарствахъ. Отрѣзанную пуповину бросаютъ прямо во дворъ, въ уголъ, и рѣдко когда даютъ себѣ трудъ закопать ее въ навозъ.

«А зачѣмъ закапывать? спрашиваетъ корелякъ.—Свинья все равно сѣсть, долго валяться не будетъ... Свинья тоже для себя старается, ей вѣдь,—«веро»—обѣдъ будетъ»...

Самый пупокъ обвязываютъ волосами родильницы или прядями льна,

которые были вплетены въ ея косы во время вѣнчанія, и только рѣдко-рѣдко когда простыми нитками. Завязать хорошо, удачно пупокъ считается большимъ мастерствомъ, и не каждая бабка возьмется за это дѣло. Часто случается такъ, что завязанный пупокъ снова развязывается, и ребенокъ истекаетъ кровью. «Когда родила я первого ребенка, рассказывала одна корелка, пригласила «бабничать» (буабиманъ) Вахрамъевну. Тогда что еще знала?.. Ничего... Долго вѣрила тому, что ребенокъ выходитъ изъ пазухи... Ну, такъ вотъ и пригласила я эту Вахрамъевну... Она у меня тутъ «бабничала», мыла ребенка, пупокъ обрѣзывала.. Говорю ей: Вахрамъевна, помажи-ка ребенка?.. Какъ погляжу я, такъ пеленки у ребенка, что брусличнымъ сокомъ облиты, а самъ ребенокъ сталъ какъ бѣлая скатерть».

— И умеръ у тебя ребенокъ?..

«Какже... тѣмъ же днемъ и умеръ»...

Чрезъ пѣсколько дней, обыкновенно, выпадаетъ пупокъ, отрываясь по тому самому мѣсту, гдѣ былъ перевязанъ волосами или ниткой.

Пупокъ, по воззрѣніямъ кореляковъ, имѣть весьма важное значеніе для каждого человѣка. Умъ человѣка находится въ таинственной тѣсной связи съ нимъ, а потому его не бросаютъ «зря» куда- попало, какъ пуповину, но прятуть его въ особыя укромныя мѣста и тщательно хранять въ продолженіи всей жизни. Обыкновенно, его залихиваютъ подъ потолочную балку и строго наблюдаютъ, чтобы кто-нибудь не краинулъ: «крайнулъ пупъ ребенка, крайнулъ его умъ, навѣкъ сдѣлалъ его несчастнымъ» (*lilikutid lapsen p javan, likutid h nen milen, ig ks asuid osatuiks*).

Окрестить ребенка—не слишкомъ-то торопится корелякъ, въ особенности если первый хо-какъ здоровъ и не внушаетъ опасности умереть съ часу на часъ. Проходить недѣли 3—4 или даже мѣсяцъ—другой, тутъ только онъ вѣдетъ за своимъ «раррі»—священникомъ и привозить его на домъ «*lapsi, valatattai*», т. е. буквально—облить ребенка. Крещеніе въ Корелѣ не считается за фактъ особенной важности, и совершается оно безъ всякой праздничности и торжественности. Часто семейные въ самый день крестинъ уходятъ въ лѣсъ на работы, и остаются дома только родители—отецъ и мать ребенка, но и они не присутствуютъ при самомъ обрядѣ крещенія: отецъ, чтобы отъ этого не сдѣлалось плаксивымъ дитя, а мать, потому что считается еще нечистой. Ребенка погружаютъ въ ушатъ или квашню, въ которой въ обычное время мясятъ тѣсто.

Кумъ и кума механически, безъ всякаго, смысла повторяютъ за священникомъ «символъ вѣры», слова отреченія отъ сатаны и дуютъ и плюютъ на прогоняемаго дьявола. Когда ребенка погружаютъ въ купель,—обращаютъ

вниманіе на то, въ какомъ положеніи находится его тѣло: если ребенокъ выпрямился—значить скоро умреть, а если скорчился, собрался въ комокъ—это вѣрный признакъ къ жизни... На шею ребенку привѣшивается мѣдный крестикъ со множествомъ различныхъ амулетовъ, которые совершенно закрываютъ собою символический знакъ христіанства. Между ними чаще всего встрѣчаются: ртуть (eläv artu—живая ртуть), зашита въ холщевую тряпичку; она, по мнѣнію короляковъ, охраняетъ тѣло отъ различныхъ накожныхъ сыпей; цвѣтъ ржи, который будто бы привлекаетъ къ ребенку симпатіи окружающихъ; медвѣжій коготь, чтобы ребенокъ не былъ боязливъ и робокъ; кусочекъ кожи съ вырезанной на немъ пятиконечной звѣздой,—отъ дѣствій «раха»—нечистаго, и наконецъ, высунченная мошонка кастрированного кота, какъ предохраняющее средство отъ грыжи.

Мѣстомъ, гдѣ спить ребенокъ, служить колыбель—люлька, по корельски «кяткюдъ». Кяткюдъ дѣлается изъ осинового дерева и сшивается ивовыми прутьями. Въ ней вы не найдете ни одного гвоздика, ни винтика,—ничего, что бы напоминало о металлахъ. Она, обычно, деревяннымъ крюкомъ прицепляется къ «оцѣпу»—длинному березовому колу, воткнутому въ жѣлезное кольцо подъ самымъ потолкомъ. «Кяткюдъ» виситъ на веревкахъ и можетъ раскачиваться въ двухъ направленіяхъ: сверху внизъ и изъ стороны въ сторону. Для удобства раскачиванія съ боку привязываютъ веревку въ формѣ петли. Въ эту-то петлю продѣвается нянѣкой нога, и люлька свободно, по желанію, раскачивается въ разныя стороны. И сидѣть себѣ за такой люлькой вѣтхая старушка въ роли нянѣки... Слезащиеся ея глаза не видать уже проходить нитки въ ушко иглы, дрожащиа руки то и дѣло спускаютъ со спицъ петли чулка... Куда она годится?.. Какую работу она можетъ исполнять?.. А пусть лучше сидѣть за люлькой и качаетъ ребенка... И убаюкиваетъ его ова, день-деньской, напѣвая своимъ беззубымъ морщинистымъ ртомъ безконечныя пѣсенки:

Мянинъ, мянинъ мягелэ,
Тулинъ, тулинъ тойжелэ,
Тули қахту-којматту,
Тули Тійтту вастанъ...
Ой, синѣ Тійтту,
Суа сина калуа;
Синунъ лапсэдъ налгяһъ куолтиһъ...
Тійтту калуа эй суа
Тійттанъ лапсэдъ налгяһъ куолтиһъ... ¹⁾)

¹⁾ Здѣсь мною приводится только огрызовокъ пѣсни.

Не весела эта дѣтская пѣсенка какъ по напѣву, такъ и по содержанію. не радости к утѣхѣ суются въ ней подростающему ребенку, не счастливая доля рисуется въ ней заманичными чертами, а та же скучная корельская природа и тяжелая жизнь съ голодухами и нуждой.

Пошелъ я на гору,
Пришелъ на другую,
И повстрѣчался дорогой я съ Титомъ...
«Ой, Тить, Тить!
Иди рыбу ловить:
Вѣдь не то твои дѣти
Съ голоду умрутъ»...
Тить рыбы не ловить,
Его дѣти съ голоду умираютъ...

Ограничиться однимъ простымъ устройствомъ люльки—опытный корельякъ считаетъ весьма недостаточнымъ. Убрать её, умѣло обращаться съ ней—опять нужно знаніе (*tiedo*) и ветхія старушонки и на этотъ разъ сохранили свои примѣты. Онѣ говорятъ, что самое лучшее въ люльку, подъ изголовье ребенка, положить «комель» отъ того вѣнника, которымъ парилась мать ребенка въ первыя три бани послѣ родовъ. Многіе кладутъ туда же по кусочку обожженного камня и привязываютъ его къ комелю конопляной ниткой, а некоторые еще привѣшиваютъ сверху надъ ребенкомъ медвѣжій коготь. И вотъ, когда люлька снабжена такими предохранительными средствами, къ ребенку не можетъ пристать ничто худое. Если ребенка почему-либо снимуть вонъ изъ люльки, послѣдняя не оставляется пустою: въ нее непремѣнно нужно положить вѣнникъ или еще лучшіе сапоги матери. А оставь-ка такъ люльку, не замѣтишь вѣдь, какъ нечистый «раха» устроить какую ни-на-есть пакость: заберется въ люльку самъ или подложитъ въ нее свое паршивое дѣтище...

Не вынесутъ также ребенка изъ дома на улицу какъ-нибудь просто, безъ всякихъ примѣтъ. Опытная мать, выходя изъ избы, непремѣнно ужь мазнетъ мизинцемъ правой руки надъ устьемъ печи и сдѣлаетъ сажей заскъ—пятнышко на лбу или за ухомъ ребенка,—это необходимо, чтобы не сглазилось дитя.

Кормится ребенокъ на первыхъ порахъ молокомъ матери. Подавая грудь, мать должна взять ее всей рукой, а захвати-ка почему-либо она двумя или тремя пальцами, значить она не желаетъ полнаго счастія своему ребенку.

Но какая-такая найдется мать, которая не пожелала бы полного счастья своему родному дитяти?! Она не только сама желаеть этого всемъ своимъ существомъ, но постараєтся, чтобы и отецъ любилъ его и заботился о немъ. А сдѣлать это, по мнѣнию корела, очень легко. Стоитъ только новорожденаго тотчасъ послѣ родовъ завернуть въ отцовскую рубаху, и всѣ симпатіи послѣдняго перейдутъ на ребенка. И эта примѣта строго исполнится даже и въ томъ случаѣ, когда роды происходятъ въ лѣсу, во время самой работы. Отецъ ребенка съ пресерьезнымъ видомъ снимаетъ съ себя рубаху и отдаетъ ее въ пеленки своему дѣтищу, а самъ или остается нагимъ, или натягиваетъ свой зудящій каftанъ на голое тѣло.

Такъ ребенокъ (какъ я уже сказалъ) на первыхъ порахъ кормится грудью своей матери. Но такая пища не всегда можетъ быть предлагаема аккуратно. Мать на 3-й или 4-й день послѣ родовъ уже считается совершенно здоровой и волей-неволей должна участвовать во всѣхъ крестьянскихъ работахъ. Ребенокъ остается дома, а мать уходить въ лѣсъ на цѣлый день, а иногда (и это очень часто) и на цѣлую неделю—«ю kunsih», съ раннаго утра понедѣльника и до поздняго вечера субботы, и во весь этотъ долгій промежутокъ она ни разу не имѣеть возможности навѣстить его. Чѣмъ же тогда кормить ребенка? Кормить всѣмъ, что найдется въ домѣ подъ руками. Поять коровыимъ молокомъ, кормить ржанымъ разжеваннымъ хлѣбомъ, толокняной кашей, рыбой, ягодами, печеної рѣпой, картофелемъ,—словомъ всѣмъ, чѣмъ только можетъ питаться невзыскательная утроба взрослаго кореляка.

Безъ сомнѣнія, конечно, такая пища вредно дѣйствуетъ на нѣжную организацію ребенка: ребенокъ хирѣетъ, худѣетъ и становится «въ чѣмъ душа». Изъ раскачивающейся люльки только и слышится рѣзкій пискъ ребенка голоднаго, страдающаго хроническимъ разстройствомъ желудка. Но ниинѣ до этого очень мало дѣла. Она знаетъ свою обязанность—раскачиваетъ ногой люльку изъ стороны въ сторону и, въ случаѣ только сильнаго, очень сильнаго плача втыкаетъ въ ротъ соску, чтобы чѣмъ-нибудь хоть угомонить неспокойнаго крикунна. «Да задавись хоть на минуту, а то всѣ уши сквозь прокричалъ... У... «Pädemätoi—негодный». Ребенокъ чуть не захлебывается молокомъ, неожиданно вливющимся въ его кричащую глотку. На минуту другую замолкаетъ и опять снова начинаетъ кричать съ удвоенной силой.

И болѣеть же однако корельское дитя, чуть ли не всѣми дѣтскими болѣзнями, какія только существуютъ на свѣтѣ. Не даромъ и не безъ мукъ онъ, бѣдняга, завоевываетъ себѣ право существованія среди угрюмой, не-привѣтливой сѣверной природы. На первыхъ же порахъ корельское дитя счи-

таетъ какимъ-то долгомъ заболѣть отъ «дурнаго глаза» (*raha silme*), призору, «съ вѣтру» (*tuules*), «съ лѣсу» (мечасъ), отъ воды (ведэсъ) и отъ всевозможныхъ дѣйствій «раба» (нечистаго), который почему-то сильно вознавидѣлъ безпомощнаго кореляка. Болѣеть ребенокъ, плачетъ, худѣеть, не спить по ночамъ и причиняетъ массу беспокойства бѣдной матери, умаявшейся за день за тяжелой каторжной работой сѣверянина. Что же тогда предпринимаютъ родитоли и, въ частности, мать, когда ихъ дитя мучится, не знаетъ себѣ покоя ни днемъ, ни ночью? Есть множество примѣтъ и средствъ, которыя постепенно изобрѣтали многовѣковая жизненная борьба среди этой суровой сѣверной природы,—средствъ, помогающихъ, по мнѣнію кореля, во вскихъ болѣзняхъ и нездоровьяхъ.

Сглазилось, примѣрно, дитя, его несутъ въ жарко натопленную баню и продѣлываютъ надъ нимъ всевозможная манипуляціи: парять, мѣряютъ, обливая водой, повертываютъ внизъ головой подъ баний матицей, просоываютъ между ноги матери и многое множество другихъ средствъ. Обыкновенно, повертываніе внизъ головой подъ баний матицей происходитъ такимъ образомъ. Вымывъ и выпаривъ ребенка на жаркомъ полѣ, мать или бабка беретъ его за ноги и буквально повертываетъ внизъ головой такъ, чтобы онъ пятками могъ коснуться сажанной баний матицы. «Спи, произносить при этомъ бабка, спи, какъ матица, не знай ни приходящихъ (въ избу), ни уходящихъ» (магада ку кїлонъ селге, алл тіеда ни туліядъ, ни маніядъ). И такую эквилибристическую штуку, которая была бы въ пору любому акробату, заставляютъ ребенка продѣлывать до трехъ разъ

Заболѣль ли ребенокъ съ вѣтру, его кладутъ въ квашню, куда предварительно опущенъ горячій, только что испеченный хлѣбъ,—«путь моль, онъ подышать теплымъ паромъ, такъ тогда болѣзнь, какъ рукой сниметь». Спризорилось ли дитя, его обдаютъ водой, приготовленной особымъ образомъ. Приносятъ съ рѣки или озера воду, которую разбавляютъ въ три горшка. Водой первого горшка моютъ иконы, втораго столь (только углы его), а водою третьаго оконные стекла и дверную скобу. Этой-то водой и обливаютъ ребенка сквозь рѣшето подъ дымовымъ отверстиемъ трубы. Не заспить ли почему-либо ребенокъ по ночамъ, то и противъ этого есть средство, которое, по мнѣнію корсловъ, очень хорошо, помогаетъ. Къ люлькѣ ребенка, если то будетъ мальчикъ, привязываютъ сѣть, только что начатую вязать. Если же дитя женскаго пола, то кладутъ прялку съ пучкомъ льна и воткнутымъ веретеномъ,—путь, моль, «йонъ иккеттай» —ночью заставляющій плакать ребенка,—путь-моль занимается работой и не мѣшааетъ младенцу спать. Хорошо также помогаетъ въ этомъ случаѣ, если на окнахъ и на порогѣ

дверей разставить ножи остріемъ вверхъ: «тогда, не бойся, не перейдетъ въ избу, побоится, и ребенокъ будетъ спать хорошо».

Всякая почти вещь изъ домашнаго обихода въ умѣлыхъ рукахъ можетъ при случаѣ помочь болѣщему ребенку; даже и грязные отцовскіе порты могутъ иногда сослужить большую службу. Стоитъ только привѣстить ихъ къ люлькѣ, и ужъ не сглазится тотъ ребенокъ ни какими силами. А если ту же часть мужскаго костюма повѣстить на ночь надъ дверями, то самый беспокойный ребенокъ, увѣряетъ васъ королякъ, будетъ спать, какъ мертвецъ. Чаще всего королякъ въ случаѣ болѣзни дитяти прибѣгаеть къ «мѣрянью» — «пидавъ лапси міѣратѣ». Не спаль ребенокъ спокойно ночью, испражняется ли часто подъ себя, или просто спризорился — его непремѣнно «мѣряютъ». — Самый процессъ мѣрянья происходитъ такимъ образомъ. Мѣрающая мать или старая бабка садится на порогъ лицомъ на избу и кладетъ ребенка себѣ на колѣни, животомъ внизъ, головой налево, а ногами направо. Затѣмъ беретъ правую его руку и лѣвую ногу и соединяетъ ихъ за спиной ребенка, отплевываясь въ тоже время чрезъ лѣвое плечо. Потомъ такимъ же точно образомъ беретъ лѣвую руку и соединяетъ съ правой ногой и отплевывается черезъ плечо. И такъ продѣлывается до трехъ разъ.

Но всѣ эти болѣзни, о которыхъ сейчасъ только говорили, все это еще чистые пустаки, вздоръ сравнительно съ одной, которая ежегодно по веснамъ откуда-то, Богъ вѣсть, заносится въ Олонецкую корелу. Нежеланная гостья эта — оспа, настоящее горе сѣверныхъ сель и деревень. И представьте себѣ лѣсную деревенку, пріютывшуюся гдѣ-нибудь въ котловинѣ, на берегу излу-чистаго озера. Жизнь обитателей идетъ смиро, спокойно за обычными работами, съ которыми сроднился вѣкамъ Олонецкій король. Ледъ на озерѣ тронулся; съ горъ потекли съ веселымъ журчаньемъ ручейки; на ивахъ показались мохнатыя почки. Въ воздухѣ потянуло тѣмъ тонкимъ ароматомъ весны, который и здѣсь на труженика корела оказываетъ благотворное влияніе, хочется работать, хочется съ удвоенной энергией пахать неблагодарную матеръ землю, вырубать густые лѣса и дѣлать пожоги. Но вдругъ, неожиданно, среди одного изъ такихъ яркихъ теплыхъ дней, какъ молния, проносится ужасная вѣсть: оспа въ деревнѣ. Останавливается сразу обычное течение жизни; все повертыиваются вверхъ дномъ и происходитъ невообразимая суета — паника, которую живя здѣсь, (въ городѣ), невозможно и представить. Въ каждомъ домѣ лежитъ больной, сильно разметавшись въ горячечномъ состояніи. Родители стоятъ около постели больного, предупреждая его малѣйшія желанія, и сами не знаютъ за что взяться, за что ухватиться, откуда ждать помощи. И это сознаніе,—сознаніе безсилія и полнѣйшей безпомощности въ конецъ

парализует медлительного отъ природы кореляка и пришибает его, какъ тяжелымъ ударомъ молота. Что дѣлать? Бхать за фельдшеромъ—далеко, да и поможеть ли онъ? Вѣдь это не простая болѣзнь, въ родѣ порѣза или раздробленія кости, а «Божья болѣчка»—«Нюмаданъ руби», которую и лѣчить даже грѣшно. И остается два единственныхъ средства,—или отнести больнаго въ банию и парить тамъ до тѣхъ поръ, пока вся болѣзнь не выйдетъ крикомъ; или же—испечь пироговъ и съ поклонами, ставъ на колѣни около больнаго, упрашиватъ, чтобы дорогая гостья оспа смилиостивилась, кротко ободила бы съ больнымъ, не попортила бы его глазъ, рукъ и ногъ и не сдѣлала бы на вѣкъ калѣкой... И оба средства стоятъ одно другаго: первое, отличающееся какою-то неразумною дикостью, а другое отчаяніемъ, равнаго которому не скро и сыщешь.

Но (вообразимъ лучшее) кончилась благополучно оспа, пронесъ Богъ счастливо нежеланную гостью; у ребенка постепенно начинаютъ крѣпнуть ножки, его языкъ, хотя еще шепелявить и карташить, но довольно сносно справляется съ словами и фразами, и присмотръ за корельскимъ ребенкомъ почти кончается. Дѣлай теперь онъ, что хочетъ, бѣгай по улицѣ вволю,—все это разрѣшается ему, пока семѣй не потребуется его трудъ, пока его самого не запрягутъ, вмѣстѣ съ сивкой въ соху и не заставятъ тануть ее во всю жизнь до самой смерти.

Н. Льскоевъ.

Прилож. редакціи. Печальная картина этого полуязыческаго ярака и полной безпомощности Олонецкой корели, столь недалекой отъ Петербурга, должна бы заставить призадуматься и общество и администрацію. Конечно экономическое развитіе населения, хорошие пути сообщенія, увеличеніе числа добросовѣстныхъ врачей, фершаловъ и акушерокъ могутъ и должны поднять вицѣнное благосостояніе этой несчастной корели, но нужно подумать и объ удовлетвореніи ея первыхъ духовныхъ потребностей. Вывести бѣдныхъ кореляковъ изъ ихъ полуязычества можно единственно лишь систематическимъ назначеніемъ въ корельские приходы священниковъ и исаломчиковъ исключительно изъ кореляковъ, не стыдящихся своего происхожденія, напротивъ горячо любящихъ свой народный языкъ и свою народность, заведеніемъ возможно большаго количества школъ и церковно-приходскихъ и пародныхъ, земскихъ, съ учителями опять таки изъ природныхъ корель, или отлично знающихъ языкъ корельскій, нужно поставить какъ можно лучше преподававіе корельского языка въ Петрозаводской духовной семинаріи, равно какъ и въ той учительской семинаріи, которая должна приготовлять учителей для корельскихъ волостей Олонецкой губерніи, пересмотрѣть—и дополнить чего не достаетъ,—всѣ имѣющіеся переводы на корельский языкъ богослужебныхъ книгъ, Евангелія... Въ этомъ отношеніи истинно-великая дѣятельность покойнаго Ильминскаго должна служить скѣтлымъ образцомъ всего нашего учебного вѣдомства всѣхъ краевъ Россіи, гдѣ есть инородцы...

Этнографія, этнологія не фольклоръ. Пусть онъ довольствуется часто совершиенно праздными собираниемъ и нанизываніемъ разныхъ пережитковъ, отыскиваниемъ всѣхъ явныхъ и неявныхъ следовъ и остатковъ матріархата, придумываніемъ разныхъ натяжекъ въ пользу трансформизма и болѣе или менѣе остроумно предполагаемыхъ эволюцій и законовъ соціологии. Задача эт-

иографії и этнографії состоять въ изученіи и определеніи места, характера и значения каждой расы, каждого племени, каждой народности во всемъ ихъ местномъ разнообразіи, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Въ этомъ отношеніи на родовѣдѣніе (этнографія и этнология) падаетъ великое значение и въ смыслѣ просвѣтительномъ, христіанско-человѣческомъ, и въ смыслѣ государственномъ. Такъ ве не-счастіе и не бѣдствіе, а великое благо и богатство наше заключается въ этомъ изобиліи разныхъ инородцевъ, разсѣянныхъ по Россіи и внутри и за окраинами. Чѣмъ численіе извѣстный исторический народъ,—т. е. национальность, создавшая прочное и независимое государство и свою оригинальную литературу,—и чѣмъ болѣе этотъ народъ въ предѣлахъ своей государственной территории имѣеть инородческихъ элементовъ, чѣмъ они разнообразнѣе и разнороднѣе между собою, тѣмъ оно благопріятнѣе и плодотворнѣе для гражданственности и образованности этой национальности. При такомъ вы-годномъ процентномъ отношеніи главного национального элемента (славянскаго, и въ немъ общерусскаго, а въ послѣднемъ великорусскаго) ко всѣмъ прочимъ инородческимъ, неславянскимъ, а часто и нехристіанскимъ, вообще самыми разнородными элементами, какое имѣется въ Россіи, пѣтъ и не можетъ быть никакихъ опасеній за упадокъ преобладающаго значенія русскаго языка въ Россіи: чѣмъ болѣе будутъ просвѣщаться и развиваться наши разнообразные инородцы, тѣмъ болѣе, при всемъ ревнивомъ охраненіи своей народности, они будуть нуждаться въ русскомъ языке, въ русской книгѣ и принимать дѣятельное участіе въ общей русской государственной и культурной жизни. Это участіе ихъ тѣмъ будетъ плодотворнѣе, чѣмъ оно будетъ свободнѣе и охотнѣе, чѣмъ болѣе главный русский национальный элементъ будетъ до-ставлять убѣдительныхъ и наглядныхъ доказательствъ своего безбоязеннаго, вполнѣ искренняго и дружелюбнаго расположенія ко всѣмъ разнообразнымъ инородческимъ элементамъ.

И съ точки зрењія историко-этнографической и съ точки зрењія государственного права сильно ошибаются, когда уподобляютъ, въ вопросѣ народностей, Россію, на примѣръ, Австро-Венгріи. Тамъ не одинъ, а два главныхъ руководящія национальныхъ элемента: нѣмецкій и мадьярскій, да и процентное и политическое и культурное отношеніе нѣмецкаго элемента въ Цислейтаніѣ къ элементамъ славянскому и итальянскому (въ Тиролѣ) и мадьярскаго въ Транслейтаніѣ къ элементамъ славянскому и румынскому неизбѣжно наконецъ должно привести къ значительному ослабленію Нѣмцевъ въ Цислейтаніи и Мадьяръ въ Транслейтаніи въ пользу Славянъ и Итальянцевъ въ одной и Славянъ и Румынъ въ другой.

При справедливо ожидаемомъ въ будущемъ экономическомъ и культурномъ ростѣ Россіи, никакія силы въ мірѣ не могутъ помѣшать широкому, въ ближайшія 50—100 лѣтъ, распространенію русскаго літературного языка вѣдь предѣловъ Россіи, такъ что если не къ концу первого, то несомнѣнно къ концу второго полувѣка онъ станетъ мало ко малу общимъ органомъ разумѣнія во взаимныхъ сношеніяхъ различныхъ Австро-Венгерскихъ народностей между собой, такъ какъ Мадьяру въ Транслейтаніи, а Нѣмцу въ Цислейтаніи будетъ несравненно легче овладѣть въ совершенствѣ одинъ, чѣмъ двумя, тремя славянскими языками (чешскимъ, польскимъ, сербохорватскимъ). Къ тому же русскимъ языкомъ въ Россіи будетъ говорить въ то время свыше 200, 300 миллионовъ людей, и знаніе его можетъ только служить чрезвычайному развитію всякаго рода сношений западной Европы съ Россіею и съ прилегающими къ вей краями азіатскими. Между тѣмъ, соображая прошлое и настоящее, можно съ увѣренностью утверждать, что 1) Нѣмцы въ Цислейтаніи и Мадьяры въ Транслейтаніи не въ силахъ уже надолго удержать свое нынѣшнее преобладаніе надъ Славянами и Итальянцами въ одной и надъ Славянами и Румынами въ другой части Австро-Венгріи; 2) ни одинъ изъ славянскихъ языковъ, ни болгарскій, ни сербо-хорватскій, ни словенскій, ни польскій, ни чешскій, ни словакскій, т. е. словацкій, ни серболужицкій, словомъ ни одинъ славянскій, за исключеніемъ русскаго, ни въ ближайшемъ настоящемъ, ни въ далекомъ будущемъ не можетъ достичь значенія языка общеславянскаго къ 3) знанию рус-

скаго языка предстоитъ еще самое широкое распространение въ Евроцѣ, въ Азіи, въ Америкѣ, между Германцами, Романцами и Славянами, а затѣмъ и въ остальномъ мрѣ.

Несходство, въ этомъ отношеніи, Россія съ Австро-Венгріемъ раскрывается еще въ томъ, что нѣмецкая государственная стихія въ Австріи оказалась уже совершенно безъ силномъ относительно таکъ называемаго исторического государственного права Мадьяръ и уже обнаруживается большія колебанія по отношенію такого же исторического права Чехіи и Поляковъ; наконецъ съ разрѣшеніемъ такъ или иначе боснійско-герцеговинскаго вопроса (вѣчно въ вынѣшнемъ положеніи онъ оставаться не можетъ) нѣмецкая государственная стихія Австріи становить лицомъ къ лицу съ вопросомъ о ярисоединеніи Далматіи¹) къ Хорватіи и Славоніи и вообще съ очень мудреными вопросомъ сербо-хорватскими. Послѣ долгаго сопротивленія, нѣмецко-австрійскій элементъ какъ будто вынужденъ согласиться на введеніе славянскаго богослуженія (съ глаголическими книгами) въ Загребскомъ діоцезѣ. Это уже будетъ большой ударъ для распространенія пѣнцкой католической культуры на славянскомъ югѣ, хотя это введеніе въ значительной степени и направлено противъ сербовъ православныхъ, но оно ожидаемаго успѣха теперь уже пѣтъ не можетъ,—окатоличить Риму и Австрію Сербовъ уже не удастся,—у Славянъ же католиковъ со славянскимъ богослуженіемъ, гдѣ позже, гдѣ раньше, непремѣнно поднимутся вопросы объ уничтоженіи обязательного целибата бѣлага духовенства, о введеніи чаши для мірянъ въ св. таинствъ причащенія, о наибольшей независимости местнаго епископата отъ Рима и т. д.

Совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ стоять въ Россіи главный русскій элементъ къ разныи историческимъ притязаніямъ своихъ инородцевъ: балтийскихъ Нѣцевъ, привилійскихъ Поляковъ (съ ихъ идею возстановленія старой Рѣчи Посполитой отъ мора до мора, съ Литвой и Мазови и Вѣлою Русью), Армянъ, казацкихъ, астраханскихъ и сибирскихъ Татаръ съ ихъ воспоминаніями о прежніихъ царствахъ... Уважая одинаково всякую инородческую индивидуальность, безъ вниманія, имѣть ли она свою привилегированную сословія, свою развитую старую культуру, или неимѣть, главный русскій элементъ можетъ и долженъ спокойно признавать права родныхъ языковъ въ ихъ богослуженіяхъ и религіозныхъ поученіяхъ, въ народной школѣ (чѣмъ культурѣ народъ и краї, тѣмъ легче можно вводить и обязательное обученіе русской грамотѣ и языку, а не преподаваніе въ народной школѣ на русскомъ языке), само собой, въ семье, въ общественныхъ собранияхъ, въ театрахъ и въ литературѣ. За исключеніемъ же Финляндіи, гдѣ преобладаетъ почти однородное населеніе, во всѣхъ другихъ краяхъ Россіи, гдѣ по смѣшанности населенія, напр. въ Польскомъ краѣ, съ его множествомъ Евреевъ, Нѣцевъ, Литовцевъ и Русскихъ, или въ юго-восточныхъ краяхъ Иллірии, гдѣ, сверхъ смѣси нарѣчій, и самые языки недостаточно культурны, всѣ средня и высшая училища казенные или хотя бы частные, но съ государственными правами, могутъ быть только или вполнѣ или преимущественно русскими²). Вообще же въ Россіи, не какъ въ Австро-Венгріи, а какъ въ Германіи, во Франціи, въ Англіи, въ сѣверныхъ Соединенныхъ Штатахъ, есть и можетъ быть только одинъ языкъ государственный, национальный. Въ Россіи есть различныи народности съ различными народными языками, а иногда и съ областными автономными правами, во строго говоря одна только политическая национальность и одинъ лишь наці-

¹⁾ Когда же Далматія соединится съ Хорватію, то во флотѣ австрійскомъ уже нельзя будетъ удержать языка нѣмецкаго.

²⁾ Какъ и уже однажды писалъ, въ среднихъ польскихъ училищахъ и въ Варшавскомъ университѣтѣ слѣдуетъ допустить или ввести необязательное преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, сверхъ закона Божіяго, на польскомъ языке, напр. польского языка, литературы, исторіи Польши. Желательно наконецъ въ интересахъ справедливости,—слѣдовательно строгое государственныхъ,—и въ интересахъ просвѣщенія—образование польской археографической комиссіи въ Варшавѣ для изданія источниковъ и памятниковъ польской исторіи, языка, литературы, церкви, искусства, права.

нальный языкъ. И эта национальность и этот национальный языкъ—единственная славянская национальность и единственный въ мірѣ славянскій языкъ съ правами на значеніе не только общеславянского, но и міроваго языка.

Такинъ образомъ невозможное въ Австро-Венгрии примиреніе христіанскихъ, гуманныхъ началъ благоволенія и уваженія ко всѣмъ народнымъ разновидностямъ съ интересами государственного единства вполнѣ возможно и легко можетъ быть примѣнено въ Россіи. Полное осуществление этого идеального, чисто-христіанского требования въ высшей степени желательно для Россіи и можетъ быть для нея только плодотворно въ отношеніяхъ государственномъ и культурномъ¹⁾). Невозможно ведя искусственный австро-венгерский конгломератъ къ естественному разложению и распаденію, оно будетъ только тѣснѣе связывать и крѣпче сплачивать разнородныя части и дальнія окраины Россіи съ ея главнымъ русскимъ ядромъ или тѣломъ.

Мы не смеемъ сомнѣваться, что приведенное выше требование начала истиннаго благоволенія и справедливости ко всѣмъ безъ различія инородческимъ элементамъ нашимъ въ болѣе или менѣе близкому будущемъ станетъ у насъ въ Россіи общесознанію необходимостью. Всякое дружное стремленіе къ новому частному примѣненію высокихъ христіанскихъ началъ и идеи правды возвышаетъ характеры, поднимаетъ общественный духъ и строй, а возвышение и усиление общественной нравственности, всякое торжество христіанскихъ началъ въ жизни общественной и государственной только служить къ укрѣплению здороваго государственного порядка. Не преибраженію ли и не нарушенію ли этихъ началъ обязано появленіе и развитіе анархизма съ его бомбами въ современной Европѣ?

Решительное отрицаніе возстановленія исторической Польши (такое отрицаніе тѣмъ естественнѣе и обязательнѣе для насъ, что историческая Польша есть отрицаніе единства русскаго народа,—къ тому же это возстановленіе совершило неисполнимо, невозможно) и полное признаніе съ нашей стороны этнографической Польши, какъ одной изъ славянскихъ разновидностей, рано или поздно примирить съ Россіею огромное большинство всѣхъ Поляковъ русскихъ, прусскихъ и австрійскихъ. Только въ связи съ единственнымъ великимъ славянскимъ государствомъ можетъ обеспеченно жить и мирно развиваться польская народность. Безъ промышленности ей иѣть будущаго, а польская промышленность никогда не достигнетъ широкаго развитія ни въ Пруссіи, ни въ Австро-Венгрии. Только въ Россіи и съ Россіею можетъ преуспѣвать промышленность польская и завоевывать себѣ новые рынки въ Россіи и въ сосѣднихъ странахъ Азіи.

Русскому народовѣдѣнію по изученію всѣхъ русскихъ инородцевъ предстоитъ огромное лицо и громадное будущее: антропология, лингвистика, филология, исторія въ самомъ широкомъ объемѣ—этнологическая (или историческая этнология), церковная, политическая, исторія права, искусство, литературы и пр. и пр.—художества изобразительныя, музыка, поэзія приобрѣтутъ громадный занасъ новыхъ данныхъ, новые кругозоры, методы и приемы, несказанно такимъ образомъ обогатятъ русскую науку, русскую литературу, искусство, вообще русскую образованность. Но для успѣховъ русскаго народовѣдѣнія необходимо намъ въ себѣ воспитать любовное вниманіе и уваженіе ко всѣмъ инородцамъ безъ различій, какъ бы иные изъ нихъ ни стояли низко на ступеняхъ культурного развитія. Нужно, чтобы у всѣхъ у нихъ была своя грамотность, свое духовенство, свои народные учителя, отлично знающіе ихъ языки. И никогда не надо забывать, что одни собственно русские учёные, безъ помощи и предварительныхъ работъ местныхъ уро-

¹⁾ Для того конечно надо подумать не объ однихъ русскихъ губерніяхъ съ многочисленнымъ дворянствомъ, но и о совершенно запущенномъ нашимъ европейскому съверѣ: губерніяхъ Олонецкой, Вологодской, Архангельской, цѣлыхъ уѣздахъ Новгородской, столѣ бідныхъ хорошихъ путями сообщеній, медицинской помощью, духовенствомъ и всячими образовательными средствами—какая скучность народныхъ и среднихъ школъ и ни одного высшаго, хотя бы какого нибудь специальнно-техническаго, морскаго, комерческаго—для такого даровитаго населенія.

железъ, природныхъ знатоковъ и наблюдателей, въ этомъ отношеніи немногого могутъ сдѣлать. Только когда заявляются и укрѣпятся искреннія дружественные сношения великихъ и малыхъ центровъ русской образованности съ самыми глухими углами, захолустьями и окраинами русского инородческаго міра, когда тамъ на пріѣзжаго русскаго будуть смотрѣть не какъ на носителя часто непонятныхъ приказаний или сборщика всевозможныхъ правыхъ и неправыхъ податей и даней, но какъ на благожелательного сограждана и друга, можно и должно ожидать крупныхъ успѣховъ русскаго народовѣдѣнія по части изученія русскаго инородца, а съ тѣмъ вѣгѣтъ и столь желательного вѣнчанаго и внутренняго ихъ развитія, распространенія между самыми отсталыми изъ нихъ грамотности и образованія и появленія изъ ихъ среди даровитыхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, вполнѣ преданныхъ русскому отечеству.

Есть одно обстоятельство, на которое нельзя перестать указывать, когда идетъ рѣчь объ инородческомъ вопросѣ въ Россіи и тѣсно всегда съ нимъ связанномъ русской просвѣщеніи. Есть одна у насъ великая преграда развитію русской науки, образованности и достиженіемъ того мѣста и значенія, какое русскому языку подобаетъ, по историческому и мировому положенію русскаго государства и по дарованіямъ русскаго народа. Пока одно изъ нашихъ крупныхъ государственныхъ ученыхъ учрежденій будетъ съ достойнѣмъ сожалѣнія упорствомъ продолжать печатать труды своихъ членовъ и постороннихъ ученыхъ на нѣмецкомъ языкѣ, до тѣхъ поръ каждый русскій инородецъ въ правѣ говорить русскими и всіми нѣмецкими языками и падъять австрійскими славинами: «оставьте, господа, ваши толки о русскомъ языке и народѣ, какъ о величинахъ историческихъ, міровыхъ. Русскіе сами у себя дона не признаютъ за русскими языками права и возможности служитъ органомъ высшаго знанія. Первое изъ официальномъ ученомъ учрежденіе считаетъ невозможнымъ обходиться безъ нѣмецкаго языка при изданіи своихъ бюллетеиновъ и мемуаровъ. Такимъ образомъ и въ славянской Россіи славянскій т. е. русскій элементъ пригнетается, подчиненъ нѣмецкому, одному изъ инородческихъ элементовъ въ Россіи, уже лѣтъ сто слишкомъ облюбованному, въ слѣдствіе извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ, Петербургомъ, хотя этого петербургскаго пристрастія, вполнѣ впрочемъ понимая его причины, Россія никогда не раздѣляла и раздѣлять не можетъ. Не смѣшно ли, говорить Остзейскіе нѣмцы, вы выводите нѣмецкій языкъ изъ Дерптскаго университета, Дерптъ переименовываетъ въ Юрьевъ, а сама ваша Академія Наукъ, высшее центральное ученое учрежденіе, во большинству членовъ уже русская, продолжаетъ строго держаться нѣмецкаго языка въ своихъ изданіяхъ».

Со всѣми этими возраженіями нельзѧ не согласиться. Если въ самомъ дѣлѣ такъ нужны нѣмецкія академіческія изданія, то почему бы не обратить и всѣ наши университеты и нѣмецкие и всѣ наши ученые общества не заставить печатать свои труды по нѣмецки?

Мы знаемъ, что даже нѣкоторые академики изъ русскихъ настаиваютъ на необходимости изданія на казенный счетъ своихъ трудовъ по нѣмецки, иначе, молъ, дѣлаемые русскими учеными открытия остаются Европѣ незвѣстными.

Это слово открытие слишкомъ громкое слово. Истинныя открытия дѣлаются рѣдко да и не всегда академиками и черезъ академіи, разумѣеть и не одну нашу, а всѣ въ мірѣ. Довольно если употребимъ тутъ слово находка или новое наблюденіе. Особенного несчастія для науки, человѣчества произойти не можетъ, если напечатанное въ русскомъ изданіи какое нибудь ботаническое изслѣдованіе станетъ извѣстнымъ за границею нѣсколькоими недѣлями или мѣсяцами позже. Во многихъ наукахъ и даже вѣроятно во всѣхъ бывало, бываетъ и будетъ еще не разъ, что иное замѣтительное изслѣдованіе, напечатанное на любомъ изъ самыхъ распространенныхъ языковъ, по годамъ оставляется безъ вниманія, проходить незамѣченнымъ. И такие случаи часто повторяются съ трудами оригиналыми особенно не успѣвшихъ еще пріобрѣсть себѣ громкой репутаціи молодыхъ ученыхъ или ученыхъ и не молодыхъ, но не привыкшихъ прибѣгать ни къ какимъ рекламиамъ. Наші академики имѣютъ уже и то пренебрѣженіе передъ остальными русскими учеными, что у нихъ всегда въ распоря-

женіи казенная типографія и бумага. Остальнымъ не мало приходится хлопотать о средствахъ и о иметь напечатанія своихъ работъ. Теперь благодаря Бога не только съ каждымъ десятилѣтіемъ, но можно сказать съ каждымъ пятилѣтіемъ прибываетъ у насъ число способныхъ работниковъ по всемъ отраслямъ знанія. Почему же ихъ изслѣдованія всегда менѣе заслуживаютъ вниманія, чѣмъ труды академиковъ или тѣхъ? кого они академіи представляютъ? И отчего государство должно отпускать суммы на переводы съ русскаго на иностранные языки для однихъ ученыхъ, а для другихъ нѣтъ? Въ Европѣ не немногіе русскіе ученые и писатели пользуются извѣстностью, часто очень широкою, а между тѣмъ ни они сами, ни государство шагу не дѣлали о переводахъ ихъ на языки иностранные: Чушкина, Гоголя, Толстаго, Достоевскаго иностранцамъ пони, мать гораздо труднѣе, чѣмъ труды русскихъ географовъ, математиковъ, натуралистовъ и пр. и пр. Однако въ Европѣ на разныхъ языкахъ выходятъ переводы нашихъ поэтовъ, романистовъ и цѣликомъ или въ извлеченияхъ изслѣдованій разныхъ русскихъ ученыхъ безъ всякаго посредства, рекомендаций или покровительства нашей Академіи. Число образованныхъ и ученыхъ людей въ Европѣ со знаніемъ русскаго языка не тольку уже мало, чтобы въ специальныхъ европейскихъ журналахъ не могли являться, да и являются сообщенія о русскихъ книгахъ или статьяхъ. На западѣ нѣбываетъ постояннаго значительное количество русскихъ подданныхъ, настоящихъ или бывшихъ, изъ природныхъ русскихъ, евреевъ, иѣзуїцевъ, поляковъ, людей образованныхъ и специалистовъ, живущихъ литературнымъ трудомъ. Наконецъ состоящіе же при Академіи или написанные въ Петербургѣ нашими академиками переводчики могли бы получать такие же заказы изъ Европы для передачи ей въ тѣхъ открытий нашихъ академиковъ и вообще сотрудниковъ академическихъ бюллетеней и мемуаровъ. Пусть даже Академія, если ужъ тольку нужно, даетъ въ руки академиковъ или излюбленныхъ ею ученыхъ средства въ переводы и на изданіе ихъ трудовъ на нѣмецкому языкѣ, но пусть такія издаванія носить частный характеръ. Русскому государственному ученому учрежденію просто не прилично печатать официальные свои изданія на языкѣ нѣмецкомъ, ибо тѣмъ унижается честь и достоинство русскаго языка и народа. Теперь ясно это уже не немногимъ, а вскорѣ будеть понятно и массамъ. Россіи отъ того пользы мало, что Академія состоить изъ русскихъ членовъ. Нужно, чтобы она непосредственно подымала и достойно представляла высшее русское знаніе. Наука—великая сила, и русское государство можетъ и должно тратить на нее большия деньги на честь и славу, на обогащеніе и возвеличеніе русской литературы, русскаго языка, а не языка нѣмецкаго. Но историческимъ судьбамъ нѣмецкій языкъ есть языкъ:—1) великаго сосѣдняго намъ высококультурного пятидесятиліонаго народа, несравненно болѣе насъ богатаго, имѣющаго свою имперію, свѣтъ государства, которымъ давно заботятся о процвѣтаніи родной литературы и науки, 2) великойсосѣдней наий военной державы, главы Троицтвенаго Союза, 3) родной языкъ одной изъ нашихъ инородческихъ стихій, наиболѣе нуждающихся въ вольномъ и невольномъ признаніи за русскимъ языкомъ значенія культурного и государственного, 4) языкъ старыхъ прѣтѣнителей и угнетателей значительной части соплеменника нашего Славянства, гдѣ русскій языкъ призванъ постепенно расшатывать и вытѣснять господство и преобладаніе языка нѣмецкаго. Нѣмецкія же изданія на русскія деньги служатъ важайшимъ препятствіемъ такому желанному для Россіи распространенію русскаго языка среди родственныхъ ей Славянъ, наносять тяжкія раны русскому самосознанію, стѣсняютъ его развитіе, роняютъ нравственный авторитетъ русскаго языка и народа передъ нашими инородцами, западными славянами, мадьярами, иѣзуїцами и пр., наконецъ пытаютъ и поддерживаютъ въ Россіи, къ несчастію, слишкомъ у насъ и безъ того закоренѣлое, предубѣжденіе и неуваженіе къ русской мысли и литературѣ во всемъ ея широкомъ значенія.

Изъ года въ годъ¹⁾.

(Описание круговорота крестьянской жизни въ с. Усть-Ницкомъ Тюменского округа).

ВСТУПЛЕНИЕ.

Село Усть-Ницы, какъ показываетъ самое название, лежитъ при устьѣ рѣки Ницы на правомъ берегу ея при впаденіи въ р. Туру. Оно находится въ 73 верстахъ отъ уѣзднаго города Тюмени по почтовому тракту Тюмень—Туринскъ и почти на серединѣ торгового Тюмень—Ирбитъ. Ежегодно р. Ница разливается, выходя изъ береговъ; поэтому селеніе стоитъ не на самой берегу, а подальше отъ него сажень на 100. Въ концѣ Апрѣля мѣсяца р. Ница бываетъ судоходной. Въ это время перевозятся товары изъ Ирбита въ Тюмень, закупленные во время Ирбитской ярмарки. Вода въ Ницѣ проточная, чистая и употребляется жителями въ пищу. Впрочемъ для этой же цѣли, хотя и въ меньшей степени, служить «прудъ». Этотъ прудъ устроенъ на рѣчкѣ, которая въ верхнемъ теченіи называется Тарасовкой, а ниже пруда—Графовкой (отъ слова Евграфъ). Вода въ прудѣ стоячая, гнилая и для питья положительно не годная, хотя ближайшими жителями и употребляется для этой цѣли.

Село занимаетъ площадь земли, ограниченную съ одной стороны рѣками Ницой и Турой, а съ трехъ другихъ сторонъ отгороженную отъ полей «огор-

¹⁾ Примѣч. ред. Эта прекрасная, столь же художественная, сколько и научная статья даровитаго автора—приносить ему за его сообщенія глубокую нашу благодарность—будетъ безъ сомнѣнія прочтена читателями „Живой Старинѣ“ съ живѣйшимъ интересомъ. Многоуважаемый авторъ приложилъ къ ней много рисунковъ. Къ великому сожалѣнію—да простить онъ меня великодушно—онъ рисуетъ совсѣмъ не такъ, какъ пишетъ. Его рисунки прямо напечатаны быть не могутъ. Ихъ надо было перерисовать, но художникъ взявшийся за это дѣло, не могъ все воспроизвести, ибо многаго совсѣмъ не понялъ.—Всобще редакція признаетъ необходимость рисунковъ, ибо къ сожалѣнію она будетъ въ состояніи прилагать ихъ ко многимъ статьямъ или помѣщать отдельно съ изложившими уже этнографическихъ фотографій лишь тогда, когда русское общество, во-преки замалчивающимъ или хающимъ Живую Старину журналы—русскими, а не иностранными (благодаримъ ихъ за сочувствіе и поддержку)—станетъ относиться къ ней съ болѣпимъ сочувствіемъ. Средства журнала зависятъ отъ числа подписчиковъ, а оно должно удвоиться, дабы редакція могла постоянно помѣщать иллюстраціи.

Кстати редакція долгомъ считаетъ прибавить, что всѣ сотрудники Живой Старинѣ,

родомъ», или изгородью. Эта, отдаленная отъ полей площадь земли, за исключениемъ площади, занимаемой самимъ селомъ, называется «поскотиной» и служить выгономъ для скота съ весны и до уборки хлѣба. Послѣ страды скотъ допускается въ поле. Село, или, какъ его называютъ, слобода состоять изъ трехъ улицъ, идущихъ рядомъ, и дѣлится на два «конца»—верхній и нижній. Длина слободы достигаетъ $1\frac{1}{2}$ версты. Улицы соединяются между собою проулками или закоулками и до чрезвычайности узки. Одна улица названа нижней, другая—большой и третья горной. Часть нижняго конца, отдаленная прудомъ, носить название Забусовки. Бусь—это мучная пыль, получающаяся на мельнице, отсюда глаголь забусить и название забусовка.

Въ настоящее время слобода заселена государственными крестьянами. Основаніе ея относится къ 1645 году. Въ этомъ имѣнию году сибирскій митрополитъ, всѣдѣствіе данной ему Московскими царемъ грамоты, посыпалъ при устьѣ Ницы крестьянъ, которые въ томъ же году «начаша пахати и сѣяти». Паханіе и сѣяніе и до настоящаго времени составляетъ главное и почти исключительное занятіе Усть-Ницкіхъ крестьянъ. При такомъ образѣ занятій и притомъ, находясь вдали отъ городовъ и бойкихъ мѣстъ жители Усть-Ницы болѣе чѣмъ гдѣ либо сохранили первобытную крестьянскую простоту, какъ въ складѣ своего ума, такъ и во внѣшности.

Изъ преданий старины среди жителей сохранилась память о томъ, какъ «Пугачъ» воевалъ. Указываютъ даже мѣсто, на которомъ была выстроена башня для защиты отъ Пугача; у некоторыхъ жителей сохранились ножи, которые были приготовлены для борьбы все съ тѣмъ же Пугачемъ.

въ томъ числѣ и редакторъ, трудятся безвозмездно и никакихъ себѣ барышей отъ увеличенія числа подписчиковъ не ожидаютъ, ожидать не могутъ, да и не желаютъ. Поэтому редакція не считаетъ никаколько дѣломъ неприличнымъ—просить всѣхъ читателей и подписчиковъ Живой Старины, убѣжденнныхъ въ ея пользу для русской образованности и литературы, о распространеніи этого изданія среди своихъ знакомыхъ. Если сравнить число подписчиковъ и постоянныхъ читателей Живой Старины за границей и въ Россіи, то право можно прійти къ довольно печальному заключенію о нашей читающей публикѣ. Лицо для редактора всего любопытѣе почти полное отсутствіе подписчиковъ изъ среды высшей центральной и провинциальной администраціи (*gagl nantes in gurgite vasto*), изъ нашего духовенства, купечества и изъ такъ называемаго лучшаго общества, однимъ словомъ изъ всѣхъ тѣхъ классовъ, которые въ просвѣщеныхъ странахъ обыкновенно поддерживаютъ отечественную литературу и науку.

I.

Весенний заботы и работы.

Придетъ батюшка Василій Капитольникъ (26 Февраля), и заплачетъ зима. Въ слободѣ Гагарахъ¹⁾ мужики закопошатся: надо хлѣбъ скорый до-молачивать—весна недалеко. Зимой перомолотить бы: и холодно, и ледъ не купленный, и овины простые стояли, да некогда было все. То прымыслить на подушину надо: зайцевъ половить или саней къ Ирбитской подѣлать да продать, то сѣно да дрова вывезти надо, такъ мужикамъ и не удавалось: измолотять немногого на юду и живутъ. А теперь вонъ теплныи какая пошла: каждый разъ надо ладонь (такъ) поливать, да утренниками молотить. Да и то каждый день то не удается: овинъ вѣдь одинъ не построишь, а все дома четыре—пять надо въ пай пригласить да тогда ужъ строить. Богатыи оно, конечно, ничего: у нихъ что ни домъ, то овинъ,—но за ними вѣдь не угонишься. Кой-какъ, съ землей пополамъ, собрали зерно, ужъ бѣлаго хлѣбца лѣтомъ не поѣши, только на льду и можно провѣять на чисто, а весной то гдѣ его возьмешь! У насъ, впрочемъ, къ праздникамъ осталось же немногого отъ зимней молотбы: о праздникѣ нельзя, гости прийдутъ.

Приближается весна. Много работы, еще больше заботы, а весело! Сердце трепещется какъ птицы начнутъ прилетать. Мы съ братомъ съ половины зимы ждали скворцовъ—два дупла для нихъ привезли. Скворецъ птица пытливая, но сейчасъ поселился въ гнѣзда, а (обидно даже: какъ будто его обманывать станутъ) десять разъ прилетить высмотреть дупло, а потомъ ужъ и гнѣзда таскать будетъ, а тамъ того и гляди свистать да распѣвать по утрамъ примется. Потомъ мы съ братомъ голубей сильно любили. Но ихъ впрочемъ всѣ въ Гагарахъ любили. У насъ даже и картина была: сидить Господь - Саваофъ на престолѣ, а въ самомъ сердцѣ у него голубь написанъ. Стало быть эта птица угодна Ему, коли въ такомъ мѣстѣ посажена. Поэтому голубей въ Гагарахъ ужъ никто не зоритъ, развѣ ужъ какиенибудь отпѣтые, на которыхъ ни креста ни пояса нѣтъ. Добрые же люди обыкновенно около дома полочки подстраиваютъ, чтобы голуби велись да гнѣздились. Этой птицей у насъ не забавляются, какъ въ другихъ мѣстахъ, ее не гоняютъ: не такая она птица, чтобы ей забавляться. Ласточекъ въ Гагарахъ уважаютъ еще больше, чѣмъ голубей. Про голуби, что ни говори все же онъ птица домашняя, зиму и лѣто у насъ на глазахъ, а ласточка гость.

¹⁾ Авторъ счелъ необходимымъ замѣнить название Усть-Ницы для удобства, сообразно принятой беллетристической формѣ изложения.

Да кроме этого ласточка полезный гость. Мама говорить, что если ласточка у насъ поселился, значитъ Господь намъ свою милость послалъ. Ну какъ же не полюбить такую милую да еще такую полезную птицу? Мы поэтому строго сидимъ — зачѣмъ это такъ часто къ намъ ласточки летаютъ? На повѣрку окажется, что онѣ у насъ уже подъ крышей гнѣздалико свили.

«Мама, мама! — радуемся мы — у насъ ласточки живутъ».

— Гдѣ?! — притворно удивляется мать — это къ Тимѣ летаютъ».

«Нѣть, къ намъ, къ намъ! вотъ посмотримъ и мы тащимъ ее подъ крышу.

Она нѣдетъ: — Ну знаю, не троньте ихъ. Видимо мама намъ не довѣряетъ...

Въ заботѣ да въ работѣ время скоро летать. Подходитъ Дарья гразно-пролубка, а за нею великий праздникъ — Благовѣщеніе, въ который птица гнѣзда не вѣтъ, красна дѣвица косы не плететъ. Одна только птица, сказывала бабушка, вздумала вить въ этотъ праздникъ — кукушка, но за то ее Богъ наказалъ и навѣчно безъ гнѣзда оставилъ. Такъ она тешеръ въ чужія гнѣзда яички кладеть. Случилось какъ-то, что Пасха пришлась въ Благовѣщеніе. Попы положили служить сначала пасхальную заутреню и обѣдню, а потомъ справить службу и Благовѣщенію. Сказано сдѣлано, заутрена и обѣдня ужъ кончились, на дворѣ поздно, а свѣту нѣть: такъ нѣть да и нѣть до другаго дня. Съ этихъ порь и стали праздновать Благовѣщеніе впередъ Пасхи.

Около Благовѣщенія въ лѣсѣ ёздятъ ужъ только по утрамъ. Растаявшій днемъ снѣгъ ночью покрывается сверху ледяной корой, которая называется настомъ или чарымомъ, по насту легко можно ходить на лыжахъ, не рискуя провалиться въ снѣгъ. Въ это время обыкновенно рубать полозья, или облеса, изъ которыхъ зимою дѣлаютъ сани.

Страстная недѣля идетъ своимъ чередомъ. У насъ на этой недѣльѣ погребъ топить и возить въ него снѣгъ или ледъ.

Наступаетъ великий четвергъ. Намъ съ братомъ еще наканунѣ говорили, чтобы мы завтра раньше вставали: кто въ великий четвергъ встанетъ до солнышка да обуѣтся, — тотъ въ году много утиныхъ гнѣздъ будетъ находить. Но намъ какъ-то не удавалось никогда этого испытать. Утромъ въ четвергъ только что встанемъ — видимъ, что на божницѣ, около иконъ, стоитъ коврига хлѣба и большая рѣзная деревянная солонка: это четвергѣный хлѣбъ и четвергѣная соль. Таковъ обычай, искони вѣковъ заведенный. Послѣ обѣдни за столомъ четвергѣный хлѣбъ съ солью ёдятъ, но не весь: часть его идетъ домашнему скоту лошадушкамъ, коровушкамъ

да овечушкамъ. Съ этого хлѣба Богъ лучше хранить на цѣлый годъ и скотъ, и людей. Вечеромъ въ четвергъ бываетъ стоянѣе, за которымъ читаютъ страсти Господни.

Утромъ же въ великий четвергъ обыкновенно бѣжать сусло, изъ кото-
рого приготовляется пиво: о празднике вѣдь безъ пива нельзя.

Въ каждомъ селѣ и въ каждой деревнѣ существуютъ особые званные
или гостинные праздники. Къ каждому изъ этихъ праздниковъ всѣ варятъ
пиво, покупаютъ вино и приготовляютъ какъ можно болѣе кушаньевъ, для
гостей, которые собираются изъ окрестныхъ деревень. Гостиныхъ праздниковъ
въ Гагарахъ нѣсколько: Крещеніе, Троица, Успеніе, Покровъ и зимній
Микола. Кроме того на Пасхѣ и Рождествѣ варятъ пиво ради великаго
праздника для себя. Такимъ образомъ пиво въ Гагарахъ варятъ всего семь
разъ въ году.

Въ одно утро, дней за пять до праздника, въ избѣ около печи, т. е.
въ кути, появляется чанъ. Это значитъ сегодня будуть пиво затирать.
Въ чанъ насыплютъ солоду, ржаной муки, нальютъ холодной воды, размѣ-
шаютъ все это весломъ, и получится густое, прегустое тѣсто. Это и называется
затѣромъ. Въ то же утро безперечь ставятъ въ печь да вынимаютъ изъ
печи чигунки да мидѣнники съ кипяткомъ, выливаютъ въ заторъ и размѣ-
шиваютъ. Въ концѣ концовъ нальютъ полный чанъ кипяткомъ и получится
жидкая гуща. Какъ печь истопится, достаются корчаги, перемываютъ и
изнутри посыпаютъ мукой, а потомъ наливаютъ изъ кадочки жидкой гущей
и ставить одна за другой въ печь. Количествомъ корчагъ измѣряется вѣя
пива. Одни дѣлаютъ большую варю, другие маленькую. Небольшая варя
корчагъ 5—6, большая 10—14 корчагъ. У которыхъ гостей много бываетъ,
тѣ варятъ и по двѣ вары. Какъ только корчаги поставлены—печь закры-
ваютъ, но уже не желѣзной заслонкой, а особой—толстой и сдѣланной изъ
глины, да еще и эту заслонку на глухо заклеиваютъ тряпцами да замазы-
ваютъ глиной.

«Ну, ребята, завтра сусло»—говорить намъ отецъ, большой охотникъ
пить сусло.

Между тѣмъ кадочка съ вечера еще перебралась на лавку и стоитъ
наклонившись. Внутри ея теперь находится рѣсленикъ. Рѣсленикомъ
называется широкій мѣшокъ изъ толстаго и прочнаго холста. Его спускаютъ
въ чанъ, а края выворачиваютъ на наружныя края чана и здѣсь привязы-
ваютъ.

Дно чана надъ рѣсленикомъ устилается чистой соломой.

На другой день послѣ затора корчаги вынимаютъ изъ печи, и содер-

жимое ихъ выливается въ гущеникъ, протекаетъ черезъ него и черезъ солому и вытекаетъ въ видѣ сусла изъ особаго отверстія, сдѣланнаго въ стѣнкѣ чана около самаго дна.

Ранымъ-рано на другой день встала мать. Когда мы проснулись корчаги вмѣсто печи стояли въ избѣ на полу и на лавкахъ, и во всѣхъ набѣжало горячее сусло: пей—не хочу! И пьють. Сусло любатъ пить всѣ, а отецъ любить пить еще съ перцемъ. Мы тоже пробуемъ съ перцемъ—и ничего—съ перцемъ дѣйствительно ладно!

Часть сусла выносятъ студить, а въ одну или двѣ корчаги кладутъ хмѣль и ставятъ ихъ въ печь. Вечеромъ пиво нужно «споромить», т. е. слить все сусло обратно въ чанъ, который въ это время уже переселился подъ порогъ. Когда видѣть, что сусло достаточно охладилось, его сливаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, которое настоялось въ печкѣ съ хмѣлемъ въ одинъ чанъ. На другой день отецъ пробуетъ, не пора ли пиво «слевать»? Опять примишь корчаги и черезъ рѣшето, чтобы хмѣль не попадалъ, сливаютъ пиво въ корчаги и ставятъ на ледъ. Пиво готово. Это уже бываетъ въ великую субботу, наканунѣ Свѣтлого Христова Воскресенія.

Утромъ въ этотъ день яица красили¹⁾ и дѣлили. Рання пасха—яицъ меныше, а поздня—больше,—но все, что нанесутъ курицы до пасхи—наше счастье. Все это утромъ въ великую субботу варится, красится и дѣлится поровну между старыми и малыми. Намъ, ребятамъ, досталось столько же, сколько и всѣмъ. Но это только сначала. Скоро того и гляди мать или отецъ изъ своего пая добавитъ. Послѣ дѣлежки всякий уносить свой пай до завтра, а завтра можетъ расходовать, какъ кому вздумается. Намъ полнымы и безконтрольнымы хозяевамъ своихъ паевъ, конечно, и въ мысль не входило воспользоваться ими наканунѣ: семь недѣль постился и нѣсколько часовъ не додежилъ—вотъ уже постыдно. Отецъ какъ то рассказывалъ намъ, что онъ въ городѣ видѣлъ «восподъ», которые и въ великий посты «кушали мясо». Мы сильно дивились и не вѣрили, что есть такие безбожники....

Наступила вечеръ. Заблаговѣстили ко всенощной. У насъ, въ Гагарахъ, только это чтеніе Апостола передъ святой плащаницей и называется всенощной. А тамъ—заутреня, обѣдия, вечерни—и больше круглый годъ никакихъ общественныхъ службъ не бываетъ.

Передъ Пасхой мы съ братомъ изъ церкви не выходимъ. Въ церкви

¹⁾ Обыкновенно яица красятъ при помощи высокшней верхней колоды лука, которая въ большомъ количествѣ кладется въ горшокъ съ яицами и кипятится. Цѣль яицъ получается ярко-красный и никогда не линяетъ. Ф. З.

хорошо и все напоминает намъ, что праздниковъ праздникъ недалеко: чистить подсвѣчики, наливаютъ плошки, вставляютъ новые свѣчи, возять сельникъ да пыхтовникъ для церкви—все это только къ Пасхѣ и дѣлаютъ. Все это восторгаетъ наши юные сердца, всему мы радуемся и ликуемъ.

Передъ пасхой изба и горница у насть принимаетъ праздничный видъ. Вымытіи полы въ горницѣ мать разстилаетъ половики, а полъ въ избѣ посыпаетъ бѣлымъ пескомъ. Въ горницѣ на простѣнки и на занавѣсъ развѣниваютъ бѣлые полотенца съ пришипленными къ нимъ цветными, по большей части, шелковыми лоскутками. Послѣ пасхальной недѣли эти полотенца снимаютъ.

За христовской заутреніей въ первый разъ говорять и поютъ «Христосъ воскресъ». Ребята сказывали, что къ этому времени надо приготовить винного (никоваго) туга и, вместо «воистину воскресъ», сказать пошу «винный тузъ есть»—тогда съ этимъ тузомъ можно сдѣлаться настоящимъ невидимкой и все доставать,—словомъ такой тузъ вполнѣ замѣняетъ собою цвѣть купоротника (папоротника).

Послѣ христовской обѣди начинается разговеніе. Всѣ садимся за столъ. Сначала появляется масло, которымъ насть и заставляли разговаривать прежде всего. Мы пробовали было заявить, что масла не хочемъ. Но отецъ съ матерью стояли на своеѣ, говоря, что нужно выхлебнуть ложку масла, иначе послѣ поста-то сердце будетъ давить. Послѣ масла стали молодными щами разговаривать; барашка къ празднику кололи.

«Слава Тебѣ, Господи»—молилась по этому поводу мать,—велѣль Богъ спить—сысь». Потомъ поѣли блиновъ, яичекъ, похлѣбали молока—и разговеніе кончилось. Мы съ братомъ побѣжали на улицу—яицами кататься. Накатались яицами—пошли на качулю. Качулю не долго искаѣть: въ каждомъ дворѣ есть. Надоѣло на качулю—пошли на колокольню.

Въ этотъ Христовъ День и вся христовская недѣля проходить: съ колокольни на качулю, съ качели на колокольню. На колокольню сходить хоть одинъ разъ въ теченіи христовской недѣли считается обязательнымъ для всѣхъ. Въ субботу всѣ ходятъ «съ колоколами прощаться».

На другой день послѣ Христова Дня, т. е. въ Христовскій понедѣльникъ, всѣ мужики и молодые ребята, вышедши изъ дѣтского возраста (женщины изьяты) обязательно должны явиться къ заутренїю. Обычай этотъ еще въ недавнее время у насть, въ Гагарахъ, строго поддерживался тѣмъ, что изжившихъ по какимъ-либо причинамъ къ заутренїю, отыскивали сообща и окачивали холодной водой.

На другой или на третій день къ намъ въ домъ приходитъ Бого-

матерь—такъ называется обычай, по которому настари во всей Гагарской волости на Пасхѣ причть ходить изъ дома въ домъ съ тремя иконами: Кресть, Икона съ двунадесятыми праздниками и икона Богородицы. Въ каждомъ домѣ передъ иконами ставить зерновой хлѣбъ, предназначенный на сѣмена, а на столѣ хлѣбъ и яица. Яица собираются причтомъ.

Пасхи и куличей въ Гагарахъ не приготавлияютъ, и о нихъ никогда не слыхали.

За посѣщеніе съ Богоматерью съ каждого дома, кромѣ яицъ, причть получаетъ отъ 15—25 коп. до 1 рубля.

Въ пятницу и субботу на христовской недѣлѣ отецъ ужъ сталъ поговаривать, что теплынь наступила, въ лѣсу снѣгу совсѣмъ мало: пора за дрова приниматься.

— Дроворубъ та же страда. Не нарубишь до пахоты—такъ зиму то ссыпнешь и будешь топить.

Гагарские мужики сильно опять закопошились. Шли страшн—рукавовъ стрехия. Тѣ, что постарше да посильнѣе, отправляются рубить дрова подальше отъ слободы, на начевѣ, т. е. ночи на три—на четыре, а то и на недѣлю. Ребята порубить дровишекъ гдѣ нибудь не далеко: «всѣ ж хоть на осень истопить пригодятся»

Лѣсь у насъ больше березовый, и дрова рубать все какъ-то березовые, сосновый попадаются рѣдко, еще реже осиновый.

Рубать сначала країжѣ, потому стаскиваютъ ихъ въ кучу и мельчать на полѣнья. Осеню тоже, послѣ страды, бываетъ дроворубъ, но тогда рубать только країжи, которые къ веснѣ вывозятся домой. Пока въ лѣсу еще нельзя рубить въ мартѣ країжѣ мельчать на полѣнья. Осеню срубленные країжѣ стаскиваютъ въ кучи и пятнаютъ для того, чтобы ихъ не украли. Каждый домъ имѣть свое «пятно». У насъ, напримѣръ, країжи пятнились такъ: на комлѣ (а комлемъ называется нижняя часть деревесного ствола) дѣлалась зарубка, а на корѣ комля—разрѣзъ коры.

Дрова рубить весело. Въ лѣсу даромъ, что ни зеленої травы, ни цвѣтковъ нѣтъ, а полакомиться можно: берёзовка побѣжала. Возьмешь туласокъ подставишъ подъ березку—въ день то глядишь полонъ тусъ накаплетъ. Изъ маленькихъ березокъ березовка не сладкая, да и мало; надо березовку цѣдить изъ большихъ березъ. Мама намъ много березовки пить не давала: говорить—«нездорово».

У кого большая семья—всѣ мужики на дроворубъ не ходятъ. Нѣкоторые идутъ наиматься къ какому нибудь подрядчику плотничать до пахоты. А у кого и пахарей много, такъ плотничаютъ до самой страды.

II.

Пахота и рыболовство.

Во второй половине апрѣля солнышко пригрѣваетъ все сильнѣе и сильнѣе. Мужики поговариваютъ о томъ, что пахота не далеко. Скоро заговорили, что-де «вонъ Тима Мокинъѣ вѣдилъ вчера «зачинать»—пора и намъ, скоро ужъ Еремѣя—запрягальника (бываетъ 1 Мая), самый лѣнивый поѣдетъ пахать. Отецъ ужъ ходилъ въ кузницу сошники клепать, да кузнецю не досугъ: съ цѣлой слободы нанесли, завтра велѣль приходить. У насъ, въ Гагарахъ, на всю слободу только и было два кузнеца, въ нашемъ концѣ да въ верхнемъ. Передъ пахотой то ихъ задавили работой.

Ремесло въ Гагарахъ не любить, потому что не знаютъ. На такое село два кузнеца, да и тѣ лошади подковать не съумѣютъ порядкомъ! А потребуется сдѣлать новую вещь—серпъ ли топоръ—такъ нужно въ соседнюю волостьѣхать, гдѣ кузнецы есть изъ ссыльныхъ. «У нихъ есть сѣма-то на всѣ»—говорить про нихъ въ Гагарахъ.

На другой день отецъ ужъ добился—сошники выклепали—можно и зачинять.

Рано утромъ послѣ завтрака или чаю стали собираться на пашню. Всакое дѣло надо начинать съ молитвой. Съ этого же начинается и пахота. Когда лошади уже бываютъ запряжены, вся семья собирается въ горницу, затворяютъ двери и передъ иконами затепливаютъ свѣчки. Передъ началомъ молитвы, по обычай, все должны присесть, а потомъ ужъ вставать и молиться. Послѣ молитвы въ хорошихъ семьяхъ, сыновья, отправляющіеся на пашню, кланяются родителямъ въ ноги и просятъ благословенія. Прежде чѣмъ выѣхать за ворота часто высыпаютъ посмотретьть, нѣть ли гдѣ бабы на улицѣ. Дурною примѣтой считается, когда при такомъ важномъ выѣздѣ баба пересѣчетъ дорогу. Послѣ такой бѣды хоть назадъ воротиться такъ въ ту же пору¹⁾). Такъ и дѣлаютъ, если еще не выѣхали со двора: слова идуть въ горницу обождать и ужъ потомъ выѣжаютъ. Бабы въ это время боятся ходить, а если увидятъ отѣвѣжащихъ, то стараются обождать. Не то другой мужикъ такъ относитъ, что три года будетъ помнить.

Каждое семейство и каждый крестьянинъ имѣеть землю, за которую въ началѣ и въ концѣ года вносить «подушину». Каждая «душа» вѣ-

¹⁾ Мѣстный оборотъ рѣчи. Ф. З.

дѣлью земли не въ одномъ, а въ разныхъ мѣстахъ. Около самого селенія идутъ такъ называемые третинки, т. е. отдаленные поля, разняющіеся $\frac{1}{3}$ десятины. Эти поля всегда бывають удобрены навозомъ и потому всегда даютъ хороший урожай. Слѣдующій надѣль земли дается въ 3, 4 или 5 верстахъ отъ селенія и наконецъ на ту же душу мужикъ получаетъ землю на «пашню»—такъ называется вообще поле, находящееся отъ слободы на разстояніи 10—15 верстъ.

Удобряется только поля первой группы.

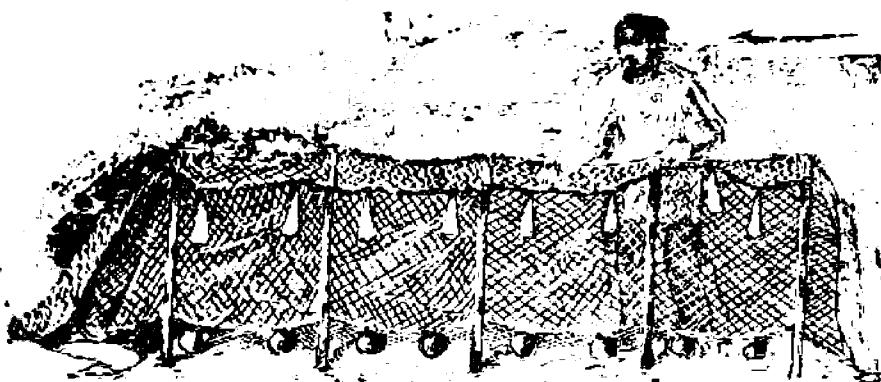
Удобрение исключительно состоить изъ навоза и производится или въ юнѣ—это удобрение признается за лучшее, или осенью послѣ уборки хлѣба, или, наконецъ зимою въ видѣ «пластовъ». Пластами называются замерзшій сверху слой навоза, который—вырубается и глыбами вывозится въ поле. Кроме описанныхъ родовъ полей, есть еще особый видъ, которымъ владѣеть не каждый, потому что не каждый работаетъ надъ нимъ—это залоги. Залогомъ называется поле, которое добыто земледѣльцемъ изъ—подъ лѣсу. Для этого вырубается лѣсъ, и на мѣсто его года черезъ 3 или 4 нарощдается новое поле. Такъ какъ залоги добываются близко у селенія, то они всегда бывають удобрены навозомъ. Новая, неистощенная почва сторицю вознаграждается этой чрезвычайный трудъ земледѣльца. Обработка полей производится большою частью сохой, которая называется рогалюхой; за ней слѣдуетъ менѣе употребительный плугъ—колесника или сабанъ и плугъ—пермянка. Самый лучшій изъ этихъ орудій, какъ признаю крестьянами, плугъ пермянка имѣется далеко не у всѣхъ: недостатокъ денегъ (требуется около 5 руб.) и отчасти лошадей (требуется пара на одинъ «выпражъ») не позволяютъ гагаревому мужику завести эту роскошь. А рогалюху самому не трудно сдѣлать. Нахота производится обыкновенно въ такомъ порядкѣ. Послѣ двухъ, трехъ, иногда даже четырехъ посѣвовъ подъ-рядъ поле оставляютъ подъ парь. Паръ приготавляется такъ. Послѣ окончанія сѣва въ концѣ мая поле вспахивается и въ этомъ состояніи остается до половины юнія, когда оно заборанивается. Въ концѣ юнія или въ началѣ юля поле вспахивается «на другой рядъ», и паръ готовъ. Большая часть пары идетъ подъ озимую рожь, а остальной паръ идетъ къ веснѣ подъ яровое. Весной на пары преимущественно сѣютъ пшеницу, ярицу, ячмень и рѣдко овѣсъ. Кроме перечисленныхъ хлѣбовъ въ Гагарахъ сѣютъ горохъ, гречиху и полбу. При сѣвѣ посѣвовъ на одномъ обыкновенно поступаютъ такъ. На мѣсто сжатой рапы сѣятъ яровое, положимъ горохъ, послѣ гороха всегда сѣять овѣсъ, а послѣ овса обязательно поле парять.

Послѣ посѣва хлѣбовъ сѣютъ ленъ. Посѣвъ льна самый для наст

интересный. Кормить семью—дѣло мужичье, а одѣвать мужиковъ—дѣло бабье. Поэтому при посѣвѣ льна вошло въ обычай задабривать мужиковъ тѣмъ, что въ льняные сѣмена кладутъ вареныхъ яицъ. Поэтому мы и любили сѣять ленъ. Отсѣкъ высыпаетъ въ лукошко сѣмена, а съ сѣменами яйца за яйцомъ вылетаютъ: «робата, берите». Прямо взять да и сѣсть яичко нельзя, нужно его сначала подбросить къ верху да сказать: «выrostи ленъ выше лбусу стоячаго». Говорить еще, чтобы ленъ хорошо родился, нужно сѣять его нагищемъ, но мы это никогда не пробовали: стыдно, говорить то всѣ говорить, а раздѣлься, такъ на смѣхъ поднимутъ.

Кажется простая вещь сѣмена для посѣва, а между тѣмъ не всякий гагарскій мужикъ согласится продать хлѣба на «сѣмена»—какъ говорить у насть въ Гагарахъ. Особенно въ этомъ случаѣ дорожатся шееницей. Опасаются, что отъ продажи хлѣбъ выводится, а въ шееницѣ соръ да головной пойдуть—хоть бросай. Отецъ у насть какъ-то купилъ полпуда шееницы да и посѣялъ. Шееница родилась хорошая, на другой годъ еще лучше, а у старого хозяина какъ-то перевелась. Такъ отца-то за это прямо враждныи и назвали и не мало ругали, что шееницу «не съ добра» купилъ. «На сѣмена только и можно по знакомству продавать, а то Богъ его знаетъ на какого наскачишь». Да и въ однихъ ли сѣменахъ такъ поступаютъ? И корову, и овечку, и гуся, и утку на приплодъ никто съ бухты-бараахты не продаетъ: всякому свое.

Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая у насть, въ Гагарахъ, происходитъ неводьба. Человѣкъ десять или пятнадцать соединяются въ артель для

Неводь.

устройства невода. Каждый пайщикъ вносить опредѣленную часть мережи, веревокъ для тетивы и прогона, кибасьевъ и наплавьевъ. Кибасьями называются

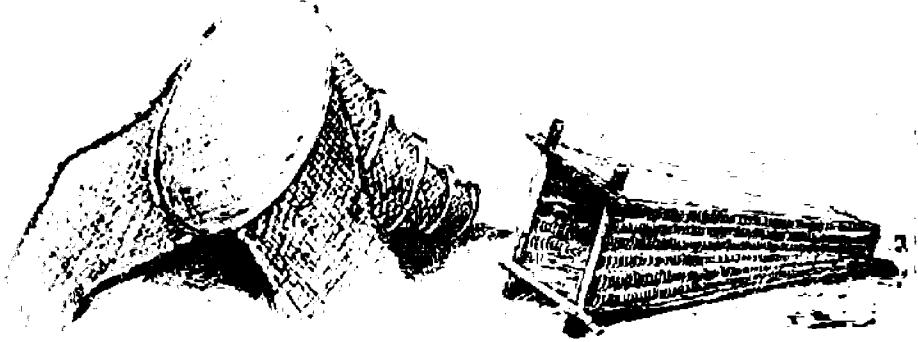
просушенные куски глины въ формѣ сплюснутаго шара съ отверстиемъ посерединѣ. Нашпавь, или наплавкѣ, приготавляются большою частью изъ коры тополя, называемой сухариной или сухарникомъ.

Неводъ составляется изъ полотна (мережи), которое съ обѣихъ сторонъ прикрѣпляется къ тетивамъ: верхней и нижней въ нижней тетивѣ прикрѣпляются кибасья, а къ верхней нашпавья.

Къ переднему концу невода привязывается длинная веревка-прогонъ. Задняя часть невода называется пятой. Въ этой части посерединѣ полотна устраивается матній, представляющая изъ себя длинный, съуживающійся къ концу, мѣшокъ изъ мережи. Около матнія къ верхней тетивѣ прикрѣпляется ловда. Ловда есть ничто иное, какъ двѣ небольшія доски, сложенные подъ угломъ около 60° . Она устраивается для того, чтобы своимъ колебаніемъ показывать присутствіе рыбы въ матнѣ.

Гагарскіе мужики полагаютъ, что всякий ловъ—звѣрь ли, рыбы ли, птицы—нельзя вести безъ особаго заговора или «словинки», а потому въ числѣ неводчиковъ всегда предполагается, что существуетъ хоть одинъ, который бы передъ началомъ работы могъ словинку прочитать, а въ трудныя минуты неводъ отъ порчи спасти и т. п. По мнѣнію мужиковъ неводъ, какъ и всякий человѣкъ, не застрахованъ отъ «порчи», которую вражные могутъ ему причинить¹⁾) Невольба у гагарскихъ мужиковъ составляетъ почти единственный родъ занятій, основанныхъ на артельномъ началѣ.

Весной рыбу ловятъ еще мордами, удочкой, сѣтями, отчасти фитилями и рѣдко переметами.

Фитиль.

Морда.

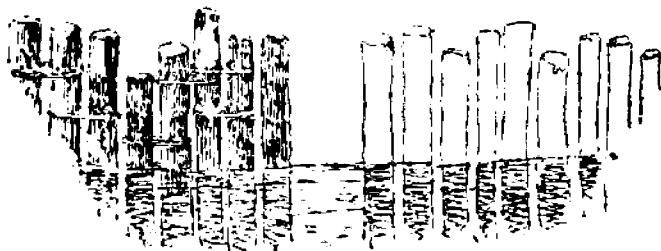
¹⁾ См. ниже.

Объ устройствѣ морды мы легко себѣ составимъ понятіе, если представимъ пустой конусъ и съ открытаго конца его вставимъ внутрь такой же конусъ, только гораздо короче первого.

Границы оснований конусовъ совпадаютъ, но между вершинами внутреннаго и наружнаго конуса образуется пространство, въ которомъ и находится добыча, не догадываясь выйти обратно черезъ отверстіе во внутреннемъ конусѣ. Въ остромъ концѣ внутренняго конуса для входа рыбы находится отверстіе; подобное же отверстіе находится и въ наружномъ конусѣ для вытряхиванія добычи, но во время ловли это отверстіе закрывается втулкомъ. Морды плетутъ изъ прутьевъ тальника.

Они раздѣляются на два вида. Однѣ изъ нихъ называются намазушками, потому что внутри ихъ намазывается приманка. Эти морды ставить въ рекѣ.

Для того, чтобы установить морды другого вида, необходимо въ какомънибудь протокѣ поставить жалъ. Каждый годъ, напримѣръ, въ Гагарахъ ставить жалъ въ протокѣ, который бѣжитъ изъ Старицы въ Туру. Жалъ приготавливается изъ мелкихъ деревесныхъ стволовъ, которые въ нѣсколькихъ мѣстахъ соединяются между собою мочаломъ.

Чертежъ жала, въ серединѣ которого находится мѣсто для установки морды.

Среди жала въ одномъ или нѣсколькихъ мѣстахъ оставляютъ мѣста для установки морды. Какъ только вода начинаетъ замѣтно убывать, рыба изъ Старицы стремится по протокѣ въ Туру и на пути попадаетъ въ морду. Около морды обыкновенно устраиваютъ садкѣ—отгорожены со всѣхъ сторонъ мѣста въ водѣ, въ которые и опускается добытая рыба для сохраненія. Подобные же садкѣ устраиваютъ и при большихъ уловахъ рыбы неводомъ.

Устройство переметовъ слишкомъ извѣстно, чтобы за вѣмъ остановились. Да переметовъ у насъ почти вовсе не ставятъ, хотя и умеютъ изъ приготовить.

Другое дѣло фитили. Лѣтомъ ихъ хотя и рѣдко ставить у насъ, за то зимою мало найдется такихъ, которые бы не ловили рыбы фитилями.

Ловля рыбы посредствомъ этихъ снарядовъ основана на той же мысли, по которой устраиваются морды. Разница только въ томъ, что фитиль составляется изъ одного наружнаго конуса и нѣсколькихъ внутреннихъ; притомъ же онъ дѣлается изъ мережи и, чтобы не сплющивался въ водѣ, внутри имѣеть деревянные обручи. Кроме того къ открытому концу фитиля прикрѣпляются два крыла изъ мережи, а около каждого крыла пристраиваютъ жаль. Фитили устанавливаются на рѣкѣ около берега открытымъ концомъ на встрѣчу течению. Ставя фитили больше всего рыболовы разсчитываютъ на добычу налимовъ.

Во время весеннаго разлива нѣкоторые ловятъ рыбу сѣтами.

А послѣ того, какъ разливъ кончится и вода, какъ говорять, станетъ въ трубу, начинается ловля рыбы удочками. Этому роду рыбной ловли серьезные рыболовы значенія не придаютъ и на удельниковъ, какъ и на охотниковъ стрѣлить, смотрѣть съ преизброжительнымъ осужденіемъ; такъ какъ «удой рыбы не наловишь». Впрочемъ въ послѣднее время гагарскіе мужики ухитрились на уду ловить язей и этимъ успѣли нѣсколько возвысить свое занятіе въ глазахъ настоящихъ рыболововъ.

При ловлѣ язей для наживы, или насадки, употребляется рачье мясо.

Но никогда уженью не придается такого значенія, какъ въ ту ночь, въ которую метлякъ¹⁾ падаетъ. «Въ эту ночь успѣхъ только закидывать—ведро легко можно наудить»—говорить въ Гагарахъ. Метлякъ падаетъ только на Турѣ и представляетъ изъ себя бабочку бѣлаго цвѣта съ толстымъ брюшкомъ, какое вообще имѣютъ всѣ бабочки, принадлежащи къ ночныхъ.

Обыкновенно около полуночи надъ всей рѣкой поднимается огромное число описанныхъ бабочекъ, которыхъ падаютъ и на воду, и на берегъ въ такомъ количествѣ, что всей окрестности придаются бѣловатый цвѣтъ. Крупная и мелкая рыба съ жадностью бросается на этого рода добычу и на поверхности воды легко можно замѣтить сильное движение и всплескиванье рыбы въ погонѣ за метлякомъ. Въ это время рыба такъ же жадно и неразборчиво схватываетъ и метляка, посаженного на удочку. Къ какому виду относится этотъ метлякъ, существующій всего нѣсколько ночныхъ часовъ—

1) Метляками называютъ всякаго рода бабочекъ. Ф. З.

я не знаю, но вѣроятно онъ имѣть тѣсную связь съ тѣмъ пичулѣми, которые живутъ въ плотившемъ слоѣ глины въ норахъ по берегу р. Турѣ и чрезвычайно напоминаютъ собой гусеницу. «Пичулъ» представляетъ изъ себя также прекрасную насадку и рыба въ Турѣ на пичулѣ отлично клюетъ, между тѣмъ какъ шшура¹⁾ она даже не июхаетъ. Поэтому на шшуровъ удѣтъ только въ Ницѣ.

Заговоривъ о весеннемъ рыболовствѣ гагарскихъ мужиковъ нельзя уже вѣстати не упомянуть и о другихъ (очень немногочисленныхъ) видахъ рыбной ловли, практикуемыхъ зимою.

Изъ зиминыхъ способовъ ловли второе мѣсто послѣ фитилей занимаетъ ловля жерлѣцами. Жерлицей называется большая удочка (крючекъ), наживленная или червѣми, или мелкими живыми рыбками. Для постановки жерлицы продалбливаютъ во льду небольшое отверстіе и ставить въ него тоненький колъ, къ нижнему концу котораго на поводкѣ привязывается крючокъ.

Черезъ извѣстное время ходятъ «жерлицы смотрѣть», т. е. вынимать добычу и наживлять крючки. При ловлѣ жерлицами главнымъ образомъ разечтываются на налимовъ.

Если къ описанному еще прибавить о томъ, что тотчасъ же послѣ того, какъ рѣка покроется льдомъ, гагарскіе мужики имѣютъ обыкновеніе глушить рыбу посредствомъ удара по льду особымъ кіемъ, то исчерпаются всѣ способы рыбной ловли въ описываемой мѣстности.

Въ заключеніе описанія рыбного промысла необходимо замѣтить, что въ настоящее время все чаще и чаще слышатся жалобы на оскудѣніе рыбы. Причину этого печального явленія крестьяне видятъ въ появлениі пароходовъ, которые «пугаютъ рыбу». Такое же значеніе придается и ракамъ, появившимся въ Ницѣ въ огромномъ количествѣ. На раковъ въ Гагарахъ смотрѣть, какъ на антихристовъ, явившихся передъ концомъ полнаго исчезновенія рыбы. Я съ умысломъ употребилъ слово «антихристы»: населеніе Гагаръ въ появлениі раковъ, которыхъ раньше не было, видитъ подтвержденіе своихъ слишкомъ распространенныхъ убѣждений объ антихристѣ: «правда вѣдь въ писаніи сказано: послѣднія времена живемъ—все хуже да хуже».

Самою цѣнною рыбой считается нельма, которую добываютъ только большими неводами въ Ницѣ; за нельмою слѣдуетъ налимъ, язъ, щука, чебакъ, окунь, ершъ, мезкозобъ. Въ озерахъ ловятъ еще карасей.

¹⁾ Шшуровъ называется дождевой червякъ. Ф. З.

III.

Троицынъ день.

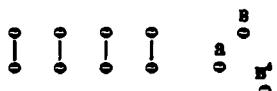
Троица представляет изъ себя годовой праздникъ. О Троицѣ въ Гагарахъ бываетъ ярмарка. Прежде другихъ торгашей, за недѣлю до праздника, наѣжаютъ холстеники—такъ называютъ купцовъ, которые холсты набираютъ. Во всей гагарской волости, послѣ того, какъ мужики разъѣдутся по полямъ, бабы принимаются ткать холсты на продажу и для себя. Для продажи идутъ холсты грубые, изъ толстыхъ нитокъ и красная цѣна имъ 5 коп. за аршинъ. Но ткать ихъ считается выгоднымъ вслѣдствіе того, что это единственное занятіе, которое даетъ женщинѣ возможность, не выходя изъ дома, заработать копейку. Къ Троицѣ варятъ пиво въ Гагарахъ и въ праздникъ, послѣ обѣда, въ каждомъ домѣ собираются гости. Первое угощеніе, которое хозяева предлагаютъ гостямъ, заключается въ пивѣ. Пиво подносятъ въ стаканахъ на подносѣ поочередно, то одинъ, то другой изъ хозяйствской семьи. Послѣ угощенія пивомъ въ такомъ же родѣ подносятъ гостямъ въ рюмкахъ вино. Наконецъ собираются на столъ и садить за него гостей. Послѣ стола, а также и во время стола, продолжается угощеніе пивомъ и виномъ. За столъ садятся одни гости: садиться хозяевамъ вмѣстѣ съ гостями считается предосудительнымъ. Послѣ стола подвыпившіе гости обыкновенно начинаютъ пѣть пѣсни. Пляска или танцы бываютъ чрезвычайно рѣдко. Еще рѣже можно слышать какую-либо музыку въ подобныхъ собраніяхъ. Самымъ употребительнымъ инструментомъ въ Гагарахъ является ограмонія¹), затѣмъ бандура и балалайка. На тѣхъ изъ молодыхъ ребятъ, которые имѣютъ ограмонію или бандуру, въ Гагарахъ смотрятъ какъ на людей, изъ которыхъ путиаго ничего выйти не можетъ. (См. ниже).

Вечеромъ въ Троицынъ день молодые люди обоихъ половъ собираются на «полянку»—такъ называется праздничное собранище, происходящее на берегу реки Ницы. На полянкѣ, девицы и молодцы взявшись за руки и составивши несколько рядовъ, ходятъ одинъ рядъ за другимъ, распѣвая пѣсни. Это называется ходить въ кругу.

¹⁾ Въ которой читателю не трудно узмать гармонику или гармонію. Ф. З.

Вся игра состоит въ томъ, что пройдя изъкоторое разстояніе, первый рядъ (а) становится на-сторону (черт. 3), рядомъ съ нимъ становится другой рядъ, затѣмъ третій. Когда всѣ ряды устанавливаются въ описанномъ порядкѣ (черт. 1), тогда начинается движеніе снова: первый рядъ опять идетъ впередъ, за нимъ второй, третій (черт. 2). Далѣе, когда всѣ ряды придутъ въ движеніе, первый рядъ опять становится на сторону (черт. 3) и т. д.

На полянкѣ же играютъ карауломъ. Играющіе дѣлятся на пары и становятся одна пара за другой. Одинъ или одна изъ играющихъ становится на караулъ. Игра состоитъ въ томъ, что пары поочередно выбѣгаютъ впередъ, а стоящій на караулѣ во время бѣга старается поймать ихъ. Если ему это удается, то онъ вмѣстѣ съ пойманнымъ игрокомъ составляетъ пару, а оставшійся становится на караулъ.

а—стоящій на караулѣ; в и в' бѣгущая пара.

На полянкѣ же играютъ воротцами. Двое изъ играющихъ, ставши на изъкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, образуютъ собою два столба. Затѣмъ, поднявши вверхъ по одной руцѣ, они держать въ нихъ платокъ, замѣняющій перекладину на воротахъ.

Въ эти воротца пробѣгаеть одна пара за другой.

Каждая пара, выбѣжавшая изъ воротецъ первою, становится также, образуя новые воротца и т. д.

Одну изъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей полянки составляетъ борьба. Обыкновенно борцы изъ верхнаго конца борются поочередно съ борцами изъ нижнаго конца. Но въ большіе, годовые, праздники, обыкновенно оба «конца» соединяются для совмѣстной борьбы съ пришедшими изъ другихъ селъ и деревень борцами. Борьбу ведутъ только двое, остальные же въ качествѣ любопытныхъ окружаютъ мѣсто борьбы толстыми живымъ кольцомъ.

Борьбу всегда открываютъ маленькие борцы.

Каждый борецъ, выходя въ кругъ, долженъ быть показанъ черезъ одно плечо и вокругъ себя опояской.

Цѣль борьбы заключается въ томъ, чтобы уронить противника на землю 3 раза. Кто успѣеть это сдѣлать раньше другого, тотъ считается побѣдителемъ. Въ случаѣ, если одинъ борецъ падеть 3 раза, то другой выходить на выручку.

Практика строго установила известные приемы борьбы. Самый легкий удар съ носка дѣлается въ началѣ борьбы и заключается въ томъ, что борецъ старается уронить другого, удариивши его боковой частью ступни по ногамъ. Слѣдующій приемъ называется съ пятки: одинъ изъ борцовъ пятку правой или лѣвой ноги (смотря по тому, какой онъ лучше владѣть) закидываетъ за пятку другого борца. Есть еще приемъ брать своего противника съ крюку. Для этого ногу закидываютъ за ногу противника съ внутренней ея стороны. Затѣмъ послѣдній приемъ носить название съ холки и состоять въ томъ, что одинъ борецъ старается подвернуть подъ животъ противника свою спину и такимъ образомъ, перебросивши черезъ себя, уронить на землю. Каждый хороший борецъ обыкновенно роняетъ противника посредствомъ какого либо одного изъ описанныхъ приемовъ борьбы. Во время борьбы опускаться руками отъ опояски строго воспрещается. Отъ маленькихъ борьба постепенно переходитъ къ большимъ. Въ концѣ концовъ остается самый искусный борецъ, которого никто не могъ побѣдить, и онъ, какъ говорятъ, уносить кругъ. Унести кругъ—это значитъ одержать такую побѣду, которая служить предметомъ гордости не только для самого борца, но и для всего «конца» или деревни, къ которымъ онъ принадлежитъ. Поздно вечеромъ передъ утромъ кончается борьба, а вмѣстѣ съ нею и «полянка».

На завтра Троицына дня, какъ думаютъ въ Гагарахъ, бываетъ земля именинница. Плевать въ этотъ день на землю считается за грѣхъ.

IV.

Меженное время и страда.

Жаркое время въ іюнѣ мѣсяцѣ носить название межени. На меженное время въ Гагарахъ смотрять какъ на время трудное, въ теченіи которого жить слѣдуетъ со всевозможной опаскою. Въ это время, выпуская домашній скотъ на поскотину, гагареніе мужики, дабы избавить его отъ вліянія нечистой силы, пріобрѣтающей въ это время особенное значеніе, дѣлаютъ на немъ смолою кресты. Чтобы подобнымъ же образомъ предохранить и людей, на кресты имъ лѣпятъ воскъ. Въ такое время отецъ всегда намъ совѣтовалъ ходить съ молитвою. Самою важною въ этомъ случаѣ молитвою считается: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его». Нѣкоторыя строго определенные мѣста въ лѣсу и въ рѣкѣ во все это время и въ особенности въ полдень, совѣтуютъ рѣшительно избѣгать, такъ какъ тутъ временами дѣкуется, т. е. обнаруживается присутствіе нечистой силы. При упоминаніи

о нечистой силѣ у насть имѣть обыкновеніе или отплюнуться или перекреститься и сказать: «не слушай святаго хоромина, не въ намъ будь сказано». Межень обыкновенно совпадаетъ съ Петровымъ постомъ, въ теченіе котораго заботливыя хозяйки копать творогъ для такъ называемаго кислаго молока, сметану и масло. Чѣмъ больше Петровки, тѣмъ выгоднѣе для хозяекъ, потому что въ промежговѣніе¹⁾ ни сметаны, ни масла наношить не удастся. Меженное масло считается самыемъ лучшимъ и доброкачественнымъ.

Въ межень пахота хотя и кончается, но крестьянину нельзя оставаться безъ дѣла. Въ Петровки, пока еще не настала страда, мужики успѣваютъ навозъ на поля вывезти, полозья загнуть, дубу надрать, лутошки поснимать, и пр. и пр.

Срубленные въ мартѣ облеса для полозьевъ теперь правятъ и гнутъ. «Полозы гнуть съ терпѣньемъ и не вдругъ». Березовые облеса, выпрямивши топоромъ, кладутъ въ печь парить, а потомъ уже начинаютъ гнуть. Почти въ каждомъ дворѣ имѣется колода, на которой гнутъ полозья; затѣмъ бало, вокругъ котораго загибается полозъ. Въ углубленіе, сдѣланное въ передней части бала, вкладывается курица, приспособленная для загибания головы полоза. На курицу надѣвается желѣзное кольцо.

Вершина полоза постепенно пригибается къ трубицѣ и весь полозъ загибается вокругъ бала. Загнутые полозья ставить въ особо приготовленный около дома пристѣнокъ, гдѣ они и остаются до снѣгу, пока не просохнутъ. Зимою изъ этихъ полозьевъ и другаго материала дѣлаютъ сани.

Въ числѣ прочихъ материаловъ, необходимыхъ для изготошенія саней, сдѣлуетъ упомянуть о хряслинахъ и дугахъ. Хряслины, приготовляемы въ меженное время, представляютъ изъ себя не толстые стволы березы безъ коры длиною около 2 сажень. Дуги загибаются также изъ тонкихъ березовыхъ стволовъ, съ которыхъ снята кора.

Всѣдствіе развитія кожевенного дѣла въ Тюмени существуетъ большой спросъ на дубъ. Такъ называютъ у насть засушеннюю кору, содранную съ кустарниковъ тальника и пр. Эта кора особыеннымъ образомъ свертывается и сваьзывається въ пучки. Для того, чтобы составить возъ, требуется около сотни пучковъ. Цена хорошаго воза не бываетъ больше 3 рублей. Въ меженное время въ Тюмень свозится дубъ въ огромномъ количествѣ. Дубъ дерутъ даже въ тѣхъ деревняхъ, которые отстоятъ отъ Тюмени на 100 верстъ и болѣе. Къ числу занатій меженного времени относится также обдирание лутошекъ и приготовленіе мочала. Лутоншками называются срубленные стволы липы.

¹⁾ Такъ называется время между постами или говѣньями. Ф. З.

Въ сѣдѣ за меженію наступаетъ страда. Около Петрова днія и косить нужно приготавляться и пары на другой рядъ орати. Около Прокопьевса дни (8 іюля) ужъ всѣ «зачинаютъ» косить, грести, т. е. собирать сѣно въ взды, потомъ копнѣть, т. е. строить копны, а изъ копенъ—за роды. Большиѳ зароды отецъ у насъ называлъ еще аммѣтами. Не успѣли еще поставить сѣно какъ хлѣбъ поспѣлъ. Цѣлые дни бѣтся народъ за работой, какъ рыба обѣ ледъ: съ сука на сукъ, а все недосугъ. На поляхъ появляются кучи и суслоны. Кучи дѣлаютъ стоячія и лежачія. Лежачія кучи или четырнадцатерки (по 14 споповъ) ставятъ на поляхъ въ хороший урожай. Если же хлѣбъ родился рѣдкій и споповъ на полѣ немногі, то ставить восьмерки и—кучи по 8 споповъ каждая. Суслоны дѣлаютъ больше изъ рожныхъ споповъ, когда хотятъ ихъ скорѣй просушить. Для этого ставятъ три спона вверхъ колосьями, а четвертымъ спономъ закрываютъ, надѣвая его на первые спопы такъ, какъ надѣваютъ бумагу на сахарную голову. Но вотъ и жатва кончается. Дожинаютъ послѣднєе поле. Самые послѣдніе колосы этого поля не жнутъ, а перевязываютъ ихъ травой и оставляютъ въ такомъ видѣ Миколѣ на бородку, дабы святой Угодникъ и на будущій годъ не оставилъ послать урожай....

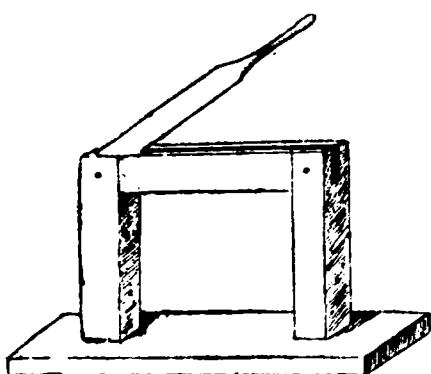
Послѣ жатвы начинается кладиво, кладутъ хлѣбъ въ гумна и остожья. Съ тѣхъ полей, которые находятся недалеко отъ гуменъ, хлѣбъ свозится въ гумна; на дальнихъ же пашняхъ около полей строятъ остожья¹⁾ и въ нихъ оставляютъ хлѣбъ до зимы.

Въ половинѣ Сентабра страда обыкновенно кончается, отворяютъ ворота въ поле ипускаютъ скотъ. Весной до уборки хлѣба ворота заперты, и скотъ ходитъ въ поскотинѣ.

V.

Съ прекращенiemъ страды начинаются новыя заботы и работы у гагарскихъ крестьянъ. Ребята почти поголовно становятся пастухами, гонаютъ коровъ въ поле пасты, а мужики около дома управляются. Бабы въ огородахъ картовки да мѣрковъ копаютъ, капусту рѣжутъ да солятъ. Убрались только съ огородомъ, надо съ куделей управляться: ленъ да коноплю малкою мять, трепаломъ трепать да щетью чесать. Вычесали—прѣсть, а весною ткать да продавать. На сѣдующей страницѣ помѣщены чертежи тѣхъ снарядовъ, при помощи которыхъ ленъ превращается въ нитки и холстъ.

¹⁾ Остожье—загородь, въ которую складывается хлѣбъ или сѣно. Ф. З.

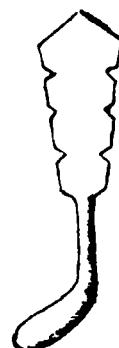
1) Малка.

2) Трепало.

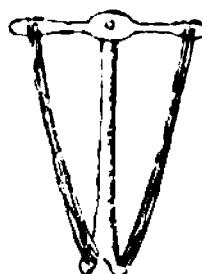
3) Плеть.

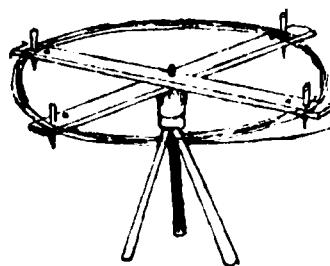
4) Прялница.

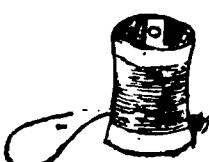
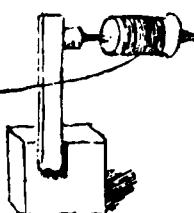
5) Веретено.

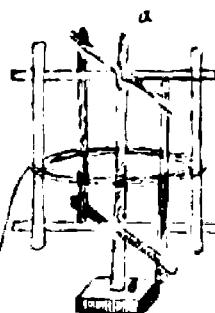
6) Мотовило.

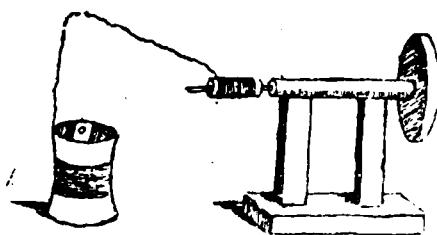
7) Воросм.

9) Самосновы.

Челюкъ.

10) Скально.

Цвеки.

Вырванный съ корнемъ ленъ сначала разстилаются на склоне лугу, и когда онъ достаточно «улежитъ», т. е. когда стволы его сгибаются и сдѣлаются хрупкими, тогда ленъ поступаетъ подъ молку. Здѣсь отъ него отлетаетъ ненужная костики. Еще больше выдѣляется костики, когда ленъ треплютъ трепаломъ. Изъ-подъ трепала кромѣ костики изо льна отдѣляются клочки, которые собираются и составляютъ низкий сортъ кудели, называемый изгрѣбами. Подъ щетью ленъ окончательно очищается, причемъ получаются два высшіе сорта кудели: пачеси и ленъ. Пачеси представляютъ изъ себя клочки кудели, отдѣляющейся при чесаніи щетью. Точно такой же переработкѣ подвергаются коноплѣ и посконь¹). Послѣ этого куделя поступаетъ на прядлицу, а съ прядлицы въ видѣ нитокъ на веретено или веретено. Веретено съ напряденными нитками называется простнѣемъ (простень). Съ простнѣемъ нитки для вытягиванія поступаютъ на мотовило, где каждыи 3 нитки перевязываются и носятъ название чѣсменки; 10 чѣсменокъ составляютъ пасмо. Изъ неопределеннаго числа пасмъ составляется мотъ. Мотъ поступаетъ на ворды, съ которыхъ сматывается на тюркѣ (черт. 7). При помощи самосновынъ пряжа съ тюриковъ сматывается и приводится въ такой видъ, что ее легко можно навить на краснѣ и ткать. Пряжа натянутая на краснѣ называется основой; другая часть пряжи остается на тюрикахъ и называется уткомъ. Уткѣ съ тюрика наматываются на цѣвку, которая вставляется уже въ челнокъ (черт. 10). Основа въ крѣснахъ продѣвается въ двѣ нижечки и одно бѣрдо. Бердомъ дѣйствуютъ для того, чтобы придать холсту ту или другую прочность. Нижечки же, помѣщающіяся какъ разъ за бердомъ, имѣютъ цѣлью раздѣлять основу на двѣ части: верхнюю и нижнюю. Каждая нижечка соединена съ особою подножкою. При нажиманіи подножки къ низу она тянетъ соответствующую нижечку вмѣстѣ съ продѣтою въ нее половиной основы такъ же къ низу, а другая часть основы приподнимается къ верху. Въ образовавшееся въ основѣ отверстіе проскакиваетъ челнокъ, оставляя нитку, которая прихлопывается бердомъ.

Въ концѣ сентября, пока еще не выпадъ снѣгъ, взрослые ребята и мужики рубятъ крахи, а иногда, въ случаѣ надобности, отправляются въ матерѣ или материкъ—бревна рубить для постройки домовъ.

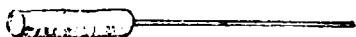
Осеню же, пока земля не промерзла, отецъ у насть ходилъ очепа ставить для того, чтобы зимой по снѣгу зайцевъ ловить. Устройство очеповъ

¹) Псконью называются тѣ стебли конопли, на которыхъ находятся сорочки съ цвѣточной пылью. Псконь рвутъ раньше конопли. По этому поводу въ Гагарахъ сложилась поговорка: „Дай Восподи конопля и псконя“... Въ переносномъ смыслѣ „всѣхъ удобствъ“. Ф. З.

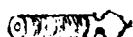
следующее. Предварительно отыскивается въ лѣсу зачья дорожка или тропа. Гдѣ нибудь въ тѣсномъ мѣстѣ около этой тропы ставится въ землю кольцо приблизительно трехъ аршинъ высотою съ вилообразною верхушкою. На этотъ кольцо кладется очепъ, который представляется изъ себя нетолстый стволъ березы или осины. Въ землю, около самой тропы, вбивается маленький колышекъ, на который надѣвается сдѣланный изъ мочала подпетельникъ. Пока этимъ и ограничивается устройство очепа.

Въ послѣдствии, когда выпадаетъ снѣгъ, зайцы обыкновенно не бросаются лѣтней тропы, а продолжаютъ по ней бѣгать. Тогда къ очепу привязываютъ петлю и настораживаются на тропу. Но общепринято мѣжду зайцевъ ловить можетъ не всякий, а только тотъ, кто знаетъ «словинку», т. е. особый наговоръ. А словинку знаютъ не многие, поэтому и зайцевъ ловить лишь некоторые крестьяне.

Какъ только наступили длинные осенние вечера, мать напряла изъ льна тонкихъ и ровныхъ нитокъ, изъ которыхъ отецъ сталъ петли скать. Петли скутъ съ большими предосторожностями, умывая каждый разъ руки. Сосканные петли трутъ чагой. Чагой называется губка, которая выростаетъ на березахъ и другихъ деревьяхъ. Лучшую чагою для петель находятъ чагу дерева, которое за свои свѣтлые блестящіе листья именуется свѣтлолиствникомъ. Эта губка, какъ и все относящееся къ петлямъ, также сохраняется въ особенной чистотѣ.

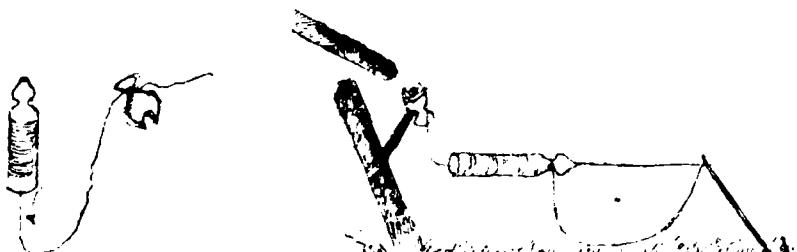
Жигало.

Цѣвка.

Сторожекъ.

Къ петлямъ необходимо имѣть еще цѣвки и сторожки. Цѣвки больше всего дѣлаются изъ каливы, сторожки изъ черемухи. Для цѣвокъ выбираются калиновыми палочки, толщиною въ палецъ, разрѣзаютъ ихъ на кусочки въ два вершка каждый, и сердцевины ихъ проталкиваются особо

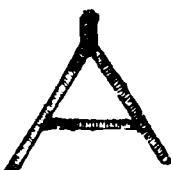
приготовленнымъ жалѣзнымъ прутомъ или жигаломъ. Сердцевина не всегда легко выталкивается—тогда жигало раскалываютъ въ огнѣ и выжигаютъ имъ цѣвки. Сторожекъ представляетъ изъ себя коротенький кусочекъ черемухи съ зарубкою на одномъ концѣ.

На самый конецъ петли привязываютъ цѣвку, а другой конецъ продѣваютъ въ петлю и привязываютъ къ нему сторожекъ.

Къ ловлю зайцевъ приступаютъ какъ къ какому нибудь священнодѣйствію. Передъ отправлениемъ въ поле всѣ петли окуриваются. Для этой цѣли служитъ растеніе багульникъ (дикій розмаринъ). При выходѣ изъ дома читаютъ молитву или словинку и стараются изъ деревни выйти незамѣченными. Даже разглашеніе о томъ, что сегодня у насть отецъ ушелъ петля ставить, подвергалось строгому запрещенію. Отецъ съ своей стороны принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы добычу изъ петель таскать незамѣченной. Для этого онъ, когда «добывалъ» зайцевъ, складывалъ ихъ гдѣ нибудь въ лѣсу и привозилъ потомъ на лошади, незамѣтно для постороннихъ. Сохрани Богъ, если зайца изъ петли украдутъ—послѣ этого хоть ловлю бросай: и попадать зайцы не будуть, и вороны будутъ клевать попавшихъ, и пр., и пр.

Рядъ поставленныхъ въ лѣсу петель составляетъ путь, который принадлежитъ, по обычаю, тому, кто его разъ занялъ, въ продолженіи нескольки лѣтъ.

Дома шиура съ зайцевъ снимается и сушится на пялахъ.

Пяла съ распоркой по срединѣ.

VII.

Тотчасъ послѣ страды дѣвицы открываютъ вечёрки. Обыкновенно какая нибудь одноваia старуха, забитая до крайности нуждою, соглашается пустить къ себѣ на зиму вѣчёрку. Тогда и уговариваются въ цѣнѣ. Всѣхъ вѣчерокъ въ Гагарахъ устраивается до 5. На одной изъ нихъ, напримѣръ, каждая дѣвица платить по 25 коп. за зиму и, кромѣ того, каждый правдникъ она должна принести хозяйкѣ калачъ и тусаковъ пива; на другой вѣчеркѣ платить по 10 коп. да по возу дровъ съ обычными пивомъ и

калачами на праздникъ. Вся слобода Гагары раздѣляется на два конца — верхній и нижній, изъ которыхъ каждый чувствуетъ себя, какъ нѣчто самостоятельное цѣлое и различаетъ «своихъ» и «кончанскихъ», т. е. живущихъ въ другомъ концѣ. Жители одного «конца» относятся къ жителямъ другого почти враждебно. По крайней мѣрѣ такое утвержденіе справедливо относительно молодежи, которая появление своихъ товарищъ по лѣтамъ изъ другого конца привѣтствуетъ особо сложенною для этого поговоркою: «кончанской хламъ привалился къ намъ». Ухаживать за дѣвицой изъ другого конца по меньшей мѣрѣ рисковано, такъ какъ кончанскіе ребята того и гляди поколотятъ смѣльчака. Этотъ антагонизмъ весьма отражается на посѣтителяхъ вечерокъ. Каждая вечерка имѣть посѣтителей изъ своего конца. Въ будни на вечерки дѣвицы ходить съ работой, чаще всего съ прѣлицей или шитьемъ. Приходить иногда и ребята посидѣть, но игру въ это время совсѣмъ не бываетъ. За работою часто поютъ проголосныя пѣсни.

Проголосными называются тѣ пѣсни, которые поются протяжно. Другое дѣло о праздніи. Тогда совсѣмъ не берутъ прѣлиць да швеекъ или если и берутъ такъ развѣ для славы. Придутъ молодцы и скажутъ: «ну ко дѣвчаны красны — писенку намъ» — не отказывать станешь. Въ этихъ случаяхъ поютъ ужъ не проголосныя пѣсни, а особыя, которые поются скоро и неизбѣжно оканчиваются приглашеніемъ поцѣловаться. Вотъ одна изъ такихъ пѣсень¹⁾.

Косить дѣвки лебеду, лебеду
Телатишкамъ на ъду, на ъду.
Телатишкі не ъдѣть травку.
Разженатый не солуй²⁾ дѣвку,
Хоть того хуже холостой, холостой,
Разженатой подъ полатами постой,
Посолуй-ко меня, парень молодой.

Во время пѣнія подобныхъ пѣсень молодцы ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, взявшись за руки и, по окончаніи пѣсни, приглашаютъ дѣвицъ цѣловаться. Плясать въ Гагарахъ умѣютъ, но плохо, и пляшутъ на вечеркахъ рѣдко; почти весь увеселительный занятія на вечеркахъ исчерпываются вышеприведеннымъ. Въ большіе праздники, какъ въ Миколу и въ Рождество изъ вечерку собираются съ исключительной цѣлью поиграть. Наканунѣ Новаго

¹⁾ Другія подобныя пѣсни см. ниже.

²⁾ Не солуй — не цѣлуй.

года обыкновенно собираются на вечерку ворожить. Какойнибудь молодецъ изъ грамотныхъ приносить Оракула кли «Царя Соломона» для ворожбы; или же лить въ воду воскъ, олово, ходать слушать на сънникъ, на переконную паперть, ставить на гумнахъ въ снѣгъ иосилки и утромъ смотрять—въ которую сторону упала иосилка, въ той сторонѣ живеть и женихъ.

Кромѣ вечерокъ, ворожба на новый годъ проходитъ и въ домахъ, гдѣ по царю Солому ворожатъ старики и старухи.

На святкахъ вечерки обыкновенно бываютъ биткомъ набиты. То и дѣло приходятъ нарядчики (т. е. роженые, замаскированные), поютъ пѣсни, цѣлются—дымъ коромысломъ. Около нового года водятъ коня. Коня водить съ большимъ торжествомъ и за нимъ съ вечерки на вечерку всегда ходить большая толпа любопытныхъ. «Конь» изготавливается такъ: дѣлаютъ чучело конской головы и привязываютъ къ ней множество колокольчиковъ и бубенчиковъ, украшаютъ разноцветными лентами, а вместо туловища пристрѣпляютъ къ головѣ белую простыню. Одинъ изъ нарядчиковъ на свою голову надѣваетъ голову коня и, завернувшись простынею, представляетъ коня; другой нарядчикъ водить коня. Съ конемъ ходятъ еще и другие нарядчики, кромѣ вожака. Безъ коня ни однѣ святки не проходятъ, такъ какъ конь составляетъ верхъ маскараднаго искусства гагарской молодежи: безъ него и святки не святки.

Большой популярностью у насть пользуется также медведь. Одинъ нарядчикъ надѣваетъ шубу навыворотъ и представляетъ собою медведя, другой—его вожака.

Помимо описаннаго, нарядчики причиняютъ много хлопотъ и дѣвицамъ и хозяйкамъ вечерки. Напримѣръ, толпа нарядчиковъ, почему либо не благоволяющая къ известной вечеркѣ, вздумаетъ погалиться (поиздѣваться) надъ нею: наберетъ въ мѣшки снѣгу и придется на вечерку «мукой торговаться», среди комнаты высыпать мѣшковъ пять снѣгу и уйдеть, а вслѣдъ за этой толпой прибѣжитъ другая «съ рыбой», т. е. со всякой дрянью въ мѣшкахъ и, подобно первой, оставитъ ее на полу.

Безъ торговли мукой или рыбой ужъ тоже ни одна вечерка на святкахъ не обойдется.

Святки прошли. Наступаетъ своимъ чередомъ Крещенье.

Наканунѣ этого дня насть съ братомъ заставили ставить мѣломъ кресты на верхнихъ косахъ у всѣхъ оконъ и дверей въ домѣ, въ сѣнахъ, въ хлѣвахъ и пр.

О Крещеньи въ Гагарахъ гостинный праздникъ. Какъ отойдется обѣдня, цѣлый день гости да гости—съ ногъ просто собьешься.

Послѣ обѣдни въ Крещенье ходять на Ердань и старики замѣчаютъ, что если стояло облачное небо, то хлѣбъ на весну родится, а ясное — ждать неурожайнаго года.

Говорять еще, чтобы смыть съ себя грѣхи, сдѣленные на святкахъ, слѣдуетъ въ Крещенье окунуться въ Ердани.

Зимою хоть и много работы, но все же не столько, какъ лѣтомъ. А ребятамъ и всю зиму почти что ничего дѣлать. Наше дѣло только коровъ да коней сконять на водопой къ колодцу или на ручей. Зимою мы съ братомъ въ школу ходили. Училище у насъ, въ Гагарахъ, существуетъ недавно, и грамота распространяется туго. До 1870 года училища совсѣмъ не существовало и населеніе было поголовно безграмотное. Около 1873 года впервые учреждено сельское училище, и присланъ особый учитель. Ранѣе же обученію дѣтей посвящалъ часть своихъ досуговъ сельскій священникъ.

Въ зимнее время отецъ со старшими братьями днамиѣ вѣздили по сѣну да по дровамъ, а вечеромъ саничали. Выѣлка саней производится въ слѣдующемъ порядке. Сначала высушенные полозья вынимаютъ изъ пристыка и правятъ томоромъ, придавая имъ такой видъ, въ которомъ они могутъ идти на подѣлку. Далѣе полозья рѣжутъ. Для этого существуетъ два вида рѣзокъ: широкая и мелкая, которыми и праводятъ рядъ симметрично расположенныхъ бороздокъ на наружной сторонѣ выпрѣгленныхъ полозьевъ.

Послѣ чего долотомъ въ верхней части полозьевъ дѣлаютъ пять углубленій для копыльевъ.

Каждый копыль (а) соединяется съ копыломъ, лежащимъ противъ него на другомъ полозѣ, посредствомъ вяза.

Послѣ того, какъ два полоза вязьми соединены между собою, на верхнюю часть копыльевъ набиваютъ нащѣпы (c d) и соединяютъ съ ними головку саней посредствомъ вязьевъ. Слѣдующую работою является набѣшиваніе хряслъ. Для этого двѣ отдѣльныя хряслины прикрѣпляютъ концами къ головкамъ саней. Другие же концы хряслинъ набиваютъ на дугу въ задней части саней. Еще ближе къ концамъ хряслины набиваютъ на пѣречень. Послѣ этого сани почти готовы. Остается только вставить лубокъ поверхъ вязьевъ между нащѣпами, впутать хрясла веревками и осмолить.

Въ зимніе сумерки вся семья обыкновенно сумерничаетъ, т. е. забирается на печи да на полати отдыхать. Вотъ въ эти-то сумерничанія мы, ребята, и слушали сказки да загадки отъ взрослыхъ. Во время этихъ же сумерекъ мы знакомились съ сусѣдками да букарицами. Согласно рассказамъ, сусѣдка я представляя себѣ жителемъ подполья. Старшіе рассказывали даже, что бабушка видѣла въ подпольѣ сусѣдка, и хотя я

сусѣдка сильно боялся и въ подполье одинъ никогда, даже днемъ не ходилъ, но, по разсказамъ, это былъ старикъ добродушный, который худа сдѣлать никому не желаетъ. Бываетъ иногда, что сусѣдко по ночамъ давить людей. Но и это не всегда кончается дурно. Обыкновенно тотъ, кого онъ давить всегда спрашиваетъ: «къ худу или къ добру», и сусѣдко всегда отвѣтитъ: худо или добро, слѣдуетъ ждать. Сосѣдко любить хозяинничать надъ скотомъ. Какую лошадь полюбить—та и конь конемъ ходить; какую возненавидѣть—ту замучить и со свѣту сживетъ. Больше всего на нелюбимой лошади сусѣдко воду возить. Говорятъ, что въ прежніе годы какой-то хозяинъ замѣтилъ, что сусѣдко ужъ сильно лошадь измучилъ, взялъ да на водовозномъ чану и сдѣлалъ дыру. Сусѣдко пріѣхалъ на прорубь, черпаль-черпаль—начерпать не могъ, и примерзъ ко льду. Тутъ его утромъ и взяли.

Но вообще говоря зимой у насъ домашней, лѣсной, водяной нечистой силѣ такого значенія не придаются, какъ лѣтомъ.

Проходитъ зима съ своими длинными ночами, снова наступаетъ февраль, а вѣтъ съ нимъ и масляница. На масляницѣ у насъ, какъ и вездѣ, блины ёдятъ, съ катушекъ катаются, на конахъ гулаютъ, а въ прощенный день (такъ называется послѣдній день масляницы, потому что въ этотъ день у насъ принято чтобы вся и каждый просили другъ у друга прощенія) строятъ и ломаютъ города ¹⁾.

За масляницей подходитъ батюшко Василій Капительникъ, дроворубъ, пахота да страда подвигаются въ своеемъ ненамѣниомъ порядкѣ изъ года въ годъ.

Ф. Зобниковъ.

---

¹⁾ Объ устройствѣ масляничного города будеть сказано особо.

Русь и Асы въ Китаѣ, на Балканскомъ полуостровѣ въ Румыніи и въ Угорщинѣ.

Въ XIII—XIV. в.

(Замѣтки Преосв. Палладія, докт. Бретшнейдера, архим. Руварца
и редактора).

Русское поселеніе въ Китаѣ въ первой половинѣ XIV вѣка.

(Преосв. Палладія).

«Я только что получилъ тѣ книжки *Духовной Бесѣды*, въ которыхъ помещены краткія извѣстія изъ Пекинской миссіи о начаткахъ православія среди нашихъ языческихъ сосѣдей. Конечно, вы правы: нельзѧ не гордиться добруму началу, обѣщающему несомнѣнныи успѣхъ въ будущемъ. Китайцы вообще менѣе предубѣждены противъ русскихъ, чѣмъ противъ другихъ націй. Нелишне также замѣтить, что между двумя сосѣдними народами существуетъ связь не только географическая, но также историческая; русскій духъ издавна виталъ въ Поднебесной Имперіи. Но этому предмету, почти совершенно неизвѣстному до сихъ поръ, я предложу вамъ извлеченіе изъ китайской исторіи.

По свидѣтельству этой исторіи ¹⁾, имя русскихъ появилось въ Китаѣ въ тажкую для нась эпоху монгольского владычества. Россія и рускіе известны въ китайскихъ памятникахъ монгольского періода, подъ именемъ Олосы, Аолосы, Улосы, иногда Улусу. На рукописной картѣ XIV в., хранящейся въ библіотекѣ Пекинской Академіи, Аолосы, какъ государство, поставлены въ сѣверозападной оконечности Монгольской Имперіи, послѣ Алань-Асы (Аланы-Азы) и Кинъча (Кинчакъ). Олосы, какъ и нынѣ Китайцы называютъ русскихъ, очевидно есть китайское переложеніе слова Урусъ; Монголы могли заимствовать его въ покоренныхъ ими магометанскихъ странахъ, гдѣ, какъ извѣстно, Русь носила название Урусъ, тѣмъ болѣе,

¹⁾ Юаньши, или исторія дома чингисханідовъ въ Китаѣ (34, п. 24, 27, 35, 12, 15, 23, 36, 2, 8, 138, 19 (стар. изданіе).

что въ монгольскомъ языке нѣть словъ, начинающихся съ буквы Р. Въ ту пору появление Русскихъ въ Пекинѣ было слѣдствіемъ обычай монгольскихъ хановъ набирать въ покоренныхъ ими владѣніяхъ дружины и включать ихъ въ свою пекинскую гвардію. Такимъ образомъ составились въ Пекинѣ полки: Кинчакскій, Асу (изъ Асовъ) и Русскій. Каждый полкъ имѣлъ отдѣльное управление и особыя записи. Мимоходомъ замѣчу, что многіе Асы, служившіе въ рядахъ Пекинской гвардіи сохранили христіанскія имена: Нѣгулай (Николай), Ілія (Илія), Коурги (Георгій), Дими-диръ (Димитрій). Это обстоятельство подтверждаетъ сказаніе объ обращеніи Асовъ въ христіанство. О Русскомъ полкѣ въ Пекинской гвардіи упоминается въ исторіи впервые подъ 1330 г., когда взошелъ на ханскій престолъ Тутѣмуръ, извѣстный больше подъ посмертнымъ названіемъ Джааду. Онъ первый устроилъ Русскій полкъ или поставилъ особаго темника 3-й степени надъ Русскимъ отрядомъ, который почтилъ наименованіемъ Съань-Джу-у-ло-сы-ху-вэй-цинь-цзюнь, т. е. охранного полка изъ Русскихъ, прославляющаго (въ смыслѣ доказывающаго «всему свѣту») вѣрноподданность. Монголы заняли отъ Китайцевъ обычай давать войскамъ пышные и знаменательные титулы. Русскій полкъ подчиненъ былъ главному завѣданію высшаго военнаго совѣта въ Пекинѣ. Тогда-же для него устроенъ былъ лагерь или поселеніе на сѣверѣ отъ столицы; правительство откупило для него у крестьянъ участокъ земли, въ 130 больш. кит. десятинъ. Русскимъ военно-поселенцамъ даны были земледѣльческія орудія, для воздѣлыванія земли, и, кромѣ того, постановлено было, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они будутъ стоять лагеремъ (вочевать), въ горахъ, лѣсахъ, при рекахъ и озерахъ, они занимались охотой и всю добычу: птицъ, звѣрей и рыбу доставляли ко двору, причемъ сказано, что кто изъ нихъ не будетъ охотиться, тотъ подвергается суду. Гдѣ было мѣсто поселенія Русскихъ—по неопределенному выраженію—на сѣверѣ отъ столицы, трудно опредѣлить; можно только предполагать изъ дарованія имъ пахатной земли, что оно находится между Великой Стѣной и Пекинской равниной. Изъ этихъ поселеній они вѣроятно отправлялись на охоту и облавы.

Въ слѣдующемъ 1331 г. отмѣнено темничество русскаго полка и учреждено командирство съ пожалованіемъ серебряной печати. По тогдашнему военному устройству, эта перемѣна въ управлении присоединила русскій отрядъ къ ближайшимъ ханскимъ. Въ то же время приписано было къ полку 600 новыхъ солдатъ (неизвѣстно откуда явившихся), которые отправлены были по домамъ (?), съ тѣмъ чтобы, въ 1-му числу 7 луны (т. е. по минувшему лѣтнику жаровъ) они вернулись въ лагерь. Къ тому же времени относится распоряженіе о выдачѣ земледѣльческихъ орудій и хлѣба вновь поступившимъ на пограничную стражу (?) солдатамъ изъ Асу и Русскихъ.

Подъ 1332 г. три раза упоминается о доставлении Русскихъ въ Пекинъ. Въ 1 лунѣ этого года князь Джанчи представилъ 170 человѣкъ Русскихъ; его отдали за то 72 динари (фунтами) серебра и 5,000 динаровъ ассигнаціями. Тогда 1,000 Русскихъ снабжены были платьемъ и хлѣбомъ. Въ 7 лунѣ Яньтѣмуръ препроводилъ въ Пекинъ 2,500 Русскихъ. Въ 8 лунѣ князь Аргянили доставилъ 30 человѣкъ съ 103 подростками. Какие князья, откуда и какъ Русскихъ доставили въ Пекинъ, по китайской исторіи не возможно добраться. Вероятно это сказаніе можетъ появиться исторіей Золотой Орды. Наконецъ въ 1334 г. знаменитый временищикъ Баянъ назначенъ былъ командиромъ гвардіи, состоявшей изъ Монголовъ, Капчаковъ и Русскихъ. Это есть послѣднее указаніе о Русскихъ въ Пекинѣ, въ исторіи дома Юань.

Изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній нельзя составить отчетливаго понятія о положеніи и судьбѣ Русской дружины въ ханской службѣ, о числѣ Русскихъ, затерявшися на отдаленномъ востокѣ. Тѣмъ не менѣе замѣчательный фактъ, что Русскія православныя колоніи еще въ первой половинѣ XIV в. пребывали въ Китаѣ, а быть можетъ и въ Маньчжуріи (вмѣстѣ съ Азами), въ странахъ, гдѣ, чрезъ нѣсколько столѣтій послѣ того суждено было снова повѣять русскому духу, но уже съ иными правами и съ надеждой на плодотворную будущность¹⁾.

(Изъ журн. Духовная Бесѣда 1863, т. XVIII, № 27, стр. 368.—370).

Русь и Асы на военной службѣ въ Китаѣ.

(Д-ра Бретшнейдера).

Къ этой замѣткѣ Палладія прибавляемъ замѣчанія и извлеченія Д. Чл. нашего Общества доктора Бретшнейдера о Русскихъ и Аланахъ или Асахъ въ Китаѣ XIV в. Въ замѣчательномъ трудѣ своемъ («Notices of the Mediaeval Geography and History of Central and Western Asia drawn from Chinese and Mongol writings, and compared with the observations of western authors

¹⁾ «Въ 1368 или въ 34 г. отъ послѣдняго указа о Русскихъ въ Пекинѣ Монголы были изгнаны изъ Китая. Надобно думать, что и русскій полкъ раздѣлилъ судьбу павшей династіи и по удаленіи изъ Китая поселился гдѣ нибудь на окраинѣ Монгольской стены, или въ Маньчжуріи».—Въ одномъ изъ примѣчаній къ переводу своему—«Старинное Монгольское сказание о Чингись-ханѣ» (Труды членовъ Росс. дух. миссіи въ Пекинѣ. СПБ. 1866. Т. IV. с. 247) прослав. Палладій говоритъ: «Алосы» и «Асу» (Русские и Аланы) чаще другихъ упоминаются въ исторіи; о нихъ будетъ рѣчь въ статьѣ «Новые слѣди христіанства въ Китаѣ».—Не знаю, была ли эта статья напечатана или сохранилась въ бумагахъ Пр. Палладія?

in the Middle ages, accompanied with four maps». London. 1876. IV+233 in 8°) г. Бретшнейдеръ говоритъ иѣсколько подробнѣе объ этихъ важныхъ свидѣтельствахъ Юаньши о Русскихъ въ Китаѣ. Замѣтивъ, что мы, Русскіе, съ XIII в. слыvемъ у Монголовъ подъ именемъ Орос; а у Китайцевъ—А-ло-се, упомянувъ о древнѣйшихъ упоминаніяхъ Руси у Византійцевъ и Арабовъ, и въ кратцѣ обозрѣвъ вассальный отношенія Руси къ Монголамъ въ теченіи слишкомъ 200 лѣтъ, г. Бретшнейдеръ между прочимъ замѣчаетъ: «Сверхъ тяжелой дани Русскіе были еще обязаны Монголамъ иною повинностию. Мы увидимъ, что во время Кубилая отрядъ русскихъ солдатъ находился даже въ Китаѣ».

«Юаньши приводить интересное свидѣтельство о томъ, что въ началѣ 14-го столѣтія находилось Русское поселеніе близь Пекина. Мы читаемъ въ его лѣтописахъ подъ 1330, глава XXXIV, что императоръ Вен-цунъ (Wen-tsung)—Gob-Gimug—1329—1332, правнукъ Кубилая) образовалъ полкъ изъ У-ло-се или Русскихъ (U-lo-se or «Russians»). Этотъ полкъ, состоявшій подъ начальствомъ темника wan-hu (начальника десяти тысячъ третьей степени), назывался Сюаньхунъ У-ло-се ка-ху-вей цинкюи «вѣчно вѣрная русская лейбъ-гвардія» и находился подъ непосредственнымъ надзоромъ военного совета. Далѣе въ той же главѣ (у Юаньши) сказано, что сто тридцать Да-дуциновъ земли, на югъ отъ Тату (Пекинъ) были куплены у крестьянъ и подѣлены этимъ Русскимъ для устройства лагеря и образования военной колоніи. Далѣе мы читаемъ въ той же главѣ: «Они (т. е. Русскіе) были снабжены земледѣльческими орудіями и обязаны доставлять къ императорскому столу всякаго рода дичь, рыбу и проч., находящуюся въ лѣсахъ, рѣкахъ и озерахъ страны, гдѣ находился ихъ лагерь». Русскій полкъ снова упоминается въ главѣ XXXV.

Въ главѣ XXXVI у Юаньши есть троекратное упоминаніе о русскихъ пѣвнникахъ, присланыхъ къ Китайскому императору.

Въ 1332 г. князь Джангги представилъ сто семьдесятъ русскихъ пѣвниковъ и получилъ денежную награду На той же страницѣ находимъ, что одежда и хлѣбъ были отпущены тысячъ русскихъ.

Въ томъ же году князь Ген-темуръ представилъ императору тысячу пятьсотъ русскихъ пѣвниковъ, а другой князь А-рджеши-ли представилъ тридцать человѣкъ.

Наконецъ въ жизнеописаніи Вояна (Bo-yen) глава CXXXVIII, говорится про него, что онъ былъ назначенъ въ 1334 г. начальникомъ лейбъ-гвардіи, состоявшей изъ Монголовъ, Кинъча (Kin-ch'a) (Кинчаковъ, т. е. Половцевъ) и Русскихъ.

Воть все, что я могъ найти у Юаньши относительно Русскихъ. Кажется ни одинъ изъ Русскихъ на службѣ у Монгольскихъ императоровъ въ Китаѣ не игралъ видной роли. По крайней мѣрѣ въ біографіяхъ Юаньши Русские не имѣютъ своихъ представителей, тогда какъ многіе замѣчательные государственные люди и полководцы Монгольско-Китайской Имперіи были изъ Кинчаковъ (Половцевъ), Каукалис, Алановъ и другихъ народностей, подвластныхъ Монголамъ». (Notices, pp. 180—181).

«А-лан А-се=Аланы или Асы». (Notices, pp. 184—189).

Это имя придается народу, известному у Карпини какъ «*Alani sive Assi*» или «*Alani sive Aas*» Рубруквица.

Аланы, народъ, жившій на сѣверѣ отъ Кавказа, были известны Римскимъ и греческимъ писателямъ съ начала нашей эры. Въ 1-мъ в. по Р. Х. упоминаютъ о нихъ Светоній, Луканъ и Пліній. Во 2-мъ вѣкѣ говорить о нихъ Греческий писатель Лукіанъ. Амміанъ Марцеллінъ (4 в.) сообщаетъ подробное свидѣтельство объ Аланахъ. Вологесь, царь Парѳянъ, просилъ императора Вителіана (69—79) о помощи противъ Алановъ. Арріанъ, правитель Кашадокіи (2 в.), воевалъ съ Аланами. Въ 5-мъ в. Аланы выѣхали съ Северами и Вандалами нападали на Галлію.

Во 2-й половинѣ 6-го в. Земархъ Киликіанъ, посланный императоромъ Юстиномъ къ Туркамъ, на обратномъ пути посѣтилъ вождя Алановъ (Jules Cathay p. CLXVI). Константінъ Багрянородный (въ полов. X в.) говоритъ, что страна Аланъ лежитъ вокругъ (т. е. на сѣверѣ) Кавказскихъ горъ (Klaproth, *Asia Polyglotta*, p. 85). Клаупротъ (въ своемъ Mag. Asiat. tom. I, pp. 258—302) приводитъ извѣстія Масуди о Кавказѣ (943 г.) и о странахъ черноморскихъ и каспійскихъ. Масуди называетъ Аланъ—Ланами и столицу ихъ Маас'омъ. Онъ говоритъ, что они прежде были язычниками, во времена же халифовъ Аббасидовъ приняли христіанство; въ 320 г. годжры (въ нач. 10-го в.) они бросили эту вѣру и прогнали епископовъ, присланныхъ къ нимъ императоромъ изъ Константинополя. Масуди же говоритъ, что въ срединѣ страны Аланъ между Кавказскими горами есть крѣость и мостъ черезъ широкую рѣку. Крѣость называется замкомъ Аланскихъ воротъ. Онъ былъ построенъ въ старое время царемъ персидскимъ для предупрежденія нападеній Аланскихъ ¹⁾.

Въ Русскихъ лѣтописяхъ Аланы вообще известны подъ именемъ Ясовъ. Въ 936 г. Святославъ взялъ ханскій городъ Бѣлую Вѣжу на Дону и воевалъ съ Ясами и Касогами.

¹⁾ Клаупротъ полагаетъ, что Аланскія ворота были въ Даріанѣ на р. Терекѣ, недалеко отъ горы Каабека, где теперь проходитъ большая дорога изъ Тифліса во внутреннюю Россію.

Ясы упоминаются въ русскихъ лѣтописяхъ XIII стол., какъ народъ прикавказскій, около р. Терека (Карамзинъ, IV, стр. 119, 355).

Проходя черезъ Кавказскій хребтъ въ 1223 г., Монголы нашли Аланъ на сѣв. склонѣ этого хребта. Пятнадцать лѣтъ спустя Аланы стали подданными Батыя, послѣ сильного впрочемъ сопротивленія Монголамъ. Мусульманскіе историки, говоря о походахъ противъ этого народа, называютъ ихъ безразлично **Аланами или Асами** (D'Ohsson, томъ II, pp. 619, 620).

Карпини и Рубруквісъ, какъ мы видѣли, также отожествляютъ **Алановъ съ Асами**. Первый упоминаетъ объ ихъ поселеніяхъ на югъ отъ Команіи (р. 748). Рубруквісъ говоритъ (р. 246): «In hac solebant pascere Comani, qui dicuntur Capthat; а Teutonicis vero dicuntur Valani, et provincia Valania. Ab Isidoro vero dicitur, a flumine Tanay (Don) usque paludes Meotidis et Danubium, Alania». На стр. 252 читаемъ: «Habebamus autem ad mori- diem montes maximos, in quibus habitant, in lateribus versus solitudinem illam, Cherkis et Alani, sive Aas, qui sunt christiani et adhuc pugnant contra Tartaros». На стр. 243 Рубруквісъ говоритъ: «In vigilia Pentecostes venerunt ad nos quidam Alani, qui ibi dicuntur Aas, christiani secundum ritum Graecorum, et habentes litteras graecas et sacerdotes graecos. Tamen non sunt schismatici sicut Graeci, sed sine acceptione persone venerantur omnipotem christianum».

Марко Поло (vol. II, р. 421 изд. Юла) упоминаетъ **Аланію** между подвластными Монголамъ странами, а въ другомъ мѣстѣ (vol II, р. 140) посвящаетъ цѣлую главу разсказу о рѣзни извѣстныхъ Аланъ-христіанъ, составлявшихъ особый отрядъ въ арміи Кубилая. Рѣзня эта произошла въ Чингинджу (Шань-шу-фу въ Кьянгсу).

Мариньолли (въ полов. XIV в.) пишеть объ Аланахъ (Jule's Cathay p. 373): «Они въ настоящее время самый великий и благородный народъ на свѣтѣ, самые красивые и храбрые люди. Благодаря ихъ помощи Татары овладѣли востокомъ и безъ нихъ никогда бы не одержали ни одной важной побѣды. У Чингисхана, первого царя татарского, состояло на службѣ семьдесят два аланскихъ князя, когда этотъ бичъ Божій отправился карать міръ».

Клаупротъ (Asia polyglotta, p. 82) отожествляетъ **Алановъ** или **Асовъ** съ **Осетами**, народомъ еще находимымъ на Кавказѣ на сѣверѣ отъ Грузіи. Онъ говоритъ, что они извѣстны Грузинамъ подъ именемъ **Осовъ**. Вивьенъ де С. Мартенъ возражаетъ противъ такого отожествленія, хотя онъ считаетъ Алановъ и Асовъ первоначальными членами одного великаго племени **Асовъ**, которые различными путями и во времена значительно отдѣленны появились изъ средней Азіи въ странахъ прикавказскихъ. По словамъ этого ученаго Грузины различаютъ

Аланетовъ оть Осетовъ и помѣщаются первыхъ внутри Абхазіи (Jule p. 317).

Полковникъ Юль говоритъ (ib p. 316): «Аланы извѣстны Китайцамъ подъ этими именемъ еще въ первыхъ годахъ нашей эры и даже нѣсколько раньше, и помѣщаются ими близъ Арака. По этимъ первоначальнымъ ихъ жилищамъ можно заключить объ ихъ сродствѣ, если не тождество съ знаменитыми Массагетами».

Это положеніе Юла относительно раннаго знакомства Китайцевъ съ Аланами, вѣроятно основанное на мнѣніи Дегиня (тому II, стр. 279), требуетъ нѣкотораго поясненія и исправленія. Я позволю себѣ указать, на какихъ данныхъ основано это отожествленіе Дегиня. Въ исторіи древнійшихъ хановъ (до Р. Хр. 202—по Р. Хр. 25), глава CXVI, царство Генчай (Yen-t'sai) упоминается въ 2000 ли на сѣверо-западѣ отъ Кьян-кю K'ang-k'ü (Самаркандъ;—см. выше, 141). Даѣтъ говорится, что Генчай расположено на большомъ озерѣ (собственно болотѣ) съ плоскими берегами; называется оно Сѣвернымъ моремъ. Въ исторіи позднѣйшихъ хановъ (21—221 г., по Р. Х.) гл. CXVIII Генчай снова упоминается, причемъ замѣчено, что название страны измѣнилось на А-лан-и-я A-lan-y-a (Dengnigpe'вскіе Аланы). Въ исторіи Уей (Wei—386—558) упоминается царство Су-е—Su-t'e на сѣверо-западѣ отъ К'анъ-кю—K'ang-k'ü, расположенное на большомъ озерѣ; нѣкогда царство это называлось Генчай, Yen-t'sai и Уен-на-ша Wen-na-sha. Я не рѣшаюсь утверждать, что такія неопределенные извѣстія объ Генчай и сходство именъ A-lan-y-a съ Алан-и-я достаточны для отожествленія этихъ именъ. Во всякомъ случаѣ нельзѧ считать за достовѣрное, что Аланы были извѣстны Китайцамъ еще до христіанской эры.

Мы узнаемъ изъ Юань-ши (Yuan-shi), что въ Монгольскій періодъ Аланы были не только извѣстны въ Китаѣ, но представили не мало способныхъ людей Монголо-Китайской Имперіи. Многіе изъ нихъ занимали высокія должности или отличились, какъ доблестные полководцы. Въ жизнеописаніяхъ у Юань-ши прославлены болѣе двадцати заслуженныхъ Аланъ, иные изъ нихъ царской крови, и сворхъ того приводятся еще имена многихъ другихъ.

Они обыкновенно прозываются A-su, A-si, а иногда A-sze. Имя Аланъ—Alan встрѣчается только однажды, см. въ Син-пей-ши, гдѣ это имя обыкновенно сочетается съ A-so (A-sze), также какъ и на картѣ. Въ первый разъ Юань-ши упоминаетъ A-su, A-su подъ 1223 г.

Вотъ списокъ Аланъ, имена коихъ приводятся въ біографіяхъ у Юань-ши.

Гл. CXXXII. Hang-hu-sze (это имя пишется также Ang-ho-sze). Когда войско императора Оготая достигло страны A-su, правитель ея, по

имени Ханг-ху-зе покорился немедленно; затмъ императоръ пожаловалъ ему въ достоинство ба-ду-р'а (*ba-du-r—babadur*), и золотую дощечку, утвердивъ его правителемъ его княжества. Также данъ быть приказъ объ образованіи полка изъ тысячи человѣкъ народа А-су (для лейбъ-гвардіи хана). Ханг-ху-зе по возвращеніи домой былъ убитъ въ одномъ матежѣ, и вдова его Уай-ма-зе (*Wai-ma-sze*) стала во главѣ правленія. Она собрала силы, усмирила восстание и передала власть сыну своему Аи-фа-п'у (*Ai-fa-p'u*).

Старшій сынъ этого Ханг-ху-зе Атиши (*A-t'a-ch'i*), жизнь которого описана у Юань-ши въ гл. СXXXV, былъ храбрый полководецъ въ правление Мангу и Кубилая и отличился въ Китаѣ въ войнѣ съ Сунгомъ. У него былъ сынъ, по имени Ботарь (*Bo-ta-r*), отецъ О-ло-се (*O-lo-sze*), имѣвшаго въ свою очередь двухъ Дудана и Фудинга (*Du-dan, Fu-ding*). Всѣ они были офицерами монгольской арміи.

Въ главѣ СXXXII (у Юань-ши) находится біографія Юваси—*Yu-wa-shi*, другого Алана, отличившагося въ качествѣ полководца въ правлениі Кубилая. Онъ былъ отиравленъ противъ возмутившихся князей на сѣверо-западѣ (Кайду и пр.) и пронесъ монгольское оружіе до страны И-би-р Ши-би-р (Сибирь). Отецъ Юваси по имени Илье ба-ду-р (Илія багадуръ—тоже кажется князь) покорился въ одно время съ Ханг-ху-зе. Другіе потомки Юваси точно также упоминаются.

Въ гл. СXXIII есть біографія А-су (или Алана) *Nie-gu-la* (Николая). Про него сказано, что онъ покорился въ одно время съ Ильею Асу (*Ye-li-ya A-su*)—вѣроятно тутъ разумѣется предъидущій Илья,—и съ другими, всего ихъ было 38 чел. Николай (*Niegula*) находился при императорѣ Мангу, когда тотъ воевалъ въ Китаѣ съ Сунгомъ. Его сынъ А-ти-ши (*A-t'a-chi* (это имя встрѣчается второй разъ, какъ имя Алана) отличился при осадѣ Сянъ-Янъ-фу и въ походѣ противъ возмутившагося князя Но-іена (*No-yen*). Въ царствование императора Іен-цунга (1312—1321) онъ еще дѣйствовалъ. Его сынъ *Kiao-Xua* занималъ высокую должность при дворѣ.

Въ той же главѣ находится біографія А-су князя Арселана (*A-g-ege-lan*). Тутъ сказано, что когда городъ его былъ взятъ ханомъ Мангу, Арселанъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Асандженомъ (*A-san-djen*) явился въ лагерь къ побѣдителю и изъявилъ ему свою покорность. Монголь выдалъ Арселану грамоту на управление народомъ Асу, но половину войска Арселанова забралъ къ себѣ въ гвардію, а остальную половину оставилъ при немъ для защиты его владѣній. Асандженъ былъ взятъ ханомъ Мангу, но былъ вскорѣ убитъ въ сраженіи съ возмутившимися войсками Шеркъо (?). Мангу тѣло его приказалъ бальзамировать и отправить на родину. Услыхавъ о смерти своего

сына, Арсланъ сказаъ: «Старшій сынъ мой рано погибъ, не успѣвъ сослужить службу императору. Вотъ второй мой сынъ Нѣгулай (Nie-gu-lai), предлагаю его вашему величеству». Этаоть Нѣгулай былъ храбрымъ воиномъ и принималъ участіе въ походѣ Вулиангходая (Wu-liang-ho-dai) въ Халаджангъ (Ha-la-djang — Караджангъ Решида, — Юннанъ). Послѣ него остался сынъ Хурдуда (Hu-r-du-da), по поводѣнью Кубилая сопровождалъ Булу иосана, (Bu-lu по-чен) ходившаго въ какую-то страну Хармаму (Na-g-sha-шон?). У Хурдуды былъ сынъ Худутѣмуръ (Hu-du-t'ie-shi-r). Всѣ они служили въ гвардіи императорской.

Въ главѣ СXXXII мы встрѣчаемся съ именами трехъ Аланъ, покорившихся Мангу, когда онъ напалъ на ихъ страну, а именно Бадура (Ba-du-r) и его братьевъ Уцорбухана (U-tzo-r-bu-han) и Матяришы (Ma-t'a-r-sha). Этаоть послѣдній находился въ авангардѣ Монгольскаго войска, когда былъ взятъ приступомъ городъ Майкъосе (Mai-k'o-sze)¹⁾.

Въ СXXXV гл. есть біографія Кюрджи—К'оуг-г-гі (Георгій) природнаго Аса или Алана (A-su), служившаго въ Монгольскомъ войскѣ въ правленіе Кубилая. Его отецъ Фуделайсе (Fu-de-lai-sze) служилъ въ гвардіи императора Мангу. Сынъ Кюрджи назывался — Димитрій Di-mi-di-r.

Въ той же главѣ помѣщены біографіи двухъ другихъ Аланъ Шила бадуръ (Shi-la ba-du-r) и

Изъ именъ нѣкоторыхъ Аланъ, упоминаемыхъ у Юанши можно заключать, что они были христіане. (Notic., стр. 184—189).

Замѣтка архим. Руварца объ Ясахъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ придунайскихъ земляхъ.

Въ дополненіе къ этимъ двумъ замѣткамъ Преосв. Палладія и д-ра Бретшинейдера объ Ясахъ въ Китаѣ приводимъ въ русскомъ переводѣ и вышеуказанную замѣтку отличнаго сербскаго ислѣдователя архим. Руварца.

¹⁾ Г. Бретшинейдеръ въ другомъ мѣстѣ своей книги (Noticos of the med. geogr., стр. 83—4) говорить объ этомъ городѣ. Приведя слова Решида о дѣйствіяхъ Монголовъ на Кавказѣ въ 1238—1239 г., онъ замѣчаетъ что упоминаемый тутъ городъ Mangass или Mikoss — тождественъ съ городомъ Ассикимъ или Аланскимъ Mio-kie-szo, упоминаемымъ подъ тѣмъ же годомъ и при описаніи тѣхъ же дѣйствій Монголовъ у Китайскаго историка Юанши. Этотъ городъ встрѣчается у него нѣсколько разъ, и также подъ именемъ Mai-k'o-sze. Но мнѣнію г. Бретшинейдера, Mio-kie-szo или Mai-k'o-sze Юанши = Mio-gio — Монгольская лѣтопись = Mokhsa Решида. Но истопоможеніе этого города г. Бретшинейдеръ опредѣлить затрудняется и ссылаются лишь на указания В. В. Григорьева (Зап.-Вост. Отд. Арх. Общ. I, 64) на городъ Mokshi (Mokhsa или Mokhshi) во владѣніяхъ хановъ Золотой Орды. Это быть можетъ и есть Mio-kie-szo китайскихъ авторовъ. Но Григорьевъ прибавилъ, что существование этого города (Mokshi) извѣстно лишь по нѣсколькимъ выбитымъ въ немъ древнимъ монетамъ.

Статья эта немногимъ у насъ извѣстна, а между тѣмъ очень важна. Она озаглавлена у почтенного автора «Господство Яшко».

«Въ краткой исторіи болгарского народа, написанной по К. Иречку Др. Миланомъ Савичемъ и изданной въ 1879 г. въ Новомъ Садѣ, говорится, что болгарскій царь Михаиль (1330 г.) заключилъ противъ сербскаго короля Стефана Уроша III союзъ съ греческимъ царемъ Андроникомъ III, съ румынскимъ воеводой Иванкомъ Басарабомъ, съ черными Татарами и съ господаремъ Яшкѣ (sic). У Иречка въ иѣм. изд. стр. 293 сказано *gospodstvo Iassko*, а ниже въ пунктѣ 19 «*Einleitung zu Dušans Gesetzen*» (*Iasi slav. Alanen*). Но это замѣчанье легко могло быть просмотрѣно, и г. компилятору это господство яшко показалось слишкомъ отвлеченнымъ, и онъ предполѣль замѣнить его болѣе конкретнымъ выраженіемъ: «господарь Яшки», и такимъ образомъ волею неволею приблизился къ бывшему архіепископу Черниговскому Филарету, который въ трудѣ своемъ «Святые Южныхъ Славянъ» (стр. 201 прим. 14) «господство Яшко» замѣнилъ «господарь Яковъ».

Не лишнимъ будетъ сказать иѣсколько словъ въ объясненіе указаннаго мѣста въ предисловіи Душана къ его Законнику. Это мѣсто гласить такъ: «А позавидевъ злоненавистникъ діаволь нашему благому житію п злонѣравіемъ въздѣвіже на насъ—говорить царь Стефанъ—з(7) царевъ въ лѣтѣ 6837, мѣсца Іуніа 19 день, рекоу же (1) и цара грычакаго, (2) Михаила и (3) брата его Белаура и (4) Александра цара Бльгаромъ и (5) Басарабѣ Иванька, таста (6) Александра цара соумѣть живущихъ чрьныхъ Татаръ и (7) господство яшко (См. Законик Стефана Душана изд. Стоjan Новаковић, стр. XXIII).

Въ хрисовулѣ 1330 г., пожалованномъ монастырю Дечанскому Стефаномъ Урошемъ III сказано: «Храмоу сему жиждемоу и симоу христовоулоу записываемому—вънезапу побѣди се царь бльгарскій Михаиль Шишманникъ съ иными сильными 4-ми цари съ инонлеменными іезыки и многими погани». (Mikl. Mon. Serb. 100).

Въ такъ называемой Копривицкой Лѣтописи (Шафар. 53. срв. Arkiv III, 12) читаемъ: «Въ лѣто 6838—(1330) извѣде начелникъ скиескии глаголемни Михаиль царь, съ силою многою, и съ нимъ окрѣстныи єзыци, глаголю же Татари, Басараби съ прочими и т. д.

Григорій Цамвлакъ говоритъ вообще: «блъгарскыи царь Михаиль—на срѣпское подвизаше се начелство—и много оуби того воинство суще, множайше же отъ различныхъ єзицъ присъвкупль, еще же и о ономъ поль рѣкы Доулава живоющихъ Готеъ (Гласник XI, 71), а архіепископъ или вообще авторъ

из неописанія краля Дечанскаго (Жив. кральева изд. Даничич с. 179) говорить еще общѣ: и «събра (Мих. царь) тьми тьмами высакыихъ езикъ».

Въ предисловіи Душана сказано, что семь царей поднялось противъ сербскаго краля. Слово царь употреблено здѣсь въ томъ же смыслѣ, какъ въ народной пѣснѣ: «цареви се отимлу о царство», гдѣ разумѣются: царь Урошъ, краль Вунашинъ, деспотъ Углемаша и воевода Гойко.

О первыхъ четырехъ—1) царь греческомъ (Андроникъ III), 2) царь болгарскомъ Михаилъ, 3) братъ его Белауръ и 4) племянникъ его Александръ, въ послѣдствіи царь болгарскомъ—говорить тутъ нечего.

Пятымъ стоитъ Иванко Басараба. К. Иречекъ полагаетъ, что этотъ союзникъ Михайловъ въ войнѣ противъ Сербовъ 1330 г. есть тотъ самый валашскій воевода Басараба, чтѣ въ томъ же году въ ноябрѣ мѣсяцѣ окружилъ въ тѣсномъ ущельѣ короля венгерскаго Карла Роберта и разбилъ почти все его войско. Въ венгерскихъ хроникахъ (въ Турацовой гл. 97. Chron. Budense p. 246; Chron. Posoniense: «A. D. 1330 feria sexta ante festum beati Martini (9 Nor) in terra Bazarad Karolus rex fraudulenter est devictus») называется онъ «Bazarad Waywoda Blachorum», а въ карловыхъ грамотахъ, «Bazarab Vlacus (влахъ) in terra Transalpina» (Fejer VIII v. 3 р. 265 VIII vol. 4 р. 58), а въ первой грамотѣ говорится еще: *in terra transalpina per Bezarab filium Thosomery* (т. е. Басарабъ сынъ Тихомировъ); но личное его имя не известно ни изъ хроникъ, ни изъ грамотъ венгерскихъ. Энгель, Феслеръ, Клейнъ, Салай, Хормузаки и другіе румынскіе писатели называютъ Басарабу разбившаго Карла Роберта Михаиломъ, но Хиждеу въ *Histoire critique des Roumains* trad. Fr. Dame. Bucarest 1878 I р. примѣщаетъ 101 (5): «Любопытно, что во всѣхъ румынскихъ учебникахъ истории отечественной эта побѣда (1330) приписывается «Михаилу Басарабу», лицу совершенно фантастическому. До 1418 г. въ Валахіи не было ни одного государя съ этимъ именемъ. Самъ Хиждеу утверждаетъ, а раньше его и P. Реслеръ въ *Roman, Stud.* (296, 197), что побѣдитель 1330 г. былъ валашскій воевода Александръ Басараба. Если же оно такъ, то упоминаемый у Душана Иванко Бассараба не былъ валашскимъ воеводой, а если былъ, то неправильно названъ «Иванко». Но положенію, что валашскій воевода, побѣдивший въ 1330 г. Карла Роберта, назывался Александромъ, служить основаніемъ предположеніе, что въ первый разъ упоминаемый въ венгерской хроникѣ подъ 1342 г. и въ грамотахъ Александръ Басараба былъ уже въ 1330 г. воеводою валашскимъ.

Фотинъ и Когальничану (ихъ приводитъ Реслеръ стр. 292 и 295) говорятъ, что разбившій Карла воевода назывался Іонъ (Иванъ) Басараба I. Это по-

ложеи находить подтверждение въ нашемъ предисловіи (къ Зак. Душана), ибо Иванко Басараба тоже, что и Иванъ Басараба.

Вышеупомянутый строго критичный румынский историкъ Хиждеу не соглашается съ тѣмъ, что Иванко Басараба нашей записи былъ валашскимъ воеводою раньше Александра Басарабы и полагаетъ, что этотъ Иванко есть Janus Meister de Doboka, отецъ Ладислава де Doboka,—этого послѣднаго валашскаго воевода Ладиславъ, сынъ и наследникъ воеводы Александра, въ одной грамотѣ называемъ своимъ сродникомъ (Fejer IX). Но Хиждеу поступаетъ такъ потому, что онъ слишкомъ твердо увѣрилъ себя, будто Александръ Басараба былъ уже въ 1330 г. волошскимъ воеводой.

Объ Иванкѣ Басараба сказано далѣе въ записи, что «онъ тестъ Александра цара и что этотъ Александръ былъ царемъ пограничныхъ Татаръ», а вовсе не сказано, что этотъ Иванко былъ тестомъ Александру, позднейшему царю болгарскому, какъ разумѣть это мѣсто К. Иречекъ (Desch. d. Bulg. p. 290. 321 и русск. пер. с. 383). На это уже Хиждеу возражалъ Иречеку.

И такъ б-мъ союзникомъ Михаила въ войнѣ противъ Сербовъ былъ Александръ, зять Иванка Басарабы, воеводы волошского и царь пограничныхъ черныхъ Татаръ. Татары тогда еще господствовали въ Молдавіи, она ужъ позже получила особаго волошского воеводу. Что же касается самаго имени этого царя татарскаго, т. е. имени христіанскаго, то напомнимъ, что венгерскій король Людовикъ въ грамотѣ 1368 г. говорить о торговцахъ и странѣ domini Demetrii principis Tartarorum (Fejer, IX, 4 vol. p. 129).

7. Господство Яшко. Въ русскихъ лѣтописахъ упоминаются Ясы, а что Ясы тоже что Аланы, объ этомъ говорить уже Минорита Joannes de Plano Carpini, бывшій между ними въ 1246 г. (см. Fejer IV, vol. I, p. 42): «Alani sive Assi». И въ жизнеописаніи нашего архіепископа Даніила II ¹⁾ упоминаются Яси или єзикъ яшьски въ товариществѣ съ Татарами и Турками (см. Животи Архіепископа стр. 341 и 259). И какъ єзикъ яшьски около 1313 г. помогалъ краю Мильтину противъ его непріятелей, такъ точно въ 1330 г. могъ сражаться за царя болгарскаго противъ края сербскаго. Но гдѣ же это господство яшко или гдѣ проживали эти Яси упоминаемые въ сербскихъ лѣтописахъ? Полагаю, что они проживали возлѣ Татаръ въ одной части Молдавіи, и городъ Яши (Яссы) получилъ отъ этихъ

¹⁾ Занималъ арх. каѳедру съ 1323 по 1337 г.

Ясовъ свое название¹).—Извѣстно, что прежде Татаръ въ нынѣшней Румыніи господствовали Куманы (Половцы), коихъ побѣдили Татары, и отъ коихъ одна часть бѣжала въ Венгрию, гдѣ ихъ потомки и теперь называются Шалоци, т. е. Половцы, какъ Куманы назывались у Русскихъ. Быть можетъ, что тогда же съ Половцами или Куманами пришла и толпа Ясовъ изъ Молдавіи въ Венгрию, и что отъ нихъ происходить тѣ, которые называются въ грамотахъ и законахъ венгерскихъ Jassones или Jazyges и почти всегда упоминаются заодно съ Куманами²).

(Замѣтки Редактора о Руси и Яслахъ будуть помѣщены въ 3 кн. Жив. Стар.).

---

¹⁾ Въ Журн. М-ва Нар. Пр. Док. 1878 г. И. Ф. Брунъ пишетъ на стр. 237: «Господство яшко»; къ нему безспорно принадлежатъ городъ Лесы, который и теперь по молдавски называется Яши. Въ этихъ же мѣстахъ должны были находиться кочевья Татаръ, называемыхъ «Черными»,—по той же причинѣ, по которой смѣжная съ Угревлахіей Молдавія, которую позже называли Кара-Богданъ, была тогда уже известна грекамъ подъ названиемъ Мавровлахія, и по которой и городъ Бѣлый (Аккерманъ) у нихъ провратился въ Черный (Маврокастронъ).

²⁾ Hunfalij (Ethnographie von Ungarn. Budapest p. 244) и другіе венгерскіе писатели (раньше его) думаютъ объ этомъ иначе, а именно: der magyarische Name der Jasziger ist jassok dieses Wort lautet im Singular «iasz» und ist gleichbedeutend mit ijasz Bogen oder Pfeilschütze(отъ ij=стрѣла).

ОТДѢЛЪ II.

Новая «повѣсть» объ Ильѣ Муромцѣ.

Пынѣшнимъ лѣтомъ наимъ былъ случайно найденъ въ одной деревнѣ близь Архангельска (деревня Верхи. Валдушец) небольшой писанный сборникъ, составленный, какъ видно изъ надписи его владѣльца и, судя по почерку составителя,—въ 1748 году. Надпись сдѣлана въ средней сборника и гласить слѣдующее: «сіи тетрадь Кегостровской волости Якова Алексѣева сына ево Матвея Котлова 1748 года мѣсяца іюля 15 числа». (Кегостровъ—деревня въ 4—5 верстахъ отъ Архангельска).

Сборникъ этотъ, представляющій изъ себя тетрадку въ восьмую долю листа, безграмотно написанную, читается легко благодаря разборчивому почерку, хотя иногда слова и буквы стерлись. Содержитъ онъ слѣдующее: повѣсть о сильномъ могучемъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и о Соловьевѣ разбойнике, молитву Архангелу Михаилу, слово святого отца нашего Моисея, слово святого отца нашего Евагрия, чудо святого Христова мученика и страстотерпца Георгія (како избави дщерь цареву отъ лютаго змія), слово святого Аркадія архіепископа, повѣсть объ Акирѣ премудромъ и сынѣ его Анаданѣ, поученіе Иоанна Златоуста, церковныя пѣсни и пѣсни на Рождество Христово и другие праздники.

«Повѣсть о сильнѣмъ могучемъ Богатыри Ильї Муромце і о соловье Разбойнике» представляетъ изъ себя, въ сущности, былину съ совершенно разложившимся стихомъ, значительно испорченную, и какъ всѣ подобныя ей «повѣсти», носить на себѣ яркіе слѣды книжнаго вліянія. Такія «повѣсти», «сказанія» и «гисторіи» писались въ большемъ количествѣ въ 18-омъ и еще въ 17-омъ вѣкѣ полуграмотными писцами для полуGRAMOTНЫХъ читателей и продавались въ Москвѣ вмѣстѣ съ лубочными картинами. Отсутствие стихотворного разѣтра въ такихъ повѣстяхъ, записанныхъ, вѣроятно, со словъ былинныхъ сказателей, объясняется темъ, что эти послѣдніе (какъ свидѣтельствуетъ Гильфердингъ) совершенно не могутъ передавать былины «пословесно» безъ напѣва—особенно въ мѣстахъ «переходныхъ»,—и владѣть въ прозаическую рѣчью; да и записывали ихъ, понятно, интересовались лишь содержаніемъ былинъ.

Значительная порча дошедшіхъ до насъ текстовъ, конечно, объясняется также и темъ, что всѣ эти «повѣсти» находились мы въ коніахъ, а не въ подлинныхъ записяхъ съ устъ сказателей, а онѣ при перепискѣ должны были много погрѣсть.

Всего дошло до насъ семь такихъ текстовъ (не считая нашего), которые и описаны Л. И. Майковымъ въ его «Материалахъ и изслѣдованіяхъ по старинной русской литературѣ», откуда мы заимствуемъ всѣ о нихъ ссыльнія.

1) «Повѣсть о Ильѣ Муромце и о Соловьевѣ Разбойнике»—въ сборникахъ Ф. И. Буслаева (первой четверти XVIII в.).

2) «Сказание о Илье Муромце и о Соловье Разбойнике»—въ сборнике Н. С. Тихонравова, № 222 (втор. четв. XVIII в.).

3) «Повесть о сильных могучемъ богатыре о Илье Муромцѣ і о Соловье разбойнике»—въ сборнике Публ. Вибл. (писанномъ во втор. полов. XVIII в.).

4) «История о Илье Муромце и о Соловьевъ разбойнике»—въ рукописи И. Е. Забѣлина, № 71 (писан. во втор. полов. XVIII в.).

5) «Повѣсть о славномъ могучемъ богатыре о Ильѣ Муромце и о Соловьевѣ Разбойнике»—въ сборнике Москов. Публ. Музея изъ коллекціи Ундовльского № 663 (XVIII-го вѣка).

6) «Сказание объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьевѣ Разбойнике и Идолицѣ»—въ рукописи, принадлежащей И. Е. Забѣлину, № 82 (писан. въ срединѣ XVIII-го вѣка).

7) «История о славномъ и о храбромъ богатыре Ильѣ Муромцѣ и о Соловьевѣ Разбойнике»—въ рукописи Е. В. Барсова (XVIII-го вѣка).

Сравнивая ихъ, Л. Н. Майковъ приходитъ къ тому заключенію, что первые 4 текста, очень сходные между собою и по изложенію и по подробностямъ, представляютъ собою 4 списка одной редакціи одного памятника (къ нимъ подходитъ и отрывочный пятый), два-же другихъ, т. е. шестой Забѣлинскій (№ 82) и Барсовскій,—2 списка другой редакціи памятника. Затѣмъ, сличивъ первые 4 текста, онъ дѣлаетъ удачную попытку возстановить, на основаніи ихъ, первоначальную редакцію памятника, т. е. «возстановить «Повѣсть» въ томъ видѣ, въ какомъ она была впервые положена на бумагу въ XVII-омъ вѣкѣ».

Сличая текстъ найденной нами рукописи съ возстановленнымъ текстомъ Л. Н. Майкова и, съ другой стороны, съ Забѣлинскимъ (№ 82), мы видимъ, что пашь текстъ, отличаясь отъ всѣхъ прочихъ и по самому изложенію, представляетъ сравнительно съ ними значительныя особенности. Возстановленный Л. Н. Майковымъ текстъ (говоря о немъ мы имѣемъ въ виду собственно тѣ четыре или пять текстовъ, на основаніи которыхъ онъ возстановленъ) представляетъ схему несолько иную, чѣмъ нашъ: онъ начинается прямо съ отѣзда Ильи изъ дому и съ заповѣди, которую налагаетъ на себя Илья, и затѣмъ уже прямо разсказывается эпизодъ подъ городомъ Себежомъ,—нашъ же говорить сначала о родителяхъ Ильи и объ исцѣленіи его странниками («старичками»). Начало Забѣлинскаго текста (№ 82) утрачено,—онъ начинается тѣмъ, что воевода черниговскій ведетъ Илью на ииръ; кромѣ того текстъ этотъ содержитъ въ себѣ разсказъ объ Идолицѣ, чего нѣть во всѣхъ остальныхъ.

Переходя къ частностямъ, мы видимъ слѣдующее:

1) Въ возстановленномъ Л. Н. Майковымъ текстѣ (и во всѣхъ 4-хъ) Илья Муромецъ самъ налагаетъ на себя заповѣдь не кровавить руки, тогда такъ въ нашемъ-заповѣдь эту налагаютъ на него его родители.

2) Въ возстановл.—у царевичей, осаждавшихъ Себежъ градъ (у настѣ вездѣ Себѣжъ) силы «по сту и по тысячу»; въ Забѣлинскомъ (№ 71) «силы съ пими триста тысячи», по нашему же—«со всячимъ царевичемъ силы по тридцати тысячъ».

3) Въ возстановл.—эти царевичи похваляются «градъ защитомъ взять, а самаго царя Себежскаго въ полонъ взять», въ нашемъ—«градъ защитомъ взять а жители градскихъ подмечъ....»

4) Въ возстановл.—силу вражью (у настѣ «татарскую») Илья избиваетъ саблей, въ нашемъ—палицей булатной (у настѣ «напущается на рать силу великую сколько бьеть, а вдвое конемъ тощеть, куда онъ не поедеть—улицы, куда не поворотится—слободы»; такія выраженія постоянно видимъ въ былинахъ).

5) Въ возставл.—не находимъ мы никакого тутъ упоминанія о морѣ (только въ Забѣлинскомъ № 71 побѣда надъ царевичами происходитъ у морской пристани), въ нашемъ такое упоминаніе есть, хотя черта эта, по замѣчанію Л. Н. Майкова, вѣроятно, не принадлежитъ коренному сказанию».

6) въ возстановл.—царь Себежскій обѣщаетъ дать Ильѣ полъ-царства если послѣдний останется у него на службѣ, и въ Забѣлинскомъ (№ 82) зоветъ на пиру Илью воев-

вода черниговской, а въ нашемъ зовутъ Илью вушать хлѣбъ-соль жители городскіе «отъ мала до велика».

7) Въ возстановл.—Соловей сидить на девяти дубахъ (въ Буслаевск. на двѣнадцати; въ Забѣлинскомъ (№ 82) тоже на двѣнадцати), въ нашемъ—на двухъ.

8) Въ возстановл.—изъ 4-хъ текстовъ, только въ Буслаевскомъ—(ничего не сказано) и въ Забѣлинскомъ (№ 82)—Илья лопаль Соловью въ правый глазъ, въ нашемъ—въ лѣвый.

9) Въ возстановл.—(во всѣхъ 4-хъ) и въ Забѣлинскомъ (№ 82) сказано: Соловей упаль съ девяти дубовъ, «что овсяный снопъ» (это Л. Н. Майковъ считаетъ коренной чертой сказания), въ нашемъ—этого нетъ.

10) Бой съ Соловьемъ разбойникомъ описывается въ нашемъ текстѣ совершенно не такъ, какъ во всѣхъ другихъ. У насъ Соловей садится на коня. Къ сожалѣнію, мѣсто это въ нашемъ текстѣ спущано и нѣсколько словъ стерлось.

11) Въ возстановл.—Владимиръ на слова Ильи: «побѣхъ изъ Мурома отслушавъ заутреню воскресную (здесь Пасхальную)» выражаетъ недовѣріе, говоря, что у него «гонцы гоняютъ по два мѣсяца, а скоро на скоро на одинъ мѣсяцъ съ Киева въ Муромъ градъ»; въ нашемъ—онъ говоритъ: «гонцы гоняютъ по шти днѣй».

Кромѣ всего этого, въ нашемъ текстѣ обращаетъ на себя вниманіе то, что Илья здѣсь живетъ въ славномъ градѣ Муромѣ, въ большомъ селѣ Карабаевѣ, *въ селе Капитяевъ* (послѣднее название встречается три раза), чего не находимъ мы ни въ былинѣ, ни въ «повѣстяхъ». Наконецъ, интересную особенность нашей «повѣсти» представляется исцѣленіе Ильи странниками (у насъ «старичками») именно *наканунѣ праздника Ильи Пророка*. Это послѣднее обстоятельство, хотя и не можетъ служить рѣшительнымъ аргументомъ въ пользу предположенія Ор. Миллера о переходѣ имени Ильи Пророка на нашего богатыря, но, кажется, не лишено нѣкотораго значенія для рѣшенія этого вопроса.

Вотъ существенные отличія нашего текста отъ всѣхъ остальныхъ. Эти отличія, вмѣстѣ съ значительнымъ несходствомъ самого изложенія «повѣсти», даютъ, кажется, право предположить, что наша «повѣсть» ведеть свое начало, во всякомъ случаѣ, не отъ тѣхъ двухъ первоначальныхъ редакцій этого памятника, отъ которыхъ происходить семь до сихъ поръ известныхъ «повѣстей объ Ильѣ Муромцѣ». Отсутствіе же слѣдовъ мѣстного говора и случаи аканья (акаракамъ) говорятъ, повидимому, за то что это—копія, снятая съ оригинала не мѣстнаго происхожденія¹⁾.

Студентъ Спб. Ун. *Михаилъ Протопоповъ*.

Повѣсть о сильнѣмъ могучемъ Богатыри Ильи Муромце і о Соловьевѣ Разбойнику.

Во славномъ было во градѣ Муромѣ, во большемъ селе Карабаевѣ было селцо Капитяево, въ томъ селцо Капитяеве былъ-жилъ крестьянинъ именемъ Иванъ (со) своею жену велма (у) Бога (въ) милости по убогимъ и страннымъ приниматель. Иже уроди(лся) сынъ, ему же бысть Илья (имя) . . . . . младыхъ лѣтъ да до 30-ти лѣтъ всихъ днехъ о чёмъ отецъ и мати его велми были печалны. Но случися наканунѣ праздника Ильи Пророка отецъ Ильинъ и мати были у всенощии въ большемъ селѣ Карабаевѣ, а у Ильи были нѣкоторые два старичка подъ окошкомъ. Яко бы по молитвѣ родителей его они даровали ему ноги но нѣ тово . . . . и силу великую богатырскую Илья почуль вѣсѣлъ. Но какъ отецъ

¹⁾ Извѣстная до сего времени повѣсть объ Ильѣ М. переиздана въ сборн.: «Русскія былины стар. и нов. записаны, подъ ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М. 1894».

и ма: и пришли ото ѿнощи, а Илья и встрѣтилъ и они о томъ, благодаřеную ( )
прашши Господу Богу и великому Пр(о)року Илії. Наутрѣ воста пошли во святой литоргіи
недели того великаго веселія сотворили ширъ великиъ просграницы (и) убогими Илії...
время ссыкаль в конущій... сища бурца... латы и кошіе палицу булатную... доесть
себѣ противъ отца своего і матери благословенія Ѳхать Князь Владимеру поклонитса
і он(и) сплачерь дали благословеніе, хотя Ѳхать со заклинаніемъ его оружіемъ, что ому
Ѳхать дорогую из наженъ востру саблю невынимать. Ис колчана Илья Муромецъ колѣны
стрѣлы на лукъ нена(кл)адывает. Илья Муромецъ поехавъ въ Киевъ градъ слуша заугреню воскресную, но какъ онъ будеть под себѣжемъ градомъ... ажно стоить подъ нимъ
три царевича заморскіи, со святыми царевичемъ си(лы) по трицати тысячи, а похваляются
они градъ защтомъ взять, а житоя градскихъ под мечъ.... зговорить Ѳдуши Илья
Муромецъ: охъ по грехомъ мвъ учинилось, что отецъ мои и мати моя заклели мое оружие,
однако, сотворивъ себѣ знаменіе клятвенное, вынимаетъ свою палицу булатную, изпращаєтъ
на рать силу великую, сколько бывать, а вдвое конемъ тощчегъ, куда онъ не поедеть—улицы,
куда не поворотится—слободы, и побить всю силу татарскую, і три царевича насили
наши за море на корабляхъ то небольшими людми. Но какъ Илья Муромецъ Ѳхаль скрость
Себѣжъ градъ, во градскихъ ворогахъ всгречали схѣбомъ и солью весь народъ отъ
мала и до велика и бьють чоловъ ему и покланяются и просять милости к себѣ во градъ
хѣба и соли кушати. Но Илья Муромецъ хѣба и соли ихъ не кушаетъ только, спраши-
ваетъ у нихъ дороги прямо дороги ко граду Киеву, и отвѣщаютъ ему себѣжские жители:
ты гои еси, добрыи молодецъ, прямая виамъ была дорога ко граду Киеву на лѣса
на Брыв(скіе), на грязи черные, на дороги, на Смородину, на мости калиновы, только та у
насъ дорога запустѣла ровно 30 лѣтъ отъ Соловья разбойника, отово разбоинича соловьи-
шего посвистѣ никакои богатырь не можетъ устоять. Богатырское сердце неумимчиво, и пово-
рачиваетъ своимъ добрымъ колемъ прямо на грязи черные, на рѣку Смородину, на мости
калиновы, и какъ онъ будеть противъ сторожи Соловья разбойника, ажно соловен насто-
рожа бытъ сидѣть на двухъ дубахъ, засвистѣть онъ своимъ разбоиничимъ соловьинымъ
посвистомъ, якобы земл(я) поколѣбалася, и отъ того посвисту под Илью конь пошарашился.
Илья Муромецъ биетъ своего коня по толстымъ акаракамъ а самъ говорить таково слово:
что ты, вольчья шерсть, шарашися, вѣть меня сильнее (чѣть), (и вы)нимаетъ свои кре-
пкіе лукъ, и ис колчана вынимаетъ колѣну стрѣлу, стреляетъ Соловья разбойника и попадъ
въ ево лѣвой гласть. Отъ удара соловен свалился со двухъ дубахъ великіхъ. Тогда Илья
Муромецъ наскака(въ) хотѣлъ ево злони смерти предать. Но соловъ разбойникъ вскочи(въ)
и ведопустилъ ево до себѣ, рече: Богатырская есть то слава, что мвъ хотѣлъ бѣзъ оружия
убить, но даш мвъ спрavitся, и сяду на свои доброи кони, и скоро Соловен разбойникъ
убралъ взбруду (?) латную и сель на свои доброи кони и такъ розежаль.... Илья
Муромецъ от великаго разъезду только Соловья уронилъ вышибъ его исдалѣче вонъ наземъ:
зачто Соловен разбойникъ Илью Муромца.... Молви Соловен разбойникъ: дѣочки мои
малые соловьевы, пе дразните сего доброго молодца, а беите чоловъ хѣбомъ и солью. Но
Илья Муромецъ хѣба и соли ихъ не кушаетъ, а поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ
прямо на большу (къ) Киеву дорогу и скачеть онъ з горы на гору .ол.. і поду..ы вонъ
выметываетъ, а у рѣкъ перевозу не спрашивалъ; но какъ приехалъ въ Киевъ градъ вѣс-
(д)е(т)ъ прямо на княженѣскои дворъ и привязаль своего доброго коня, пошель въ па-
заты книжеские, молился чѣснымъ святымъ иконамъ, кланялся на дѣвъ на четыре сто-
роны, а особливо великому князь Владимеру, что зговорить Владимер князъ: ты он еси,
доброи дороди(и) молодецъ, да скажи ты инѣ, какъ тебя зовуть по имени по отечеству,
коего града уроженецъ. Ответъ держитъ Илья Муромецъ: я, государь, уроженецъ града Му-
рома изъ большого села Каражаров(а), а родися въ селцѣ Каптевѣ, по имени меня зовуть
Ильюшою по отечеству Ивановъ сынъ прозваніемъ Муромецъ. Зговорить князь Владимеръ
ты он еси, Илья Муромецъ сынъ Ивановецъ, скажи ты, давноль ты изъ Мурома. Ответъ держ-
итъ Илья Муромецъ сынъ Ивановецъ: государь, поехъль, изъ Мурома отслушавъ заутреню
воскресную. Разсмѣялся великі(и) Владимеръ князъ: что ты Илья врешь, унасъ гонцы
гоняютъ по шти днепръ. Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ: да еще были на меня дѣвъ за-

дерши великия: первая исбавилъ от осады Себѣже градъ; вторую и мѣль, бои с Соловѣемъ разбойникомъ, которои побѣд.. силиен.. Тогда князь Владимиръ вышелъ и съ силынми могучими богатыри смотреть Соловья разбойника, и рече: ты он еси Соловей разбойникъ, засвищи ты своимъ разбойничимъ соловьевымъ посвистомъ. Ответъ держитъ Соловей разбойникъ: твоя Государь воля, я несмею государя моего Ильи Муромца, и тогда Илья велѣль засвиста(ть). Но от ево посвисту князь Владимиръ пожаловалъ выше своихъ богатырей киевскихъ. Конецъ сему поиѣствованн(ю).

Аминь.

Примѣчаніе: Текстъ воспроизведенъ съ рукописи дословно.

Пунктиромъ обозначены слова и буквы, стертыя въ рукописи. Въ скобкахъ пом'щены слова и буквы, восстановленныя нами.

Веснянки, Петривки и Купальныя пѣсни.

Записанныя мною въ с. Плскахъ (Волынск. губ., Житомирск. у.) пѣсни распадаются на три группы—веснянки, петривки и купальныя. Первые поются, начиная обыкновенно съ Пасхи до Петрова поста, а вторые въ Петровъ посты. По содержанію, они чрезвычайно похожи. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ главнымъ образомъ воспѣвается обыкновенно любовь, красота той или другой дѣвушки, того или другого парня, дѣлаются намеки на интимныя отношенія, на свадьбы и т. д. Однимъ словомъ, всѣ злобы дня, интересующія деревенскую молодежь, выкладываются какъ въ веснянкахъ, такъ и въ петривкахъ. Хочеть, напримѣръ, какой нибудь Тарасъ жениться на какой нибудь Наталкѣ. Объ этомъ уже известно девчатамъ и хлощамъ всего села. Оба они уже воспѣваются въ веснянкѣ:

«Въ садочку прометяно,
Барвиночкомъ уилетяно,
Тамъ Тарасъ съ торгомъ стоявъ,
А зъ якимъ торгомъ—зъ быдочками.
Щобъ мы по Петра стали въ пари...».

За нымъ дивчата купочкиами:
Всими дивчатамъ запродае,
Свої Наталци дары дае.
Веры, Наталко, ціи дары,

Также громогласно выводятся въ пѣсни и разнаго рода интимныя отношенія:

Ой на городи буркунъ родыть,
А до Настиуни Денысь ходыть.

Какъ веснянки, такъ и петривки являются для девчатъ средствомъ посмѣяться надъ «хлощами», особенно изъ другого села, посмѣяться и надъ своими подругами. Вообще нужно замѣтить, что сатирическій духъ замѣтенъ въ большей части этого рода пѣсень. Многія изъ нихъ являются какъ бы насмѣшкой надъ тѣмъ или другимъ фактомъ, той или другой личностью. У Чубинскаго записана одна пѣсня, показывающая ясно, что веснянки именно преслѣдуютъ такого рода задачи. Въ пѣснѣ этой (т. III, стр. 178, № 119) разсказывается, какъ одинъ парень приставалъ къ дѣвушкѣ:

— Не козырысь, парубоньку.
И не копыль губу,
Коли любышъ такъ, якъ кажешъ,
То веды до шлюбу.
— Ой, радъ бы я шлюбъ узти,
Та не велить мати.
— Якъ не велить, то й не ходы
На нашъ край гуляти.

Насушывся парубонько,
Тай потягъ до дому...
— Ой, не кажы, дивчионько,
Ти про се никому.
— Скажу Ізві, скажу Стесі,
Ще скажу й Одарці
Скажу Гальці титариві,
Скажу й паламарці;

Ой, скажу всимъ, щобъ про тебе
Веснянки співали,
Щобъ призвіща та прикладки
Тобі прикладали.

Такимъ-же характеромъ отличаются и купальныя пѣсни, пріуроченные ко дню празднованія Ивана Купала.

Послѣ 29-го июня всѣ названныя пѣсни, веснянки, петривки, купальныя, замѣняются пѣснями, непріуроченными къ какому нибудь опредѣленному времени, преимущественно заунывными «весильными» (свадебными), въ которыхъ воспѣваются тѣ же Тарасъ съ Наталкой и другіе хлощи и девчата, вступающіе въ бракъ.

I.

Весняки.

1.

Сияла зиронька, сияла,
Съ кимъ ты, Настуню, стояла?
Съ тобою, Петрую, съ тобою
Падъ зеленою вербою, надъ холодною
водою.

Де Петруиё коня пасъ—
Ёму барвинокъ по поясъ;
А де Настуя стояла—
Шовкова трава завыяла.
Чого, дивчата, сидите?
Чомъ вы барвинку не рвete?
Рвалы барвинокъ за гроши
Въ нась кавалеры хороши:
Нашъ Петруиё краще всихъ,
Любить Настуню лучше всихъ.

2.

На нашу улыцю, на нашу
Приносьте ишона на кашу:
Будымо кашу варыты—
Тай будымъ хлопцивъ жеинты.
Солона каша, солона
Завдаймо хлоццямъ сорома.

3.

Перейди мисяцю (bis)
Та на нашу улыцю. (bis)
На наши улыци (bis)
Та все хлоцци молодцци (bis)
Нема найкращого (bis)
Попидъ Петра нашего (bis)
Хтось у лиси гукае (bis)
Петро кони шуквае (bis)
Твои кони въ шкоди (bis)
У Мосія на городи (bis)
Бижъ кони займешъ (bis)
Щей Настуню доглянешъ (bis)
Щобъ Настуя любыла (bis)

Щобъ теща хвалила (bis)
Самъ паръ чобить стоптавъ (bis)
Черезъ тещынъ дворъ ходывъ (bis)

4.

Плыве човенъ, тай воды повенъ—
Десь хвиля прибыла...
Смутна наша дивка Наталка—
Десь матуся была...
— «Мене маты зроду не была;
Сами слёзы льютьца—
Отъ Тараса сват'ю ныма
Отъ Опанаса шлютьца».
Покотыся, ясный мисяцю,
Помежъ зироньками,
Подмысяся, молодый Опанасе,
Чы је краща, чы је лиша
По дивку Наталку.

5.

На городи лыннына,
Маты до дому кlyкала:
— «Ходить, хлонци, до дому
Давайте конямы оброку.
Идти, молодцы, до хаты:
Пора вамъ свыньять иншаты
А вы, дивчата, не дбайте—
До билого дня гуляйте!» ¹⁾.

6.

Посюю я горошокъ, горошокъ,
Посюю я два стручки, два стручки,
Та посюю я четыри, четыри,
Та бодай червы сточылы.
Горобечку спатку, спатку,
А чы бувъ—жежъ ты въ садку, въ
садку,
Та чы бачывъ ты, якъ макъ сіютъ?
Ой, такъ такъ сіютъ макъ,
Щей морквыцю и постырнакъ,

¹⁾ Ср. у Чубинского, т. III, стр. 162, № 80.

7.

Ой за городомъ дымъ, та дымъ,
Тамъ соловей гнездо зывъ.
Тамъ Тараско коня пасъ—
Ему виноградъ по поясъ.
А винъ конька попасае,
Хороше въ дудку выгравае.
Хороше въ дудку выгравае,
Соби Наталку пидмовляе.
— «За иною, Наталко, за иною—
Будышъ мими молодому женою.
Будышъ мои матинци годыти:
Пидъ гору воду восмыти.
Съ горы каминьемъ котыты».
Покотыся каминецъ
Просто Наталци въ рукавецъ.
Вона думала, що то каминецъ,
Ажъ то Тараско молодецъ.

8.

На ричепп, та на дощечи
Тамъ давчына полоющца.
Полоющца, умываеща,
Въ черевычки узувапця.
Черевычки покупецъ (sic)¹⁾ по-
купывъ,
Щобъ хороший молодецъ полюбывъ.
Панчишечки пани матка дала,
Щобъ хороша молоденька буда.

9.

Киля ильна—кальна,
Тамъ дивчына ходыла,
Дивкамъ танецъ водыла.
Що выведе—той стане—
На всихъ дивокъ сногляне,
Чы вси дивки въ таночку?
Уси дивки тонко йдуть,
Тилько нема пдано—
Фрасныи молодокъ.

10.

Киля ильна—кальна
Тамъ дивчына ходыла.
Ножемъ зилле копала,
Шей матинки пытала:

— «Ой, чымъего, мамо, счарувать?»
— «Чаруй, дою, мы любай (sic),
Щобъ съ тобою мы стоявъ,
Зъ ручки перстенъ мы здіймавъ».

11.

На городи, пидъ вербою
Стоявъ Тарасъ и зъ лирою.
До его Настуния приходыла
Торбу окрушивъ прыносыла,
Беры, Тарасъ, ци окрушил—
Прыйди до мене у подушин.

12.

У крывого танца,
Та не выведу кинца.
Якъ стану я весты,
Якъ виночекъ пласты?
Ой, винче, мій винче,
Хрестастый барвиче,
Я-жъ тебе мыла, выла,
Ще вчора зъ вечера
Повисыла у садочки
На терновимъ шнурочку.
Тамъ моя иснька йшла,
Тай виночекъ найшла.
Виночекъ найшла,
Тай нелюбови дала.
Та колы бъ буда знала,
То буда бъ розирвала.
Та пидъ ниженъки стоптала
Чорными чобиточками
Золотыми пидковочками.

13.

На городи клынь, клынь
Въ кучери вьеца.
А хто пиде за Юхима,
То той важдывеца.
На ему сорочка
Съ тонкаго клыничка.
А хто ёму вышивавъ?
Мойсі́эва дочка.
На іи виночекъ,
Виночекъ дротяненький.
А хто іи купувавъ?
Юхимъ молоденький.

¹⁾ Очевидно вм. «панъ-отецъ».

14.

Писковський ставъ
Скомороскій ¹⁾ ставъ
До купонки зльвся.
Тамъ Юхимъ и съ Петромъ
За Настуню бывся.
— «Ой, мы бытеся, мы сваритеся:
Я въсъ обохъ люблю;
Петрови хусточку дала,
Юхимова буду».

15.

И на цимъ кутку
И на тимъ кутку
Ворона завысла.
«Уже твоя, дивко Насте,
Вечера та скисла».
«Ой, ныхай кисне,
Таки мушу исты
Та колы бъ мини зъ Юхимомъ
На посади систы ²⁾».

16.

Зайчику, та сиресенъкій,
Зайчику, та билесенькій.
Дала мини маты съто решето,
Щобъ мое зилле хороше росло.
Зашпички дротяненьки,
А воритца зализненьки.
Никуды, зайчику, а ни выскочты,
А ни выстрыбнуты.
Оно зайчицъ скокомъ бокомъ
Шередъ моямъ чорнымъ окомъ.
Зайчику, оберишся,
Зъ девчыною обиймися...

17.

Змарнило дытя, змарнило.
У чужого батька сыдило,
Чужи матинци годыло:
Съ пидъ горы воду носыло,
А съ горы каминъ котыло.
Покотыся каминецъ
Дивци Настуни въ рукавецъ;
Вона думала — каминецъ;
А то, Иванъ молодецъ.
— «А ты, Иванъ, мы будь панъ
Ввзымы Настуню пидъ жупанъ».
«А я жупана не маю
Пидъ сиру свыту сховаю.
Хочъ не пидъ свыту —
Пидъ кожухъ
Выбимъ изъ Настуни
Пару й духъ».

18.

Ой хожу я, хожу киля городечка:
Жено моя, та жонусенько <sup>|(при-
дывно, дывно, мое серденько п'ять)|</sup>.
Куплю свой жони сорочину въ торзи.
(притѣвъ).
Сорочину звону, мыленъкимъ не назву.
(притѣвъ).
Ой, хожу я хожу киля городечка.
(притѣвъ).
Куплю свой жони спидныченку въ
торзи.
(притѣвъ).
Спидныченку зиону, мыленъкимъ не
назву.
(притѣвъ) и т. д. ³⁾.
Куплю свой жони нагаечку въ торзи.
(притѣвъ).
Нагайку зломаю, пиду погуяю.
(притѣвъ).

¹⁾ С. Скоморохи находится въ 2-хъ верстахъ отъ с. Писокъ.

²⁾ Ср. у Чубинского т. III, стр. 133, № 32.

³⁾ Мужъ предлагаетъ купить: каптуриночку, хустыничку, карапыки, чоровычки, панчишочки, свытыничку, поясну, кожушыну.

II.

П е т р и в к и.

1.

Плывала кладочка пидъ ледкомъ,
Давала Настуся—ручку двомъ:
На тиби, Опанасъ, руку мою,
А ты. Денисъ, не дывуй:
Беры соби Настусю—тай шалюбуй.

2.

Ишли рики, тай бриммы
Черезъ Мойсіеви сини.
Тамъ кавалеры збиралыся,
На медь горилку складалыся.
А нашъ Денисъ наибильше склавсь
Ще й на Настуню залыцавсь:
— «Ой, ты, Настуню, сердце мое,
Сподобалося личко твое.
Ны такъ личко, якъ ты сама
И на папери напысана.
На папери, на листочку,
Чорни бриноньки на шнурочку¹⁾».

3.

Дывитьця люди, дывитеся:
Иде Денисъ женыться.
Самъ јиде на коняци,
Везе Настуню на собаці,
Накрывъ Настуню радигою,
Тай погавяе батюгою.
Собака гарчыть—пидъ плить бижыть,
А винъ зубами—за хвисть держыть.

4.

Ой, на городи боракъ, боракъ,—
Наша Настуни жывить вабракъ.
Ныхай бракне, ныхай знае,
Ныхай Дениса ны прымайе.
Ой на городи лошухъ, лопухъ,—
Наша Настуни жывить опухъ:

Ныхай цухне, ныхай знае,
Ныхай Дениса ны прымайе.

5.

Ой, на городи буркунъ родыть,
А до Настуни Денисъ ходыть.
Ой, роды роды, буркунчыку
Прыйды, Денисе, голубчыку.
Ой, колы родышъ—роды расно,
А колы ходышъ—ходы часто.
Ой, колы родышъ—ны вспыпайся,
Ой, колы любишъ—ны цурайся.

6.

На городи шафранъ, шафранъ,—
Стонть Денисъ, якъ панъ, якъ панъ.
Киля его петрушечка—
Стонть Настуня, якъ душечка.
Шафранъ петрушку пидъидае,
Денисъ Настуню пидмовляе:
— «Ой, ты, Настуню, ой ты, ой ты,
Колы до тебе въ гости прыйты?»
«Прыйды, Денисе, у вечери,
Щобъ вороженьки ны бачылы.
Прыйды, Денисе, долыною,
Буде горилка зъ калыною.
Прыйды до мене садкомъ, садкомъ,
Буде горилка зъ медкомъ, зъ медкомъ,
Прыйды, Денисе, долынамъ
Буде горилка зъ малынамъ».

7.

На городи салата—
Роды, Боже, дивчата.
На городи стопцы—
Хватай, чорте хлонцивъ.
Столовъ дымъ }
Чортъ изъ нымъ } (прилѣвъ).

¹⁾ Ср. Чубинский, т. III, стр. 20, 1, № 6 и стр. 220, № 37.

На городи крокись порись—
Забравъ чортъ хлопцивъ
Тай въ лисъ поинись¹).
(притѣзъ).

8.

«Ой, на городи крокись порись
Чоинъ ты, Иване, бильшій вы рисъ?»
«Ой, буде зъ мене й такенького:
Полюбыть Наталка й маленького».

9.

Полытивъ Иванъ на небеса,
Прычыпывъ жорна до пояса.
Де летить, то й крупы дере,
Де спочывае, то и палас.
Де започуе, куэшть варыть—
Свои Настуин жывить парыть.
Ныхай парыть, ныхай знае.
Ныхай Ивана ны прымас.

10.

Пишлы дивчата горды рваты—
Далеко хлонцамъ Петра ждаты.
Дивчата гордны нарывы,
А хлонцы Петра не дождалы.
На городи кущыкъ дрову—
Щобъ ны дождались хлонци року.
На городи вущъ калыны—
Клыче Иванъ на родыны.
На городи кущыкъ пыжма,
Щобъ вы дождалы хлонци тыжия.
На городи кущъ шельвіп,—
Щобъ ны дождалы хлонци недили.

11.

За городомъ квятки вьютыца,
За Наталку хлонци бьютыца:
Тарасть каже— «моя буде»...
Опавась каже— «впзымуть люди
Таки Наталка моя буде.
Люблю Наталку панелочку
Куплю Наталци сукеночку.
А я Наталку вирно люблю,
А я Наталци сукно куплю»...
Пишовъ Тарасть до кравнычки,
Купивъ Наталци черевычки,
Черевычки на пидковахъ
Гулай, Наталко, чорнобрыва!

Черевычки съ пидковками!
Гулай, Наталко, межъ дивками!

12.

Летилы гуси баднатип,—
Псковських хлонци шмаркатип!
Летилы гуси— силы въ проси
Псковськимъ хлонцамъ— червы въ носи!
Летилы гуси сывокрыли,
Скомороскы хлонци чорнобрыви.

13.

Стукнулы воритца въ одвирци
Украдяно Наталка одь молодця.
Молоденькій Иванъ ны чуе—
Съ кпцьками въ решети почуе:
Випъ думавъ молоденькій,
Що Наталчыны рученьки,
А то кицции лапонъки...
— «Де ты, Иване, почувавъ.
Хто въ тебе Наталку въ ночи вкравъ?»
— «Ночувавъ я, дивчата, на лавци,
Вкрадяна Наталка у ранци.
Ночувавъ я, дивчата, на пичи.
Вкрадяна Наталка у ночи.
Ночувавъ я, дивчата, на току
Вкрадяна Наталка отъ боку».

14.

Ой, у лисочку, на дубочку
Повисылы хлонци гойдалочку.
Гойдалыся, выхалыся
На медъ горилку складалыся.
А напшъ Ювхимъ найбильшъ скյавсь,
Щей на Настую залиявався:
— «Ой ты, Настую, сердце мое
Сподобался личко твое.
и т. д. (Ср. Петровку, № 2).
Ой, мала н'чка мала, мала,
Де ты, Наталко, почувала?
— «Ой, почувала пидъ груною
Съ тобою, Иване, зъ душою.
Ой, почувала пидъ хатою
Съ кудлатою собакою».

16.

Въ Наталчыни голови
Мышы кубло завели.
Тарасть зъ радошами
Носить воду прыгоршами.

¹) Чубинский, т. III, стр. 182, № 130.

III.

К у п а л ь н ы я.

1.

На Ивана Купайлого
Ходыла відьмиа
На вального.
На дубъ лизла.
Кору грызла,
А зъ дуба впала
Зилле копала.
Вона Натальку
Бчарувала ¹⁾).

2.

Пора тиби, вербонько, розвытця,
Пора тиби, Иване, женитця.
— «Часъ ии часъ, ии пора.
Ще жъ вона на улъци ии була,
Щекъ вона купайлочка вы вила.
Ныхай вона ще погуляо,
Русою косою махас.
Якъ замужъ пиде, то ии буде,
Якъ стара буде—забуде ²⁾.

3.

На Ивана Купайла
Сучка въ борцъ упала.
А хлонци ии знали
Зубы поломали.
Дивчата грабили
А хлонци зубами ³⁾.

4.

Покладу я кладку
Черезъ моравку.
Вербове купайлло,
Вербове,
Часъ вамъ, дивчата,

До дому.
А ты тутъ, Наталя,
Зостанься,
Якъ прыйде Тарасъ—
Звничайся.
Якъ прынесе впинчка
Съ кадыла,
Щобъ ты ёго здорова
Зносыла,
А въ осеній на весилле
Попросыла.
Якъ ии будышъ впинчка
Носыты,
Той ии будышъ на весилле
Просяты ⁴⁾.

5.

— «Молодая молодыце,
Выйди зъ вечора на улыцю».
— «Якъ-же иини выходыти,
Дивкамъ купайлло розводыти?
Въ мене свекорко—иы батенько
Въ мене свекруха—иы матинка.
У комороньку зачыняе
Тай на улыченъку ии пускае.
Прочыню я кватирочки,
Та подывлюся на улычку:
Дивки купайлло убирають,
А мене слезы обываемъ».

6.

На городи лонухъ, лопухъ—
Писковськимъ хлонцянь
Живитъ онухъ.
Ныхай пухне, ныхай знать,
Ныхай купайлла ии ломаютъ ⁵⁾.
Наше купайлло до мисця
Писковськи хлонци повисятыця.

Сообщилъ *B. Бочняновский*.

¹⁾ Ср. Чубинскій, т. III, стр. 199, № 1.

²⁾ Ср. Сахаровъ, Сказанія русск. нар., т. I, стр. 273, № 11.—Чубинскій, т. III, стр. 194.

³⁾ Ср. Чубинскій, т. III, стр. 201, № 6.

⁴⁾ Ср. Чубинскій, т. III, стр. 209, №№ 23 и 24.

⁵⁾ Ср. Чубинскій, т. III, стр. 199, № 2.

Очеркъ литовскихъ свадебныхъ орацій¹⁾.

(Часв. Э. А. Вольтеру).

Цѣль настоящаго очерка, касающагося предмета, крайне малоизученнаго, почти неизвѣстнаго даже специалистамъ-этнографамъ, во первыхъ — сообщить этнографическій материалъ, который мнѣ удалось извлечь изъ орацій, во вторыхъ указать, какъ отразилась на нихъ национальная жизнь. Отлагая историческій очеркъ литовско-латышскаго свадебнаго обряда до другого времени, здѣсь я ограничусь только тѣсною областью литовскихъ орацій, какъ памятника национальнаго творчества. Но что такое национальность въ народной литературѣ? Конечно, не та сказка, по моему мнѣнію, национальна, которую народъ понимаетъ не только, какъ сказку, по именно, какъ съюю сказку: это признакъ случайный, потому что очень часто (я сужу по личному опыту въ Литвѣ) на просьбу спѣть съюю — литовскую пѣсню, сказать съюю — литовскую сказку, преподносится пѣсня или сказка, очевидно заимствованная изъ Польши, Россіи или Пруссіи.

Образъ, возникшій въ сознаніи одного изъ членовъ такого уравненнаго общества, какъ крестьянская среда, легко можетъ настолько ассоциироваться съ сознаніемъ и другихъ членовъ этого общества, что тогъ же образъ мы сможемъ найти и въ пѣснѣ, и въ сказкѣ, и въ пословицѣ, и въ загадкѣ. Но и заимствованія, какъ-нибудь ассимилировавшіе со старыми образами, могутъ такъ-же ассоциироваться съ ними, какъ и образы туземные; такимъ образомъ они становятся национальными. И факты, повидимому, не противорѣчатъ этому: дѣйствительно, хотя сказка о Зигфридѣ Роговомъ, заимствованіе которой совершилось, вѣроятно, уже давно, такъ и называется у Литовцевъ Ragotasis Zigfryds, и вариантъ, кажется, не имѣеть; хотя настолько же не национальны остались и приведенный ниже разсказъ о Соломонѣ, тогда какъ образъ рака, возстающаго противъ своего творца, мы находимъ въ четырехъ сказочныхъ вариантахъ²⁾, въ пословицѣ³⁾: «поднимашься, какъ ракъ на Перкуна», и наконецъ въ пѣснѣ⁴⁾; однако многія католическая

¹⁾ „Очеркъ“, служившій первоначально рефератомъ въ засѣданіи 3 декабря 1893 г. Неофилологического общества, печатается здѣсь съ немногими поправками и дополненіями; некоторые поправки сдѣланы благодаря любезнымъ указаніямъ А. Н. Пыпина.

²⁾ З изъ нихъ записаны мною и теперь печатаются, четвертый помѣщенъ у Фекенштедта въ его сборникѣ жмудскихъ сказокъ и писовъ.

³⁾ Tu kelys káp vežys prysz Perkúną. Bezzemberger, Altpreuussische Monatschrift. Band XXII. Heft 3 и 4 s. 348.

⁴⁾ Lietuviškos dájnos, užrašytos par Antaną Juškevičę Kazanъ 1880—82 m. I—III (цитируется: J) № 135, строфа 4: Vezys vezys т. е. ракъ, ракъ, Tu ſiknò'akis имѣть глаза въ заду.

гены стали вполне национальны, причемъ произошла ассимиляція: такъ, напримѣръ, легенда о розѣ притѣнилась къ рутѣ, любимому литовскому цветку; однако, пѣсня искусственная, приписываемая одному видному литовскому дѣятелю, дала множество народныхъ вариантовъ и образы ея мы могли бы найти во многихъ позднѣйшихъ пѣсняхъ. Такимъ образомъ разница въ отношеніи национальности между заимствованными и туземными, исконными почти только временная, количественная, а не качественная: народъ заимствуетъ только то, что можетъ понять, примѣнить къ себѣ, что ему нравится, что на конецъ сходно съ обычными ему понятіями и образами; все, что не стоитъ въ народной литературѣ одиноко, а вызываетъ многочисленные переработки, подражанія и т. п., все это можетъ служить картиной народныхъ нравовъ, понятій и жизни, все это национально¹⁾.

Литовскія ораціи национальны уже и потому, что прямо изъ характера литовца, который такъ любить каждый важный моментъ своей жизни украсить цветистымъ, красиво обточеннымъ, часто полнымъ ироніи словомъ, прямо изъ его характера—вытекаетъ многочленность и сложность орацій, ихъ отношеніе къ четырехъ важнейшимъ минутамъ свадьбы. Существуетъ четыре рода орацій: 1) рѣчъ, которую держать сватъ, прѣхавши въ какой нибудь домъ для приглашенія всѣхъ его обитателей на свадьбу; 2) рѣчъ, которую держать въ домѣ невѣсты передъ маршаломъ (sūlsedis) то есть сватъ, прося впустить въ домъ жениха и его свиту; 3) рѣчъ къ невѣстѣ, которую обращаетъ она же, передъ отѣзdomъ къ вѣнцу, подавая ей рутоый вѣнокъ, символъ ея чистоты; 4) наконецъ декреть о повышеніи свата-лжеца, этого главнаго лица свадьбы, около которого и невѣсты сосредоточивается, собственно, весь домашній обрядъ, декреть, которымъ оканчивается свадьба. Изъ этихъ четырехъ родовъ, три имѣютъ цѣлью позабавить слушателей, поэтому въ нихъ легко могли получить доступъ остроты, не уступающія по своей соли наини балаганнымъ, пародіямъ на сказки, удивительные символы и т. п.

Третій родъ, рѣчъ при подачѣ вѣнка, отличается, напротивъ, торжественностью и имѣть цѣлью восхвалить девическую чистоту; поэтому сюда легко могли проникнуть католическія легенды о святыхъ девственницахъ, какъ св. Агнеса и др. Не смотря на многочленность вариантовъ, всякий родъ этихъ орацій имѣть одну основную форму, къ которой сводятся другія; чѣмъ чище сохранились мѣстные обычай, тѣмъ ораціи обширнѣе и витѣватѣ; въ Пруссії они очень коротки.

Приглашеніе на свадьбу высказывается глашатаемъ-гостебникомъ (kvěslys)²⁾, прѣхавшимъ на разукрашенной лошади съ маленькимъ деревцомъ, перевитымъ лентами и унизаннымъ бубенчиками, въ рукахъ; заключая въ себѣ всевозможныя остроты по поводу того, какъ должны прѣхать гости на свадьбу и что они будутъ тамъ дѣлать, эта рѣчъ даетъ не мало и сказочнаго материала; выбираю для образца одну изъ самыхъ короткихъ рѣчей и затѣмъ отмѣчу варианты.

¹⁾ Рецензія моего доклада (см. газету «Новости» отъ 8 Дек. 1893 г.), конечно, вслѣдствіе неясности моего первоначального изложенія, приписывается мнѣ инѣмъ, котораго я, собственно говоря, не имѣлъ. Онь говоритъ: «но мнѣнию докладчика, въ литовскихъ ораціяхъ вполнѣ отразилась литовская жизнь въ образахъ национальныхъ и нравственныхъ». Здѣсь все дѣло вертится около слова: «национальный», неясность котораго въ моесть доклада породила и возраженія проф. А. Н. Веселовскаго: «прежде, чѣмъ толковать объ отраженіи въ нихъ литовской национальности, надобно... выдѣлить изъ нихъ все пришлое». Я несогласенъ съ этимъ и въ существѣ дѣла, потому что национальное вовсе не противопоставлю пришлому, и въ частностяхъ, потому что кое-что, признавасмо проф. Веселовскимъ за пришлое, мѣтъ кажется можно принять за национальное и въ его смыслѣ, о чёмъ ниже.—Национальная литовская жизнь отразилась въ ораціяхъ постольку, поскольку она ассимилируетъ себѣ пришлый элементъ и поднимаетъ на свою поверхность исконные образы, тѣль или иной способъ пониманія и изложенія вещей.

²⁾ Такъ называется сватъ, на котораго возлагается обязанность созывать на свадьбу гостей.

¹⁾ «Дай вамъ Богъ счастія! Приглашаю богатыхъ и отважныхъ на этотъ вечеръ на свадьбу; молодыхъ на гулянье къ тому юному кавалеру, къ зеленому Вожью деревцу: собрался онъ на чужую сторону, въ велкія странствованія по горамъ высокимъ, по лѣсамъ зеленымъ, по полямъ великимъ за воды велкія. Приходите, старыя бабы, съ краивыми костылями, берите съ собой по мѣшечку булокъ, а вы, старые дѣды, по узелку табаку, хлѣба по уголку, по мѣшечку маса, а вы, юные дѣвицы, по букетику зеленыхъ руть, по шелковой кофточкѣ съ бѣлымъ передничкомъ, по горсточкѣ ореховъ, для верховинокъ²⁾ (*virsininkas*). По стѣнамъ лазьте, парней не дразните, животиши берегите. Прошу на кровь осы, на комары колбасы, на моши окорока. Всѣхъ огуломъ прошу: старыхъ, юныхъ, большихъ и малыхъ, но только съ большими запасами: положите въ карманы по полчетверику золы, повѣсьте за плечи лапти, возьмите грабли трехзубы. Кто какъ себѣ устроитъ, тотъ такъ и поспишитъ. Въ этомъ ужъ верховинка не повиненъ. Прошу покориши глину мять на свадьбѣ, т. е. вертуна плясать».

Обыкновенно, мы встрѣчаемъ другое начало съ интересными символами, другой конецъ. Вотъ вариантъ начала Svr. 14: «прежде всего воздаю славу Господу Богу. Творцу неба и земли, и этому дому, и этого дома основателю и основательницѣ и этому столу, какъ алтарю, цвѣту льна, крови ржи, колосу пшеницы», т. е. полотну, скатерти, пиву или водке и бѣлому хлѣбу. Другой конецъ, обычный всѣмъ вообще оракулемъ, даетъ образчикъ народного остроумія: «не много говорю, по много умѣю: не ксендзомъ я роженъ, не монашкой рожденъ, всегдѣ три класса проходилъ, па четвертомъ вышелъ: что тамъ слыхалъ, то и вамъ скажаль», или: «я въ томъ классѣ не бывалъ, березовой розги не получалъ: по дорогѣ учился. Недалеко ускакалъ, пе иного узналъ. Дальше поскакаемъ, больше узнаю, а какъ вернемся, я и вамъ скажу». Интересенъ тотъ идеалъ воспитанія, который рисуется этимъ видомъ оракулей и который въ тѣхъ же выраженіяхъ мы находимъ во множествѣ пѣсень³⁾; вотъ онъ: Svr. 15: «Этотъ юный юноша не пѣтъ другихъ странъ, не изъ чужой земли, изъ этихъ самыхъ людей, отцомъ, матерью рожденъ, возвращенъ, обряженъ, сестрами выношенъ, въ зеленой люлькѣ выкачанъ, шелковымъ повивальникомъ повитъ, въ шелковый пеленки запелепутъ, братьями защищенъ, славной родней похваленъ, золотымъ яблокомъ забавленъ⁴⁾, бѣлымъ хлѣбомъ выкорысленъ». Въ тѣхъ же выраженіяхъ сообщается, обыкновенно, и о воспитаніи дѣвушки. Какъ богато обрисовался этотъ образъ у Литовца сравнительно съ Бѣлорусскимъ; Бѣлорусъ не находить ничего сказать, какъ только: «сены кормили, поили это чадо милое, дзици любимое съ малыхъ лѣтъ до совершенныхъ: по рукамъ качали, въ сахарныя уста цѣловали» (П. В. Шейнъ. Бѣлорусскій сборникъ. т. I, ч. II. СПБ. 1890. стр. 388); не то у Литовца: ему рисуется образъ горячо любимаго ребенка, на которого не надышется вся семья, которому удѣляется все лучшее: вся роскошь, всѣ ласки родныхъ. «Дочку ростили, въ гусли звонили, въ люлькѣ

¹⁾ Svtbinė Réda Velū nyčiu Lietuviai, surašyta par Antaną Juškévičę 1870-métuse. Казань. 1880 (въ цитатахъ просто Svr.), с. 79.

²⁾ Такъ называются главныя служебныя лица свадьбы.

³⁾ Lietuviškos svotbinės dajnos, užrašytos par Antaną Juškéviče ir išspaudintos par Jóną Juškévičę. Спб. 1883. (цитируется JSvd.) № 159, 218, 259, 266, 277, 455, 457, 500, 528, 546, 642, 894.

J. 874, 877.

Сборникъ пѣсень Фортунатова и Миллера. XVII (цитир. Ф. М.). Brugmann und Leskien. Littauische Volkslieder und Märchen. 1882 (цитир. LB) № 133 (изъ сборника Лескина).

⁴⁾ Караджѣ, Српске народне пјесме. У Бечу. 1875. II т., стр. 10:

Па погледа на златну колевку,
Ал'јој чедо седи у колевки,
Па се игра јајуком од злата.

качали, кольцомъ забавляли», говоритъ одна пѣсня; описывая хлопоты матери около малютки дочки, другая пѣсня прибавляетъ: «румянымъ яблочкомъ забавлала, она мнѣ красиваго личика желала».

Перейдемъ къ другому виду оракій, къ той просьбѣ свата пустить жениха въ домъ невѣсты, о которой я упомянулъ раньше, какъ о второмъ видѣ оракій. Ноѣзжане невѣсты всячески оказываютъ препятствіе сватѣ жениха, завязывается борьба, но женихъ оказывается сильнѣе, и пробирается къ самой двери, которая пропустила одного только свата, захлопывается передъ остальными. Вотъ наиболѣе интересная изъ извѣстныхъ мнѣ рѣчи свата (изъ рукописи Мицкевича): «прежде всего воздаю славу Господу Богу, Творцу неба и земли, и всей Пресвятой Троицѣ, и этого дома основателю и основательницѣ, отцу, матери, господину старшому и госпожѣ свахѣ и всей этой бесѣдѣ, упрощенной, а не списанной. А мы странники изъ города, идемъ въ мнѣ это приглашенные, къ зеленой рутѣ, нареченной тѣмъ юныши юношей, зелеными Божими деревцами, и отцомъ его и матерью того, кто хочетъ сорвать зеленую руту. Вотъ ужъ триста лѣтъ, какъ мы странствуемъ, если итти днемъ и ночью, безъ передышки; прошли мы лѣсь, словно камышъ: блуждали мы въ немъ день и ночь, много непріятелей въ той пущѣ оставили, изъ двухъ тысячъ едва восемь остались; великое число нашихъ братьевъ было, безъ малаго—всѣ погибли. Какъ только выѣхали мы изъ своего мѣстечка,ѣхали мы, блуждали цѣлую ночь, вѣѣхали въ славное большое мѣстечко, въ которомъ, какъ рута зеленая, барышня живеть; но вотъ заблудились, не можемъ отыскать, будьте добры намъ путь указать. Мы по знаемъ, можетъ быть, это и есть то самое мѣсто, куда намъ тѣмъ юнымъ юношей, зелеными Божими деревцами, скакать приказано. Потому спрашиваю я васъ безъ шутокъ: вѣдь вы видите, что у насть голова закружилась, не отъ пьянства трасутся у насть ноги, отъ страха, что среди темной ночи итѣть ни знака дороги; съ горемъ велпкимъ мы юда пришли, чутъ смерти въ томъ лѣсу не нашли. Много мы вытерпѣли въ той пустынѣ, дайте же, прошу васъ покорно, намъ почлегъ; недолго мы пробудемъ, недолго прогостишь, всего девять мѣсяцевъ, покуда отдохнемъ. На ногахъ мы не тверды, съ ногъ валимся; не браните насть, какъ пьяныхъ; вотъ ужъ восьмой день, какъ не видѣли мы корочки хлѣба; трудно намъ такую бѣду терпѣть, еле на ногахъ можемъ стоять. Остановились мы среди пустыни, говоримъ между собою: «пришли мы къ концу пути, итѣть спасенья, всѣхъ смерть валигъ». Если бы началъ я вамъ всѣ несчастія въ бѣды разсказывать, никто изъ васъ не могъ бы отъ слезъ удержаться: какъ бобы, потекли бы у насть слезы по лицу и по пяткамъ. Какъ только мы изъ дому въ путь пустились, тогчасъ въ великии пустыни углубились; по чащѣ лѣса и выскакатъ нельзя: дерево отъ дерева на цѣлую милю, а верхушки деревьевъ коней за ноздри хватаются. Потомъ поднялся великий вѣтеръ и штурмъ, цѣлую ночь какъ изъ ведра дождь лилъ; вотъ давай-мы по пустынѣ бѣгать, большаго дерева искать; нашли огромную разросшуюся ель, вотъ подѣздили, все еще на половину видно. Съ полночи дождь пересталъ, другая бѣда встала: какъ стало отъ жару жечь, въ дрожь кинуло насть всѣхъ, мы ужъ думали, что намъ и пе стерпѣть. Слава Богу, начало разсвѣтать, а никто изъ нашего общества топора не имѣлъ; нѣгдѣ достать топора: побѣхали мы черезъ лѣсъ, чащу лѣсную, высоту древесину; вершины коней ужъ за подбрюшину хватаются. Черезъ шесть дній выѣхали мы на волю—на просторъ, кони притомились, на лугу остановились; чудеснейшая трава, именно паръ взбороненный, на которомъ бороновала огромная толпа народу; насть они выбрали, а коней нашихъ забрали; ужъ мы не знали, куда намъ и дѣваться; пошли мы, что еще остались, пѣши около коней, слезы стали по лицу на землю катиться. Потомъ прїѣхали мы къ морю—сграшио взглянуть: широта въ польшина, а глубина-то пѣтуху до колѣнъ; долго памъ тутъ пришлось ожидать, чтобы какъ-нибудь вышло такъ, чтобы не такъ глубоко было намъ переходить; сказали товарищи: «нечего намъ здѣсь долго ждать, примемся море переплыть!» Какъ только мы начали плыть, глядь—пятьсотъ человѣкъ захлебнулось; какъ начали шлепать отъ мора, пришли къ горѣ—страшно смотрѣть: величина—и не высажешь, а вышина

и длина—безъ малаго поль-аршина, а на той сторонѣ горы мухъ видно, а гора-то вся деревьями обросла такими прямими, какъ свиная острая щетина. Говорятъ товарищи: «чего намъ у этой горы долго ждать, попробуемъ мы ее сломать!». Какъ начали мы гору ломать—глядь, тысяча человѣкъ съ той горы обрушилась, но то были все люди, что тамъ жили, а изъ нашихъ никого не погибъ, потому что все отборные люди были: такие воинственные, какъ Давидъ, мудрые, какъ Соломонъ, сильные, какъ Самсонъ. Рассказывалъ я вамъ о лѣсной величинѣ, о горной вышинѣ и крѣпости: вотъ ужъ 300 лѣтъ, какъ мы странствуемъ, а нигдѣ безлѣснаго пути не находили: клены и дубы и ясени, какъ гнилушки, мы съ корнемъ вырывали, горы покидали разваленными, а подгорья сравненными; да и въ концѣ нашего пути не мало силы мы должны были положить: встрѣтили мы великое множество бунтовщиковъ; было имъ запрещено дома ночевать, а когда мы ихъ увидѣли, они бунтовали, въ рукахъ дубины держали. Они хотѣли насъ завоевать и спокойно себѣ ночевать, но мы этого не позволили: пусть они съ нами здѣсь позабавятся. Прошу поэтому: будьте такъ добры, дайте намъ ночлегъ, не гоните дальше: мы не долго будемъ, не долго прогостишь: только девять мѣсяцевъ, пока отдохнемъ; просимъ у васъ скамью и бѣлый столь уступить, льнянымъ цвѣтомъ покрыть, святой свѣткой освѣтить; просимъ два пуда масла, и шива хоть двѣнадцать бочекъ, хлѣба бѣлого щепичного просимъ, чтобы было намъ дано краснаго молока, чтобы старухи напившись любъ наморщили, пару быковъ откорытенныхъ, гусей десятокъ выйтѣть на нашъ малый полкъ; дайте нашимъ конямъ сгойло, и овса и зеленаго сѣна, а намъ дайте по мягкой постели, а рядомъ каждому по барышнѣ, а, если молодыхъ не достанете, такъ хоть старыхъ не пожалѣйте, хоть съ двумя зубами, какъ кликами, только чтобъ не охали, чтобы уснувшіи покою дали. Голову склоняю, рѣчь кончай; карманы прорывались, слова Божіи просыпадись. Не я одинъ виноватъ и портной виноватъ: чего карманы не зашиль; даль я сапожнику зашить: какъ онъ принялъ иглой водить, такъ всѣ моп лучшия словечки и выковыряль».

Вариантъ этой оракулѣ настолько любопытенъ, что я приведу нѣсколько мѣстъ изъ него: Sgr. 24—25: «Отъ начала свѣта была земля безъ короля. Съѣзжалось двѣнадцать королей, думали они день и ночь, какъ нужно королевича обѣянѣть, какъ выбрать ему богоизбѣнную, людей стыдящуюся королевну. Дали ей войска 12 ты-сячи воиновъ. Были у нихъ кони осѣдланные, уздою взнудданные. Куда ониѣхали, тамъ были заборы не загорожены, ворота не заперты, двери не затворены, лавки не заняты, столы убрани ячменной кровью на столѣ, пшеничнымъ колосомъ на концѣ» и далѣе: «когда мыѣхали съ востока на западъ, день и ночь мы спотыкались, глубокія рѣки переходили, высокія горы перелѣзали и долѣзли до дерева оливы. На томъ деревѣ защебетала прекрасная пташка. Но то не пташка защебетала, а Господь на небесахъ проговорилъ такими словами слугамъ своимъ: «вотъ побѣжжайте по той лѣс-ной моей просьбѣ, по дорогѣ сдѣланной» и т. д.

Судя по извѣстнымъ мнѣ вариантамъ, я думаю, что въ этомъ родѣ оракулѣ мы находимъ оди и разсказъ, пародию на одну сказку, которая впослѣдствіи расчленилась и перестала пониматься какъ одна. Молодецъ-богатырь ищетъ красавицу, на пути совершая подвиги. Передъ нами какъ будто пародія на рыцарскій романъ, давно окрестыпившейся. Онъ встрѣчается и въ краткихъ эпизодахъ другихъ оракулѣ, напр. въ рѣчи при подачѣ вѣнца (по сборнику Мицкевича): «вотъ пошелъ юный молодецъ со слугой своимъ вѣрѣйшимъ и покорѣйшимъ черезъ лѣсъ зеленый и увидѣлъ онъ въ томъ зеленомъ лѣсу лавандовый садикъ, въ томъ лавандовомъ садикѣ винное дерево, на томъ деревѣ золотой стуликъ, на томъ стуликѣ пташка щебетала: то самъ Господь, царь небесный, говорилъ со слугою своимъ» и т. п.

Не буду долго останавливаться на мистическомъ значеніи оливъ и винного дерева (*vynmedis*), о которомъ въ одной пѣснѣ поется: «кричать и щебечутъ

¹⁾ Великаны—ломатели горъ часто встречаются въ латышскихъ народныхъ сказкахъ.

шашки на вѣткахъ винного дерева»¹⁾; и пѣ хочется указать, какъ по народному представлению Богъ, усердно отыскиваемый въ своемъ царствѣ юношей, принимаетъ не-посредственное участіе въ его свадьбѣ. Этимъ лѣтомъ мнѣ удалось записать отъ 90-лѣтнаго старика сказку съ тѣмъ же символами: простой незнатный человѣкъ хочетъ жениться на царской дочери, и царь даетъ свое согласіе, если онъ привнесетъ грамоту отъ самого Бога. Послѣ долгихъ приключений юноша приходитъ въ царствіе Божіе, где старичекъ, сидящій въ свѣтлотѣ у столика, подалъ ему разрѣшеніе, писанное золотыми буквами, о приключенияхъ юноши, который отправляется то къ Богу, то къ дьяволу, существуетъ и латышская сказка. См. напримѣръ «Bagatais Mārtiņš» въ Ielgavas... Rakstu krājums. III. Ielgava. 1893. стр. 23—28.

Теперь передъ нами рѣчъ, въ которую народъ вложилъ все свое уваженіе къ чистотѣ дѣвушкѣ. Такъ какъ это чувство въ значительной степени выросло на почвѣ католицизма, то и въ оракулѣ этой виѣсто сказочнаго элемента мы находимъ большую привѣтъ католическихъ легендъ, апокрифическихъ сказаний, духовныхъ нѣсеній. Прежде всего приведу одну изъ самыхъ краткихъ и виѣсто съ тѣмъ поэтическихъ оракулѣй: Svg. 95—96 «Миръ входящимъ, радость здѣсь живущимъ! Прежде всего склоняю голову свою передъ Господомъ Богомъ, Творцомъ неба и земли, и этими любезными лицами, собраніе которыхъ я вижу здѣсь, и всего низажише и покорнѣйше передъ тобой, дѣва юная! Нѣть дня счастливѣе, чѣмъ сегодняшній день. Какъ роза или лилія прекрасна ты, юная дѣва. Наши прадѣды, дѣлая вѣнки изъ золота, перловъ и дорогихъ діамантовъ, свидѣтельствовали этимъ о чистотѣ дѣвицы; если кто не имѣлъ болѣе дорогихъ прекрасныхъ вещей, долженъ былъ приносить вѣточку съ дерева; такъ и я сегодня должна была видѣть въ этотъ привѣтный рутовый садикъ, въ которомъ выросла рута, выросла, разрослась, чистѣйшимъ цветомъ разцвѣла, рабскими благоуханіемъ запахла; вотъ держу я изъ этой руты свитый зеленый вѣночекъ, которымъ покрываю я тебя, какъ облакомъ, на который указываю я тебѣ, какъ на солнце. Какъ прекрасенъ онъ на видъ, такъ легокъ для ношенія. Шлеть черезъ меня—слугу своего—этотъ юноша названный и прославленный Іонаитисомъ къ этой добродѣтельной дѣвицѣ Барбеле подарки дѣвическіе: не золото, не перлы, не дорогие діаманты, а только этотъ зеленый рутовый вѣночекъ, который она заслужила не иллюстраціемъ войска, не крѣпостю стѣнъ, не шумомъ оружія, не отважностью воиновъ, но прекраснѣйшимъ качествомъ дѣвичества своего. Вотъ и я могу поздравить эту прекраснѣйшую дѣву такими словами: живи сто лѣтъ, въ радости считай эти жемчужные дни. Чистая дѣва, честно и благопристойно выносила ты этотъ вѣночъ, и теперь въ церкви у алтаря ты отдашь его. Ты сможешь получить у Господа поясъ небесный, но уже не вернешь жизни своей. Счастливы годы, когда я досталь этотъ привѣтный рутовый вѣночекъ, что дороже золота, перловъ и важнѣе драгоценныхъ діамантовъ. Прошу, чистая и прекрасная дѣва, взять его изъ довѣренныхъ рукъ моихъ въ бѣлымъ руки свои, и надѣть на голову свою; когда надѣнешь, прося у Бога счастливой жизни, а послѣ жизни царствія небеснаго». Мы должны отмѣтить теперь вставные элементы этой оракулы. Прежде всего сказаніе о Соломонѣ. Въ приведенной рѣчи сказано о невозможности вернуть прошлой жизни, головъ дѣвичества; варианты добавляють, что это невозможно такъ же, какъ было невозможно предпріятіе Соломона: «такъ и царь Соломонъ, царь царей, желая узнать небесную вышину, морскую глубину, занять крылья у птицы грифа, но они отвалились отъ солнечныхъ лучей и упали онъ на землю, не достигнувъ небесной вышины, морской глубины» (сборникъ Мицкевича). Тотъ же образъ находится, по видимому въ сербскихъ народныхъ сказкахъ; по крайней мѣрѣ, г. Пыпинъ (Исторія славянскихъ литературъ. Томъ I. Спб. 1879. стр. 62) упоминаетъ о южно-славянскихъ сказочныхъ преданіяхъ, которымъ приписываютъ Соломону полетъ на грифахъ (ср. также А. Веселовскаго. Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада.

1) Bezzemberger. Litanische Ferschungen. Göttingen. 1882. № 35, стр. 20.

Слб. 1872, стр 213, прим. 2). Къ католическимъ же апокрифамъ, можетъ быть, нужно отнести эпизодъ о коронѣ Богоматери: «такъ и Мать Пресвятая была увѣчана короной изъ двѣнадцати звѣздъ сплетеной, лилиями украшенной» (ibd). Католическая легенда видна, можетъ быть, п въ сказаніи о времени, когда разцвѣтаетъ рута: «эта зеленая рута въ калядское утро рано выросла, въ утро Велика Дня радостно процвѣла» (ibd), съ чѣмъ нужно сравнить одну пѣсенку (Juškov. Liet. Dajn. № 1469): «Господь Иисусъ скакалъ, всѣ радостно пѣли, а въ Великое утро лилии процвѣла»; у католиковъ, насколько мнѣ известно, подобное поется про розу. Наконецъ сравненіе чистой дѣвицы съ св. Агнессой, Маргаритой и т. д., которое я нашелъ въ рукописномъ сборникеъ Зыкуса, ведетъ свое происхожденіе оттуда же. Остается отмѣтить отношеніе оракій къ духовной пѣсни; въ одномъ варианте (Svgr. 94) мы находимъ: «какъ радуются сердечки юныхъ дѣвъ, гуляющихъ въ саду, когда весной выростаютъ и распускаются лилии... но какъ скоро они теряютъ свою красоту и чистоту, когда захватить ихъ морозъ» и т. д. Сравнить съ этимъ искусственную пѣсню, записанную въ Полангенѣ въ этомъ году: «Въ серединѣ лѣта цвѣтеть много растений и душистыхъ цвѣтовъ. О, что за разцвѣгъ, что за благоуханіе этихъ растений на лугу! Но приходить юноша съ косою, срѣзаетъ растеніе. О, что за увиданіе, что за гибель ихъ, этихъ душистыхъ цвѣговъ. О, юные дѣвы, если вы будете доброго нрава (—моды), никто не отниметъ у васъ ни добродѣтели, ни состоянія дѣвичества» ¹⁾.

Наконецъ мы находимъ въ этой оракіи элементъ совершенно неожиданный, языческій. Я говорю о літвовскомъ божкѣ Лаймѣ (Svgr. 93): «Еслибы Лайма опредѣлила мнѣ указать тѣ пути и тропинки, по которымъ я могъ бы попасть въ этотъ привѣтный садикъ зеленої руты и принести оттуда золеный рутовый вѣночекъ». Лайма,—указательница пути, исконное балтійское именіческое существо: мы имѣемъ цѣлый рядъ латышскихъ иѣсень, въ которыхъ ясно выступаетъ эта роль Лаймы ²⁾: въ золотомъ ручѣ, разсказывается, въ нихъ, купаются три Лаймы, изъ которыхъ одна говоритъ сироткѣ, какъ ей пройти къ могилѣ матери. Такъ слились въ одной оракіи самые разнообразные элементы.

Къ свадебнымъ рѣчамъ причисляется народомъ, обыкновенно, деверь о повышеніи свата. На этомъ оригинальномъ обрядѣ мы должны остановиться нѣсколько болѣе. Какъ я имѣлъ уже случай сказать, свать въ літвовской свадьбѣ играетъ чрезвычайно большую роль: это представитель жениха, замѣститель его во всѣхъ нехристіапскіхъ обрядахъ, наимекающихъ на увозъ и покупку невѣсты. Только этимъ можно объяснить то ожесточеніе, съ которымъ невѣста осыпаетъ его самыми обидными словами, самыми язвительнѣмыми насмѣшками, почему его вѣчно преслѣдуетъ вся родня, всѣ побѣждаютъ невѣсты. Впослѣдствіи къ образу свата—жениха—покупщика и увозчика присоединились позднѣйшия черты: свать уже не является лицомъ, на которого перенесенъ образъ языческаго жениха, несовѣтный съ образомъ жениха христіанскаго; свать становится лицемъ самостоятельнымъ, приближеннымъ къ женеху, его довѣреннымъ; ему приходится всячески лгать, чтобы заслужить одобрение жениха; онъ долженъ осматривать все достояніе невѣсты. «Это ужъ дѣло лжеца-свата, что пришлося показать все имущество», говоритъ одна пѣсня ³⁾. «Лгунъ мошенникъ-свать», говоритъ другая пѣсня (сборн. г. Довоини-Сильвестровича. № 21): «въ славное мѣсто ты меня высыпалъ; говорилъ: на горѣ рожь, подъ горою пшеница. Неправда: на горѣ метелка, и подъ горою одинъ репей. Говорилъ: каменный дворъ, хрустальная окна. Какъ пришла я мододая ничего доброго не нашла. Ахъ ты лгунъ-мошенникъ, свать, дамъ я тебѣ подарочки: стволъ сосенки да березовый галстучекъ» ⁴⁾.

¹⁾ Сборникъ М. Довоина-Сильвестровича, въ «Живой Старинѣ», IV вып. 1893 г., гдѣ указаны и варианты.

²⁾ Musu Tautas Dzēsmas.. Agoni Matīsa Rīga. 1888. № 215, 217.

³⁾ Рукописный сборникъ Бурбы, принадлежащий Импер. Русскому Географическому Обществу, пѣсни № 2.

⁴⁾ Ср. JevD. 763—766, 784, 811, 813. LB. № 4 (изъ сборника Бругмана).

Тутъ ужъ невѣста собирается мстить, но ся месть является не насилиемъ, но актомъ правосудія за покражу живаго человѣка. Вынуждается и наряжается особеннымъ образомъ судья, которому поручается разсмотрѣть, какъ и гдѣ казнить злодѣя. Понятное дѣло, что мѣры предлагаются шуточныя: посадить въ сарай, и черезъ стѣну забодать ножкой гриба, или на теплой печкѣ заморозить и т. п. Народное остроуміе въ полномъ ходу при опредѣлѣніи времени, когда выданъ декретъ королемъ Жигитой (т. е. Сигизундомъ?); это было тогда, когда желѣзоклювы по землѣ летали и гдѣ, не нужно, темными глазами черезъ щелку смотрѣли; когда волкъ съ козой свадьбу справляли, барсукъ поваражъ былъ, а воробей сватомъ; еорока пиво варила и т. д., во вкусѣ столь любимыхъ литовцами несообразностей¹⁾). Затѣмъ сообщается о рождениіи самого героя— свата. Онъ появился на свѣтъ чудеснымъ образомъ: волкъ, роя лапами яму, вышибъ его изъ пня; онъ былъ такъ малъ, какъ сночикъ бобовъ, но онъ уже былъ лжецомъ и дикимъ воромъ (днѣкѣй-dýkas—въ смыслѣ праздный, въ старорусс. значеніи)²⁾). Мальчикъ схватилъ за хвостъ волка, который со страху пустился бѣжать, но въ одной деревнѣ мальчикъ оторвался вмѣстѣ съ волчьимъ хвостомъ, выросъ въ кустахъ у деревни и сталъ великимъ лгуномъ и воромъ. Вотъ онъ приходитъ сватомъ и начинаетъ описывать дѣвушкѣ богатство жениха: у него де сырьомъ мости мощены, пруды молочные, колодцы сметанные, колыя селедками утыканы, заборы колбасные и т. д.; на дѣлѣ оказалось совсѣмъ иное. Поймали лгуня и казнить. Его замѣняетъ, конечно, кукла, сдѣланная изъ соломы, но кое-какія черты, сохранившіяся въ этомъ обрядѣ, указываютъ на то, какъ несладка была участъ пойманаго жениха. — На этомъ повѣшеніи свата литовская свадьба кончается.

Мнѣ остается еще коснуться вопроса о хронологіи оракуй. Можно ли ихъ считать только балагурствомъ, или же онъ восходятъ къ отдаленному прошлому и имѣютъ дѣйствительную почву? Если нельзя указать прямого или близкаго источника, откуда заимствованъ, напримѣръ, рассказъ о странствованіи жениха, а можно только указать соотвѣтствующія темы въ другихъ народныхъ поэзіяхъ, то здѣсь и просто одинаковый явленія могли вызвать одинаковый слѣдствія: описание женихова путешествія можетъ быть воспоминаніемъ, пародіей на воспоминаніе, обратившееся уже въ сказку, дѣйствительныхъ опасносостей, связанныхъ съ путешествіемъ и похищеніемъ невѣсты. Еще менѣе походить на простую забаву повѣшеніе свата, потому именно, что тотъ же образъ дѣвушки, прелѣщеній необыкновенными богатствами жениха, мы находимъ въ цѣломъ рядѣ пѣсень, гдѣ личность свата замѣнена то самимъ женихомъ, то, что еще болѣе важно, казаками, похитившими дѣвушку, — пѣсень, гдѣ тонь уже изъ шутливаго переходитъ въ серьезный и изложенію становится драматичнымъ; такъ какъ, кроме того, и другіе обряды литовской свадьбы указываютъ на похищеніе (это—препятствія, оказываемыя жениху около дома невѣсты, поиски невѣсты подъ простыней и т. п.), то, я думаю, вѣроятнѣе видѣть здѣсь опять таки переживаніе дѣйствительности.

На этомъ я оканчиваю свой очеркъ. Если мнѣ пришлось указать слишкомъ мало образовъ, найти слишкомъ мало подтвержденія вышеизложенной мысли о національномъ творчествѣ въ другихъ отрасляхъ народной литовской поэзіи, то при современномъ состояніи литовской этнографіи, когда громадный безпорядочно изданный матеріалъ лишенъ малѣйшаго освѣщенія, я не могу сдѣлать ничего большаго. Можно только надѣяться, что недавно возникшая литовско-латышская комиссія прольетъ иѣ-который свѣтъ въ эту, до сихъ поръ такую темную, область.

A. Погодинъ.

1) Ср. JsvD. 31, 285, 829, 904—906, 935, 963, 999, 1097. J. 559, 968.

2) Эта сказка несомнѣнно родственна съ одной латышской сказкой, существующей и въ русскомъ переводе г. Трѣбланда. Сборникъ материаловъ по этнографіи, издаваемый при Дащковскому этнографическому музею. Выпускъ II. Москва. 1887, стр. 160—161. Литовскіе варианты въ «Litauische Chrestomathie». Якоби.

О свадебныхъ обычаяхъ въ селѣ Корбанѣ, Кадниковскаго уѣзда Вологодской губерніи.

Намъ сообщили недавно нѣсколько данныхъ касательно свадебныхъ обычаевъ въ с. Корбанѣ, Кадниковскаго уѣзда. Такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ обычаевъ довольно интересны, то мы и считаемъ не лишнимъ подѣлиться ими съ читателями.

«Я пришелъ на дѣвичникъ, сообщаетъ намъ очевидецъ, довольно поздно и многаго видѣть не могъ. Когда я вошелъ въ избу, въ переднемъ красномъ углу сидѣла «говорѣнка». Послѣдняя одѣтая была въ грубую холщевую рубаху и сарафанъ, сарафанъ держался только на одной верхней пуговицѣ и проймахъ, пояса не было; на ногахъ «говоренки» были надѣты лапти на босу ногу, а на головѣ кокошникъ, прикрытый сверху платкомъ, въ косѣ завита была алая лента. Рядомъ съ невѣстой сидѣть «плакуша». Плакуша начинаетъ на распѣвъ слова причета, невѣста подхватываетъ и низко всѣмъ кланяется. Въ избѣ была толпа парней и дѣвушекъ. Привожу здѣсь буквально слова причета.

Ужъ я що же засидѣлася,
На ково я заглядѣлася,
Какихъ басенъ заслушалася —
У подружекъ голубушекъ,
У сестеръ бѣлыхъ лебедушекъ.
Ужъ какъ мои ти подруженьки
Веселы сидѣть.
И радоши онѣ шуточки шутятъ,
Они дворочки — дворятъ.
Ужъ какъ мнѣ горе горькой
Шутка — дворня на умъ нейдѣть.
Крушинушка съ ума нейдѣть.
И нейдѣть съ ума съ разума.
На часокъ на малешенекъ,
На одну-ту минуточку.
На дворѣ день разсвѣтается,
Матка заря знаменуется
Со лучами со ясными,
Со морозами холодными.
Мнѣ пора горе горькой
Можно знать можно вѣдати.
Не течеть солицѣ по лѣтнему,
Не обогрѣеть по снѣжинному.

Когда причетъ окончился, началось «красованье». Невѣсту посадили на нарочно принесенную для этой цѣли ступу, покрыли одѣяломъ, а сверху салфеткой и оставили въ избѣ одну. Въ избѣ никого съ невѣстой не было. Такъ сидѣла невѣста около часу, послѣ чего подруги невѣсты, столпившись у окна, запѣли «баню», пропѣвъ ее, подъ окномъ онѣ ворвались въ избу и стали пѣть въ избѣ. Помышляемъ здѣсь слова той пѣсни.

Такъ я ждала дождалася
Батюшкина покликанья-ча,
Матушкина побужданья-ши.
Не покликаетъ сударь батюшко,
Не побуждаетъ родимая матушка
Меня горе горькою,
Не наряжаетъ меня тетушка
На какѣ работушки;
Не посыаетъ по дровячя по березовѣ,
По водичу по клюцѣвую.
Тамъ она ходить обряжаетчя
Да и ходить по малехонкю
Говорить то потихонеинкю,
Не разбудить що бы мнѣ
Люба племята.
Она ходить обрежаетчя,
За небеса хватаетчя.
Она какъ первый разъ побудила,
Одіядьчемъ закутала,
А въ третьѣй разъ побудила.
Ты ставай мое племято
И чесши буйну голову».

Ужъ я ходила горе горькая
На мосты на калиновые,
Со мостовъ со калиновыхъ
Кругъ дверей увидаючи,
За скобью принимаючи,
Отворю двери на пяту,
Я на правую рученью.
Я вступлю молодехонька
На кирпичицу середу,
Со кирпичныё середы
На подъ край дубови пола,
Подъ красное окошечкѣ,
Можно ли въ очи увѣдити,
Свою подружью голубушку.
Какое дѣло перѣдила,
Какую службу наспутала,
Этой мы дѣло сдѣали,
Эту мы службу сослужили.
Мы сходили же, подруженьки,
Ко кузничамъ, да ко мастерамъ,
Мы сковали же, подруженьки,
По топору себѣ по острому,
Мы сходили же, подруженьки,
Во лѣса мы во темныѣ,
Во дубровушки зеленыѣ,

Мы срубили же подруженьки,
По бреветку по сосновому,
По другому по еловому,
Какъ и наша тепла протка (баня)
По сырь пору рушена,
Вожена на красѣ,
Катана на бѣлыkh коняхъ.
Она поставлена на путь,
Она поставлена на путь, да на доро-
женкѣ,
На красивоемъ мѣстечкѣ,
На крутомъ, красномъ бережкѣ;
Какъ у нашей у паруши
Плотники были московскіе,
Работники петербургскіе.
Щѣдъ у нашей паруши
Трои дверецки стекольчатыѣ,
Три окошечка косеящатыѣ...
На первомъ на окошечкѣ
Лежить брусья мыла изъ Костромы,
На другомъ то па окошечкѣ
Стоить бѣдиль ту бѣдильничка.
И мазиль ту мазильничка,
На третьемъ на окошечкѣ
Лежить дивицѧ красота».

Пропѣвъ эту пѣсню, дѣвушки повели невѣstu по общепринятому обычаяу въ банию, чѣмъ и закончился дѣвишникъ.

На слѣдующій день холостые ребята, товарищи жениха, «пропивали» жениха, т. е. устроили безобразную повальную попойку. Перепившись повели пьяного жениха къ невѣстиной избѣ. Невѣstu вывели подруги ея изъ избы, послѣ чего послѣдняя бросилась бѣжать въ поле. Женихъ долженъ былъ изловить невѣstu. Когда жениху удалось поймать невѣstu, и жениха и невѣstu отвели въ невѣстину избу и оставили ихъ на нѣсколько минутъ однихъ въ двоемъ въ избѣ. Черезъ нѣсколько минутъ женихъ вышелъ къ молодежи, стоявшей въ сѣняхъ и объявилъ присутствующимъ, что завтра у него будетъ свадьба и что онъ просить всѣхъ къ себѣ «на пиръ на свадьбу».

Послѣ этого присутствовавшіе разошлись, остались только подруги невѣсты.

Къ несчастью, очевидецъ не сообщаетъ намъ конца свадебнаго ритуала. Тѣмъ не менѣе и въ сообщеніяхъ наимъ обычаяхъ нельзя не видѣть остатковъ глубокой старинны. Напр. ловля женихомъ невѣсты не есть ли это остатокъ прежняго «умыканія» невѣсты?...

Приведенные выше свѣдѣнія сообщены намъ бывшимъ нашимъ воспитанникомъ, нынѣ сельскимъ жителемъ Василиемъ Михайловичемъ Битоцкимъ; сообщены въ апрѣль мѣсяцѣ текущаго года. Изъ сообщеній г. Битоцкаго видно, что мѣстность, где находится с. Корбанка, отличается множествомъ старинныхъ своеобразныхъ обычаевъ среди местнаго населенія.

A. Балогъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ.

Нѣсколько лѣтъ занимаясь собираниемъ библіографическихъ материаловъ для географіи, этнографіи и статистики Литвы, я не упустилъ изъ виду печатный библіографіческій материалъ по литовскому языку, который составилъ въ моемъ сборникѣ библіографическихъ материаловъ VI отдѣлъ, именно «литературу литовского языка». Сколько же было доступно, я во все это время собирая библіографическая свѣдѣнія и о рукописяхъ по изученію литовского языка и письменности. Но эти свѣдѣнія не были внесены въ сборникѣ библіографическихъ материаловъ, за исключениемъ нѣсколькоинъ словарей, какъ то Юшкевича, Межинска и др. потому что не имѣлось точныхъ свѣдѣній о самихъ рукописяхъ. Въ послѣднее время же удалось вѣнчаниемъ пополнить этотъ материалъ, благодаря любезности гг. Дойчно-Сильвестровича, П. Краучунаса и др., сообщившихъ нѣкоторыя свѣдѣнія о рукописяхъ, именно о рукописяхъ Побрежи и Ивицкаго. Но тѣмъ не менѣе, предлагаемая библіографическая свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ, можетъ быть покажутся сомнительными и далеко не полными, такъ какъ они составлены не по самимъ рукописямъ, а извлечены изъ разныхъ сочиненій, сообщающихъ свѣдѣнія о литовцахъ, ихъ жизни, языке и письменности.

Фойгтъ, историкъ Пруссіи (Voigt, Geschichte d. Preussen, I, p. 258), разсказываетъ въ своей истории, что папскій легатъ Вильгельмъ графъ Савойскій, епископъ Моденскій, жилъ въ Пруссіи около 1223 года и, изучивъ литовский языкъ, перевѣлъ на литовскій языкъ грамматику Доната, и что эта рукопись въ ватиканской библіотекѣ могла быть хранима. Объ этой рукописи говорить Тунманъ (Thunmann. Untersuchungen. p. 217 и 241). (Krause Litt. p. 134. Jaroszewicz. Obraz Lit. I, p. 225).

Мадѣевскій въ своемъ труде „Литовскіе Евреи“ на стр. 40 упомянулъ, что великий князь литовскій Витовтъ далъ литовскимъ евреямъ въ Луцкѣ въ 1388 г. привилегію, которую можно найти въ сборникѣ Дзялынскаго (Zbiór praw litewskich. Pozn. 1841). Эта грамота была писана по русски, но евреи, именно троцкіе, перевели ее на литовскій языкъ, разумѣется потому, чтобы литовцамъ было понятно, какія права далъ князь евреямъ. Такъ какъ въ указанномъ сборнике нѣть литовскаго текста, то надо полагать, что литовскій переводъ этой грамоты остался въ какомъ либо архивѣ.

Болѣе точные свѣдѣнія имѣмъ о слѣдующихъ рукописяхъ.

Августинъ Ямундъ, пасторъ въ Рагнитѣ, переводилъ на литовскій языкъ Новый Завѣтъ, но смерть, послѣдовавшая въ 1576 году, не позволила окончить этотъ переводъ. (Rhesa, Gesch. Lit. Bibl. p. 7.—Dzienn. Wil. 1824 I p. 382).

Бреткунасъ Иоаннъ пасторъ въ Кенигсбергѣ съ 1587 по 1602 гг. началъ переводить Новый Завѣтъ въ 1579 г., живя въ Лабяви и окончилъ въ 1580 г., а въ 1585 г. сталъ переводить Ветхій Завѣтъ и въ 1590 г. кончилъ переводъ, и такимъ образомъ вся библія была переведена на литовскій языкъ подъ такимъ заглавиемъ: «Biblia tatai esti wisas szwentas rasz'as lietuviszkai pergaulditas per. Jona Bretkuna 1590 m.». Эта рукопись состояла изъ 8 томовъ: 5 томовъ ветхаго завѣта въ листъ и 3 тома новаго завѣта 4⁰. Эти рукописи приобрѣтены для библиотеки маркграфа Пруссскаго въ 1599 году 14 февраля въ Кенигсбергѣ. (Rhesa, Gesch. Lit. Bibl. p. 7).

Иванъ Яхновичъ (іезуїтъ) написалъ литовскую грамматику около 1660 года. По мнѣнію г. Краузе, эта рукопись въ библиотекѣ Ягеллонскаго университета въ Краковѣ. Яхновичъ род. 1589 г., умеръ въ 1668 г. въ Вильнѣ. (Krause Litt. p. 135, Rhesa Prutena p. 74).

Преторіусъ Фридрихъ (пасторъ) въ Жиляхъ съ 1646 по 1695 г. составилъ словарь литовско-нѣмецкій, написалъ катехизисъ на литовскомъ языкѣ въ вопросахъ и отвѣткахъ. Всѣ рукописи Преторіуса потеряны послѣ его смерти. (Krause p. 137).

Шеркунъ Яковъ пасторъ въ Вальтеркемахъ съ 1640 по 1707 года составилъ литовскій словарь, который послѣ его смерти потерялся. (Krause p. 137).

Гуртекусъ или Гуртеліусъ (Hurtelius Johaui 1660), сотрудникъ Клейна при исправлении духовныхъ пѣсень, составилъ, литовскій словарь, который послѣ смерти Гуртеліуса тоже потерялся. (Leppner, p. 115; Ostermayer Lieder Gesch. p. 153; Mitt. L. L. S. I p. 269).

Шульценъ Іеофілъ (Schultzen Theophil) пасторъ въ Катенавѣ съ 1662 по 1673 г. написалъ словарь «Deutsch-littauisches Wörterbuch». Шульценъ получилъ порученіе написать литовско-нѣмецкій словарь и учебникъ литовскаго языка, а при участіи Мюллера архипастора въ Иверстбургѣ этотъ заказъ, отчасти былъ исполненъ, но смерть Шульцена помѣшила окончательно эти заказы. Рукопись словаря вѣроятно въ тайномъ архивѣ въ Кенигсбергѣ, и, какъ полагаетъ профессоръ Нессельманъ, въ числѣ трехъ анонимныхъ словарей, хранящихся въ архивѣ.

Бродовскій Яковъ. Lexicon.-Lithuanico-Germanicum et Germanico-Lithuanicum u. s. w. Jacobo Brodowski Praeceptore Tremensi 1713—1744. f. Литовско-нѣмецкая часть этого словаря обработана и словарю (Haak) Гака, 461 стр.; нѣмецко-литовская часть обработана съ большими приложеніями, но къ сожалѣнію не полная, начинается словомъ «Abtiglen» стр. 39 и заканчивается словомъ «Scharwerk» стр. 1050. Рукопись въ тайномъ архивѣ въ Кенигсбергѣ. № 127 и 128. (Nesselmann. Wörterbch., предсловіе).

Словарь: Deutsch-Litauisches Wörterbuch in zwei Quartanten. 4⁰. 1226 и 1184.

Кромѣ этого, существуютъ еще три анонимныхъ нѣмецко-литовскихъ словаря, одинъ старый и два новыхъ. Каждый изъ этихъ словарей составляетъ толстый квартантъ. Старый словарь, какъ полагаетъ Нессельманъ, долженъ быть Шульцена или Преторіуса. Рукопись въ тайномъ архивѣ въ Кенигсбергѣ. (Nesselmann. Wörterb., пред.).

Лизіусъ Генрихъ. Lysius Henrich D-r. Der kleine Katechismus D. M. Lutheri, Deutsch und Litanisch 1719. Рукопись въ библиотекѣ Литовскаго Литературнаго Общества. Этотъ катехизисъ былъ напечатанъ въ Кенигсбергѣ въ 1719 г.

Шимельпфенигъ пасторъ въ Прокулѣ перевелъ на литовскій языкъ соч. И. Арита: «J. Oranto szeszios knygos apie tikra kriksszezionuma ir t. t. Шесть книгъ объ истинномъ христіянствѣ и пр. Гдѣ находится рукопись, неизвѣстно.

Кунцманъ Auszug aus Herrni Pfarrer Kunzmann geschriebenem Lexikon zur Completirung desjenigen von. Ruhigs. Рукопись передана наслѣдниками пастора

Рудольфа Якоби литовскому литературному обществу въ Тильзитѣ. (Mitt. Lit. L. G. p. 351).

Гофгейнцъ (Hoffheintz) суперинтендентъ въ Тильзитѣ напечь въ архивѣ Тильзитского пастората слѣдующія старыя рукописи:

1) *Kelios lietuviszkos Giesmes iszwerstos* по C. G. Mielke». Нѣсколько литовскихъ пѣсень, переведенныхъ на литовскій языкъ X. Г. Міелькомъ. 57 пѣсень (1770—1790). г.

2) *Maldu kuvgos ant kasdieniszko wartojimo lietuviszkose szuilese*. Молитвенные книги для ежедневнаго употребленія въ литовскихъ школахъ.

3) *Prastos giesmes*. Простыя пѣсни или неудачный переводъ пѣсень съ немецкаго на литовскій языкъ, пасторомъ X. М. Петшъ (Pötsch) 183 пѣсни. Эти рукописи найдены въ 1883 г. Mitt. it. hit. G. I, p. 263.

Mieľko Lituvisches Gesangbuch Manuskript zu dem Mielckischen litauischen Gesangbuch. Рукопись въ библѣотакѣ Лит. Литер. Общ. въ Тильзитѣ. (Katalog L. L. G.).

Lituvische Bibel. Briefe den Wiederabdruck der litauischen Bibel betreffend. Рукопись въ библ. илт. литер. общ. (Katalog.).

Sammlung lithauischer Wörter und Redensarten, die in den Wörterbüchern nicht alle befindlich sind. 4 Банде. Рукопись пожертвованна пасторомъ Беттихеромъ литовскому литер. общ. въ Тильзитѣ. (Mitt. Lit. Lit. G. I p. 350).

Буткевичъ Tarmrieda lenkiszka lietuviszka, parasyta par kun. A. Butkewicze bazilionci Правила разговора польско-литовскія написалъ кс. А. Буткевичъ базилианецъ. Неизвѣстно где рукопись; обѣ этой рукописи говорить Ивинскій въ календарѣ на 1860 г., стр. 66.

Virgilius. Artojiste (Georgica) перевѣль на литовскій языкъ кс. Касверій М. Богушъ около 1808 г. (Bib. pol. I, p. 29. Karlowicz. Rękopisma. № 2).

Пашкевичъ Діонисій составилъ словарь «*Słownik litewsko-polsko-lacinski*» 2 тома 4° отъ A до P; слѣдовательно словарь не полный, однако рукопись эта была завѣщана какъ полный словарь Каїетану Незабитовскому въ 1830 году (Magz. powsz. 1837, p. 229). Г. Карловичъ говорить, что г. Чудло видѣлъ этотъ словарь у адвоката Юрьевича въ Ковнѣ и предлагать за рукопись 18 руб.. (см. Jez. lit.) Пашкевичъ перевѣль на литовскій языкъ Эненду Виргилия, а рукопись приобрѣтена отъ родственниковъ Пашкевича г. Краучунасъ въ 1883 году. Кроме того, осталось въ рукописи нѣсколько стихотвореній, переведенныхъ съ польского языка и оригиналныхъ. Эти рукописи нынѣ у г. Матулониса. Вероятно г. Матулюньсь, разсмотрѣвъ упомянутыя рукописи и письма Незабитовскаго къ Пашкевичу, сообщить о нихъ что либо новое. Пашкевичъ происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1760 г. убить въ 1832 году, въ своемъ имѣніи Бордзяхъ Ковенской губ. Россіенскаго уѣзда Гирдинского прихода. злуумышленниками въ его дубѣ Баублісѣ, полагавшими что у Пашкевича найдутъ много денегъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ не оказалось.

Суткевичъ доминиканецъ составилъ словарь «*Słownik litewski*». Словарь литовскаго языка, составленъ по стариннымъ литовскимъ изданіямъ. Рукопись принадлежитъ Имп. Академіи Наукъ и подготовлена къ печати Э. А. Вольтеромъ.

Станевичъ Симонъ кс. занимался составленіемъ словаря «*Słownik Žmudžko-polski*» отъ A до K. Быть ли этотъ словарь полонъ, инѣ неизвѣстно. Рукопись въ архивѣ графа Шлатера въ имѣніи Гедиминайци, Ковенск. губ. Россіенск. уѣзда (Auszra 1885, p. 165. Liet. Bois. 1888, p. 138.

Графъ Юрій Шлатеръ составлялъ грамматику литовскаго языка, но только не окончилъ. Рукопись въ архивѣ его имѣнія Гедиминайци Ковенск. губ. Россіенск. уѣзда. Шлатеръ родился въ 1810 г., умеръ въ 1836 г. (Литовск. вѣсти. 1836, № 35, Auszra 1836, p. 166).

Гроссъ Симеонъ, монахъ бернардинецъ, живя въ кретингенскомъ монастырѣ, изучилъ жемайтскій языкъ и, полюбивъ его, написалъ грамматику жемайтского языка «*Kalbosrieda liežuwio žematiszka*» 1835 г. Волончевскій обѣ этой грамматикѣ говорить такъ: «эта хорошая книга до сихъ порь не напечатана и лежитъ въ типографії г. Марциновскаго въ Вильнѣ»; это было въ 1848 г. Wołoncz. Wiskupiste II, p. 78.

Pamoksłai lietuviszki. Литовскія проповѣди, рукопись въ ббл. доминиканскаго монастыря въ Россіеняхъ, свѣд. сообш. М. Довоина-Сильвестровичъ.

Олехновичъ Рафаиль кс. и Аント. Дроздовскій собирали народныя пѣсни, о которыхъ говорить въ своемъ трудаѣ академикъ Кеппенъ, сообщая, что Викентій Вильмікъ около 1825 г. собирался издавать эти пѣсни въ Вильнѣ; издание не состоялось; рукопись, можетъ быть, въ Вильнѣ. (Кеппенъ О пропсхожд. лит. языка, стр. 101).

Валиновичъ Сильвестръ написалъ сатирическую поэму на литовскомъ языке противъ пьянства, развившагося въ Жемайтіи во второмъ и третьемъ десяткахъ нынѣшняго столѣтія. Литовское заглавіе этой рукописи неизвѣстно. На польскій языкъ эту поэму перевѣль Лаврентій Ивпнскій подъ такимъ заглавиемъ: «*Kontubernia Palemonska czyli Plungiansko - teszewska*». Разборъ этой сатиры помѣщенъ въ «*Pamiętnikach P. Kamertona III* р. 237». Валиновичъ родился въ 1790 г., умеръ въ 1831 г.

Незабитовскій Каистанъ магистръ права по предложению канцлера графа Румянцева составилъ словарь «*Słownik polsko-litewski*» и «*litewsko-polski*», состоящій изъ иѣскоіыхъ тысячи словъ. Рукопись въ ббліотекѣ варшавскаго университета. Часть литовско-польская не полная, оканчивается словомъ kantupiti. Онъ написалъ также грамматику литовскаго языка: «*Gramatyka žmudko-litewska z uwzglendnieniem innych narzeczy litewskich*» 1837. Эта рукопись по видимому не полная, иначе въ рукахъ 2 г. Матулониса. (Mogz. powszek 1837, p. 228 и 229. Encykl. powsz. XVII р. 208 и XIX р. 448).

Пабрежа Амвросій Юрій монахъ бернардинецъ род. въ 1771 г. умеръ въ 1849 г. Пабрежа, долго живя въ Кретингенскомъ монастырѣ, написалъ иѣскоіко сочиненій на литовскомъ языке:

1) *Pamoksłai dwasiszki łabai požiteczni*. Духовныя проповѣди очень полезныя 4° 356 стр.

2) *Pamoksłaj apei septinius sakramentus*. Проповѣди о семи таинствахъ 8° 546 стр.

3) *Pamoksłas arba erts apraszims wisokiu baisibiu grieka neczistatas*. Наука или пространное описание ужасовъ грѣха разврата. 4° 140 стр.

4) *Pamoksłay wayringosy materyosy at rozniu wytu ir wajriusy Łaykusy saku*. Разныя проповѣди на разные случаи. 4° 860 стр.

5) *Pamoksłai ir katekizmaj*. Проповѣди и катехизисъ. 4° 156 стр.

6) *Kozonej at nekuriu nedieles dynu ir szwietiu*. Проповѣди на иѣкоторыя воскресныя дни и праздники. 4° 358 стр.

7) *Kninga torenti sawiey kozonis at nekuriu nedielesdynu ir at labay daug szwetiu, teupogi wayringusi atsyemisi, kaipo prinabasztyku ir t. t.* Книга, содержащая проповѣди на воскресные и другие праздники и при умершихъ. 4° 622 стр.

8) *Nomenklator Botanicus seu comparatio veteris botanicae ad nomina botanicae systematicae f.* 36 стр.

9) *Skutki lekarskie niektórych roslin i sposob uzywania tychze w rozmaitych chorobach, wyjete z dziela Symona Syreniusa Doktora akad. Krakowskiej* 4° 123 стр.

10) *Žodynis Biiluu augminiczyniu lotin-žemajtiniu*. Словарь латино-жемайтской названий растеній 4° 128 стр. Рукопись у г. П. Кричунаса.

11) *Sryje balsenyyniu biilun žemajtii-łotynuypiu*. Списокъ разговорныхъ рѣчей жемайтско-латинскихъ. 4°. стр. 258.

12) Tayslo augimiu arba botanika. Опись растений или ботаника. f. 316 стр.

13) Weykalas augimiu.—Iranksis weysynas augimiu sogadtiwuju. Rodikle augimiu wodyejtiu. Botanika. Сочинение о полезныхъ растеніяхъ.—Руководство къ раз- веденію полезныхъ растеній.—Указатель вредныхъ растеній. Водончевскій говорить, что эти послѣднія сочиненія оканчиваются Побрежжем (Wolonczewski II, p. 71—75). Вѣроятно, обѣ этомъ именно ботаническому сочиненію сообщаетъ мнѣ г. И. Краучунась слѣдующее: Видѣль, говорить онъ, своими глазами нарождество (въ 1892) въ Ковиѣ у кс. профессора Мацюлевича ботанику на литовскомъ языке; это гигантскій трудъ кс. Побрежжи, въ прочномъ переплетѣ; толстая книга въ листьоколо 1000 страницъ, исписаныхъ мелкимъ и очеркомъ, съ пространнымъ вступленіемъ и съ 4-мя именословами или номенклатурами и указателемъ въ концѣ. Рукописи Побрежжи духовнаго содержанія вѣроятно въ библіотекѣ Кринген- скаго монастыря; рукописи научнаго содержанія вѣроятно тоже тамъ, за исключеніемъ № 10 и 13. Первый у г. Краучуна, второй у кс. Мацюлевича въ Ковиѣ.

Dainos mit Noten und deutscher Uebersetzung aus Peter von Bohlen Nachlass Рукопись въ библіотекѣ Лит. Литерат. Общ. въ Тильзитѣ (ф. 17).

Hoffheinz. Giesmiu Balsai lit. Choralmelodien. Рукопись въ библ. Лит. Литер. Общ. въ Тильзитѣ. (п. 5).

Budrius H. Dainos oder litauische Volkslieder mit ihren Melodien aus dem Munde ihrer Sänger geschöpf't. von H. Budrius Procentor in Pillupönen.—N. Preuss. Prov. Blatt. 1848, V, p. 59.

Загурскій Rasztai lietuviszki tikros rankos, iszguldimali ir sekiojimai paraszte W. Ažukalnis. 1835—1856. 4°. Литовскія сочиненія, переводы и подражанія. Рукопись начинается стихотвореніемъ на польскомъ языке «Głos z Litwy», затѣмъ Prakałba. Предисловіе, дальше «Giesmes maldingos» духовныя пѣсни. Rasztai tikros rankos ir sekiojimai. Сочиненія и подражанія. Рукопись у г. М. Матулениса. (Auszra 1884 стр. 20, Liet. Bals. 1885, стр. 155).

С. Балтрамайтисъ.

(Продолженіе будетъ).

Русскія былины старой и новой записи. Подъ редакціей акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. О. Миллера. Москва. 1894. (VIII + 88 + 304). Цѣна 2 р. 50 к.

Сборникъ изданъ Этнографическимъ отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, который первоначально имѣлъ въ виду «собрать въ одной книгѣ всѣ былины, явившіяся въ печати послѣ 2-го изданія сборника пѣсенъ И. В. Кирѣевскаго и разсѣянныя по разнымъ столичнымъ и провинціальнымъ изданіямъ», но затѣмъ, когда покойный Тихонравовъ предложилъ Отдѣлу свои услуги по переизданію былинъ 17 и 18 вв., а пѣсколько собирателей доставили въ него свои еще не напечатанныя записи,—изданіе значительно разрослось. Въ настоящемъ видѣ оно заключаетъ 6 былинъ старой записи, къ которымъ присоединена статья Н. С. Тихонравова: «Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка», и 70 былинъ новой, въ томъ числѣ 34, появляющейся въ первый разъ.

Что касается былинъ первой части, то большинство ихъ уже изслѣдовано А. Н. Веселовскимъ, Л. Н. Майковымъ и др.; новымъ является только «отрывокъ изъ неизвѣстной былины», содержащей, повидимому, бой Алеши Поповича съ Тугариномъ Змѣевичемъ и вводившей новое лицо—чашника фразина Матвѣя Петровича. Въ былинахъ этой части Илья Муромецъ—знатный богатырь, совершенно лишенный чертъ, окрастьянивающихъ или облагораживающихъ его образъ. Соловей Разбойникъ не разъ называется въ одной былинѣ (ч. I, 10—11 стр.) Соловьемъ Будимировичемъ; что это не случайно и не индивидуально, подтверждаетъ соединеніе Ильи Муромца и Соловья Будимировича въ письмѣ XVI в. (ср. А. Н. Веселовский. Южно-русскія былины. СПБ. 1881. II. Илья Муромецъ и Соловей Будимировичъ въ письмѣ XVI вѣка). Именно, письмо Імиты говорить: «*bo prijdet czas, koli budiet nadobie Ilii Murawlenina i Solowia Budimirowicza...*» Эта равноправность Соловья Разбойника и Ильи Муромца, указанная и отмѣченная въ современныхъ переживаніяхъ, объяснена В. Ф. Миллеромъ (Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892, стр. 86—107). Былина о Потокѣ, до сихъ поръ чрезвычайно популярная, по свидѣтельству Гильфординга, въ Олонецкой губ., кажется, уже вполнѣ сложилась къ XVIII вѣку. Тоже можно сказать о былинахъ, посвященныхъ Ставру.

Наконецъ, въ видѣ нерѣшительного предположенія, я укажу на слѣдующее объясненіе одного мѣста былины обь Ильѣ. Извѣстно, что собственныя имена подлинника нерѣдко только осмысливаются, аккомодируются, а не совсѣмъ погибаютъ въ заимствованіи. Какъ на новѣйший примѣръ, кажется, можно указать на солдата Дениса, борющагося хитростью со смертью въ одной белорусской сказкѣ у П. В. Шейна. (Материалы... Томъ II. СПБ. 1893. стр. 413). Сюжетъ сказки старый и общеизвѣстный [ср. И. Ждановъ. Къ литературной исторіи русской быловой поэзіи. Киевъ. 1881. стр. 108—111 и далѣе], но имя Денисъ напоминаетъ какъ будто имя Дигоинисъ, легенда о которомъ, по предположенію, дала начало пѣснѣ обь Аникѣ Воинѣ. Исходя изъ вышеуказанной мысли и наблюдая связь врага Ильи—Калина (= Калуна, по мнѣнию В. Ф. Миллера) и Смородины (напр. ч. II, стр. 31: злой Калинъ царь, сынъ Смородьевичъ), я думаю, что сопоставленія (ч. I, стр. 2 и 5): на мостъ калиновъ, на рѣку Смородину; отвѣтъ Ильи: «*ѣду я на мосты колпновы*»—«только та у насъ дорога залегла ровно тридцать лѣтъ отъ Соловья» имѣть основаніе въ какомъ нибудь уже забытомъ сопоставленіи царя Калина съ Соловьемъ Разбойникомъ.

Переходя ко второй части, я коснусь нѣсколько былинъ новой записи, въ число которыхъ входитъ весьма цѣнное собраніе Сибирскаго этнографа С. И.

Гуляева. Въ настоащее время уже трудно, кажется, ждать записи какого-нибудь нового эпизода, появления какого-нибудь богатыря: дѣло сводится только къ новой группировкѣ уже известныхъ мотивовъ, къ мелочному различію въ подробностяхъ. Въ этомъ отношеніи новые былины можно раздѣлить на три группы:

1) Былины съверной полосы Россіи, пересказывающія старые сюжеты почти безъ всякихъ вариантовъ: таковы № 33, 35, 38, 46, гдѣ Чирило Пленковичъ названъ Поповъ Молодецъ, м. б. вмѣсто купавъ молодецъ, а мужъ Каторини—Обемяль; № 50, гдѣ упомянуты заставы Дюка; № 59, гдѣ Ставръ названъ Астоверстомъ Гординовичемъ; № 60, гдѣ походженія молодца въ Литвѣ приписаны Василію Буслаевичу; № 64, гдѣ Фаворъ-гора въ приключеніи Василія Буслаевича названа Фараонъ-гора и оба походженія героя соединены въ одну былину; № 63, 66 и 69. Болѣе интереса представляютъ слѣдующія былины: № 11, гдѣ упоминается сидѣніе Ильи Муромца въ темницѣ, раздраженіе Самсона богатыря противъ Владимира, стрѣла, пущенная Ильей въ грудь Самсона вслѣдствіе раздраженія на его бездѣятельность; № 61, гдѣ полиція требуетъ головы Василія Буслаевича; рѣка, куда затяна ого дружина, названа Пучаемъ, пиръ въ началѣ былины происходитъ у Вакулы Окульева и оба походженія героя спаяны въ одну былину.

2) Былины Московскія съ изложеніемъ спутаннымъ и конспективнымъ, интересныя для исторіи былинного творчества. Это—№ 3, гдѣ дубъ станичниковъ разбивается не Илья, а Добрыня; № 23, гдѣ Добрыня встрѣчается съ Маришкой, уже будучи женатымъ на Настасью, и весь эпизодъ крайне перепутанъ; № 64 съ чрезвычайно сжатымъ изложеніемъ шутокъ Василія Буслаевича. Сюда же нужно отнести Нижегородскую былину, № 65, о борьбѣ Суроги съ царемъ Курганомъ Смородовичемъ, т. е. Ильи съ Калиномъ.

3) Сибирскія былины, лучшая часть которыхъ записана отъ старика Тушицына и носить характеръ его индивидуальности. Это—№ 1, гдѣ Илья Муромецъ называетъ себя по поѣздкѣ Юришъ-Маришъ-Шишмаргинъ, по потѣхѣ Борисъ-Корлевичъ младъ, вмѣсто Смородины Днѣпръ и т. д.; № 9, гдѣ характеру Ильи приданъ въ высшей степени благочестивый оттѣнокъ; № 21, гдѣ упоминается посхищеніе отца Добрыни, Никиты Романовича,—Добрыня призываетъ съ неба дождь, чтобы крылья змѣя размякли; № 37 съ царемъ Батуромъ Батвѣсовымъ; № 41, (Михаилъ Казяритинъ) гдѣ разсказывается сперва то же, что обыкновенно о Дюкѣ Стешановичѣ, а затѣмъ о королевичѣ изъ Кракова; № 42, № 56. Вообще въ былинахъ Тушицына замѣтно стремленіе къ замѣнѣ одного имени другимъ, сліянію нѣсколькихъ сюжетовъ въ одинъ подъ чужимъ именемъ; все это легко объяснить старостью пѣвца, тѣмъ, что онъ прежде зналъ множество былинъ, а теперь сохранилъ только остатки. Изъ другихъ сибирскихъ

былине наибольше интересны двѣ: № 39, съ вариантомъ къ плачу Богородицы на ствѣ, обязаннымъ, кажется, иконописному изображенію (ср. II Новг. лѣт. 1208 г.: «заутра плака сватаа Богородица у святаго Якова, в Неревскомъ коньцѣ»), съ вариантомъ къ бою Василія-Пьяницы, его разговору съ конемъ и пр., и № 45, гдѣ Бермата отпускаетъ Чурилу домой невредимымъ.

Къ концу книги приложенъ указатель предметовъ и другой указатель личныхъ имёнъ; въ послѣднемъ кое-что пропущено; напр. Евангіевъ крестъ въ № 38 (вар. Рыбн. II ч., № 11, ст. 2: изъ подъ чуднаго креста Еландинова), Колѣчища (вар. Каличище), Каравеевъ въ I, 48: 25; Муръ-градъ въ I, 1: 31. Къ концу первой части приложенъ фототипический снимокъ съ одной страницы былинной записи XVII вѣка; мнѣ кажется, что это совершенно излишне: рукописи XVII в. такъ общедоступны, что палеографического значенія этотъ снимокъ имѣть не можетъ; въ форматѣ же и правописаніи нѣтъ ничего типичнаго. Къ концу книги приложены ноты къ одной былинѣ. Книга издана изящно и цѣна ея очень не высока; отсутствіе снимка позволило бы еще понизить ее.

A. Погодинъ.

Систематический указатель статей исторического журнала «Древняя и Новая Россія». СПБ. 1893 г.

Журналъ «Древняя и Новая Россія», выходивший въ 1875—81 гг. подъ ред. С. Н. Шубинскаго и посвященный главнымъ образомъ русской исторіи, заключалъ въ себѣ не мало цѣнныхъ статей и замѣтокъ по русской этнографіи. Здѣсь, напримѣръ, помѣщали свои статьи Гр. Потанинъ, С. Максимовъ, П. Ровинскій и др. П. Гильдебрандтъ извлекалъ немало цѣнныхъ замѣтокъ изъ провинциальныхъ изданій, помѣщая ихъ въ отдѣлѣ «Замѣтки и Новости». Кромѣ того, на страницахъ журнала воспроизведено немало рисунковъ, имѣющихъ интересъ для этнографа. Вышедший недавно указатель къ журналу даетъ возможность пользоваться всѣмъ этимъ, до сихъ поръ почти неизвѣстнымъ, материаломъ.

B. Б.

ОТДЕЛЪ IV.

СМѢСЬ.

Замѣтки по бѣлорусской этнографіи.

III.

Къ сдѣланному мною раньше сообщенію о крестьянскихъ играхъ Минской губ. (см. «Ж. Ст.», 1891, в. IV, 1893 г.. в. II и в. III) считаю не безполезнымъ привести въ дополненіе описание еще вѣкоторыхъ игръ и пріятѣвовъ къ танцамъ.

а) *Дѣтскія игры*. (Бродецкая вол. Игуменского у.)

I. Сѣвинка.

Играютъ на улицѣ и только мальчики. Они выкалываютъ ямочку болѣе четверти аршина въ диаметрѣ и вершка два глубиною. Потомъ кладутъ камень, величиною въ обхватъ руки, на разстояніи съ сажень и болѣе отъ ямочки, и по очереди бьютъ палками въ камень, подбрасывая его съ каждымъ ударомъ, пока не закатить въ ямку. Это называется «загиаць сѣвинку ў химў». Изъ ямки камень отбиваются палками же на прежнее разстояніе и снова загиають. Интересъ состоить въ томъ, кто послѣдній ударить въ камень такъ, чтобы загнать его «у химў», и въ томъ, кто первый выбросить изъ ямочки. (Практикуется игра и въ Рѣчицкомъ, Мозырскомъ уу.)

2. Игратцъ ў дуба.

Играютъ въ хатѣ. Одному изъ играющихъ, мальчику или дѣвочкѣ, завязываютъ глаза, берутъ его подъ руки и подводятъ къ дверямъ. Стоящій поближе къ тому, у которого завязаны глаза, спрашивается у послѣдняго: «Што ета?»—Кто либо изъ толпы отвѣчаетъ: «Дупъ!»—«Што на дуби?»—«Удей!»—Што ў томъ ульямъ?»—«Медь»—«Кamu яго ѿсьци?»—«Пану!»—«А миѣ?»—отзываются тотъ, у которого завязаны глаза.—«На тры . . . !» отвѣчаютъ хоромъ всѣ играющіе.—«А каша дзѣ?» спрашиваетъ играющій съ завязанными глазами.—«На палицы!»—отвѣчаютъ ему.—«Я выѣмъ!»—«А мы кіемъ!»—и всѣ начинаютъ слегка бить того, у кого завязаны глаза, потомъ разбѣгаются и прячутся по угламъ. Играющій долженъ съ повязкой на глазахъ кого нибудь поймать или найтъ и передать повязку.

3. Гумъ.

Играютъ на дворѣ. На землѣ очерчиваютъ кругъ, въ который помѣщаются дѣвочки, называющуюся «Маткой». Остальные, мальчики и дѣвочки, находятся въ кругѣ.

Играющие выбирают наилучшего изъ своей среды и посыпаютъ его въ кругъ къ «Маткѣ». «Матка» приказываетъ ему кого нибудь изъ играющихъ поймать и привести въ кругъ, по отдастъ свое приказавшее такъ, чтобы никто не слышалъ. Она выталкиваетъ затѣмъ мальчика изъ круга съ крикомъ; «гуужь! гуужь!». Всѣ разбегаются въ разсыпную, стараясь не быть пойманными, обѣжать и стать на чертѣ круга, гдѣ взять уже нельзя. Если тотъ, кто былъ въ кругѣ, поймаетъ того, на кого указала матка, то приводить послѣдняго къ ней и оставляетъ вѣсто себя, а самъ снять уходить въ толпу. Пойманный обязанъ въ свою очередь кого либо поймать, по указанію «матки», и т. д.

4. Киршань.

Играютъ на улицѣ, Дѣвочки и мальчики составляютъ цѣпь, становясь въ кружокъ. Однѣ изъ играющихъ садятся въ кругѣ на землю и копаютъ ямочку; остальные спрашиваются: «Карашацкъ, каршакъ, што ты робиши?» — «Ямачку кашаю». — «Нашто табѣ янчакъ?» — «Каменьчики складаць». — «Нашто табѣ каменьчики?» — «Вашимъ дѣткамъ зубки выбиваць». — «Зашто-прошто?» — «А што макѣ капусту парвали и накапали!» — «А трѣба було табѣ, каршакъ, вялки гародъ гарадзицы!». «А чурь ў балота жапъ ѿсыни!» — причемъ коршунъ вырывается изъ цѣпи и пускается бѣжать; остальные гоняются, пока не поймаютъ. (ср. запись изъ Пинскаго у., «Ж. Ст.» 1891 г., в. IV, р. 204, п. 1).

5. Макъ.

Эта игра весьма близка къ вечериночной игрѣ «Калодачки», опис. въ «Ж. Ст.», 1893 г., в. II, р. 287, и составляетъ очевидно, варьантъ ея. Играютъ дѣти обоего пола, въ хатѣ. Играющие избираютъ кого нибудь «хаджанамъ», ставятъ его посреди избы, а сами образуютъ кругъ, держась за платье или за поясъ другъ друга. Дѣти кружатся и поютъ почти толькъ же припѣвъ, что и въ игрѣ «калодачки»:

А на гарѣ макъ,
А ў далинѣ такъ!
Бѣдная моя галовачка!

Залатая маковачка?
Станьже ты такъ,
Якъ той бѣлый макъ!.

Когда пропоютъ первый разъ, «хаджанъ» отвѣчаетъ: «Я ищѣ навини ни драу!» За вторымъ разомъ: «Я ище тольки навину падрау!». За третьимъ: «Ище навини ни упрая!» — Наконецъ, «хозяинъ» заявляетъ: «А ужъ макъ пара цапацъ!». Всѣ начинаютъ щипать «хозяина», стараясь не выпустить его изъ цѣпи, и щипать до тѣхъ поръ, пока онъ не прорвѣтъ цѣпь.

Привожу далѣе нѣсколько плясовыхъ дѣтскихъ пѣсенекъ. Каждая пляска называется именемъ пѣсни, но пляшутъ однообразно при каждой: сплетаются руками, располагаясь въ кружокъ, кружатся, притоптывая ногами, и поютъ.

6. Цыркунъ.

Скакау цыркунъ па съцянѣ,
Зламау ношку: «Охъ — ця мнѣ!»
Цыркуниха скача,
Дай па нозцы плача.

Ни махъ, ни сваихъ,
Ни сусѣда майго!
Я таму вярабью
Кіямъ ношку пярабью!
Вярабейка скача,
Дай па ножцы плача!

7. Вярабей.

Вярабей, вярабей!
Ни кіой макъ канапель,

8. Мядзвѣдзикъ.

Сядзипъ мядзвѣдзикъ на калоды,
Дай ў дудачку й грае.

Забиу о... абъ ламаку,
А калоду лас!

9. Утачки-Лебъёдачки.

Утачка сіра,
Лебъёдачка бѣла!
Запляціся, плецёнушка,
запляціся!

Шаўкавая травушка, явися,
явися!

10. Галубецъ.

Ой хто выскача, галубца,
Той будзя малайца!
Шоў мужыкъ багаты,
Найшёў чэрапъ щарбаты,
А ў багатага мужыка
Шырокая барада!..
Ишла баба па грыбы,
А дзе́ть па апенки!
Дзе́давы ў лесі пасыпъли,
А бабіны сирэнъки!

Къ напечатаннымъ раньше при-
півкамъ („Ж. Ст.“, 1893 г., II) при-
бавлю еще нѣсколько записей. Особенность
ниже помѣщаемыхъ припівокъ заклю-
чается главныхъ образомъ въ томъ, что
они пріурочиваются почти исключительно
къ мѣстнымъ играмъ, центромъ кото-
рыхъ является время жатвы; вслѣдствіе
этого онѣ во многихъ отношеніяхъ при-
мыкаютъ къ пѣснямъ жатвеннымъ. За-
пись № 1—6, 42, 43 сдѣлана въ
Дубицкой волости Рѣчицкаго уѣзда;
№№ 6, 7 записаны въ Броденской вол.
Игуменского уѣзда, а №№ 8—42
въ с. Никольскѣй Ново-Серженской вол.
Минскаго уѣзда, съ 44 по 54 въ д.
Ней-іртовѣ той же вол. и уѣзда, № 54
въ с. Мухоѣдахъ Дорнавичской вол.
Рѣчицкаго уѣзда.

1.

Церазъ гору кацилася
Жанихами хвалилася:
Каму адзінъ, а мін' два,
Чарнавые абадва.

2.

Била жана мужа,
Къ лаўцы прывазаўши,
А ёнъ яе пяратраснў,
Шалачку изнаўши.

3.

Пыталася маци сына;
— Ци хараша твоя дзяўчына?
— Табёшь, маци, на путаці,
Што намтуя, треба даци:
Ой, ци рупъ, ци палтъну
За хорошую дзяўчыну.

4.

Бў у міне варавейка,
Завеў сабѣ гітэдичка,
Ізънесъ сабѣ яечка.
Сядиць дзень, сядиць два,
А на трэдій — лупиць, лупиць,
А чарку гарэлки треба вупиць, вупиць!

5. Грыць.

Плачэ, Грыцу (2),
Дай на дворе стоя.
Дзѣука Грыца палюбила,
Дай ў сѣни упусьцила;
Цыць, Грыцу, цыць! *)
Плачэ, Грыцу, плачэ,
Дай ў хату хочэ.
Дзѣука Грыца палюбила,
Дай ў хату упусьцила.

Плачэ, Грыцу, плачэ,
Вереникаў хочэ.
Дзѣука Грыца полюбила,
Дай вереникаў наварыла.

Плачэ, Грыцу, плачэ,
Дай на лаўку хочэ,
Дзѣука Грыца полюбила,
Дай на лаўку пусьцила.

Плачэ, Грыцу, плачэ,
Да на чэрэво хочэ.
Дзѣука Грыца полюбила,
Дай на чэрэво пустыла.

Плачэ, Грыцу, плачэ,
Што дзиры не бачыць.
Дзѣука Грыца полюбила,
Дай ў дзиру усадзила.

*) Припівъ этотъ повторяется послѣ каждого четырехстишия.

7.

Ой, мой милы Пракопаньку,
Прыѣдзь ка мнѣ на кинаньку,
Дай ия забудзь рубля юаць —
Адзинъ спалокъ прымвазаць!

8.

Охъ, ты сынъ, ты атпюоски сынъ!
Ты ия знашь, какая я была —
Усаму гораду — красавица была!
Асталася ў царынушкѣ бась мілага,
Адной мнѣ ѹ пасьцель халадна:
Закацилиса адзѣялушки ў нагахъ,
Закруцилисся слёзаньки ў глазахъ!

8.

Ўчора, ўчора зъ вячора
Мине съвекаръ биў,
Самъ сабѣ гаварыў:
Ой, добра чужая дзіцы биць,
Чужая дзіцы ия'дбивацца,
А ўсе сълёсками абливацца.

9.

У майго съвакратки хлѣба надастатки,
У моя матки хліпъ слатки;
Салоумку таўкуць и алатки пякунь,
Мякунку смажаць, и алатки мяжуць.

10.

За мине, дзяўке, за мине,
У мине добра многа:
Торба жыта зашыта,
Цѣўка муки набита.,
Адно зернышка ў квасѣ —
И тое разгулялася,
На веселья спадзявалася!

11.

Дудзя, дудзя — вяселья будзя —
Торбачка зъ мяшочкамъ-жаницца будзя.

12.

Пачайка паче,
Свивыня хвистъ вялаче,
Крыкъ — зыкъ —
У ... ватки азыкъ.

13.

Ўхаў Тадимонъ на кабыли вараной;
И калеса новыя, и калѣни голыя!

14.

Ишоў Тодаръ съ Тадораю,
Нашли лапаць, зъ абораю.
Охъ! ты Тодаръ, я-Тадора,
Табѣ лапаць — инѣ абора,
Табѣ лапаць абувацца,
Мнѣ абора — засцягагацца.

15.

— Чаго баба надулася,
Чаму ў кажухъ ия убралася?
— Кагъ у цібе быў такъ духъ,
Якъ у мене есьць кажухъ!

16.

Абулася баба ў чабата,
Дай на вулицу вышла!
Усѣ людзи дзівуюца, —
Што баба вялики зухъ,

17.

Ишла баба хвойничкомъ,
Зачапнися апличкомъ!
Баба ў крыкъ, баба ў зыкъ:
Адчапнися, мой апликъ!

18.

Ой, ишоў я зъ вячарынки,
Сярадзь цёмнай начынки:
Сядзіць жаба на изпинѣ,
Вытращыўши вочы,
Я на яе: шля! шля! —
Яна ѹ прысла,
Капъ ия ўзаў я ў руки вія,
Янанъ мене можна зъѣла!

19.

Скароджу барапую —
Залетами курку рабую.
Преходзиль свинапасъ: —
— Пазычъ курки на часы!
— Ни пазычу, ни прадамъ,

Да схаваю къ калядамъ,
Каляды съвяты дзень,
Буду гуляць визъ дзень!

20.

Якъ жи инѣ на піць,
Якъ жа инѣ васелуй ви быць!
Чатыри аруць, пъаць барапуць,
На инене маладую гура гаруюць!

21.

Упилася я — ни за ваны:
Мая курка знеслася,
Я за лечка упилася!

22.

Грай, мзыка, кали граяшъ,
Кали добру жопку маашъ!
Мая жонка — высока,
Твая слѣпа, касавока.

23.

Грай, мзыка, на басу, —
Спячэ маци каўбасу —
Я Автосю занясу.
Я Автося любила —
И спадинцу загубила!

24.

Грай, мзыка, на параду,
А я у матки штанэ украду,
Низдѣвъ дѣйву — табѣ дамъ,
Капъ ты хораша заграу!

25.

Гянна, хадземъ, валюмъ даіма!
Пакуль валь падъядуць —
Сами пагулляіма!

26.

Пашла Гандзя жыта жаць —
Забылася сарпа ўзяць,
Серпъ ўзяла — хлѣбъ забыла,
Таки Гандзя дома была.

27.

Пашла Настуля па пятрушку
У чирвоуну калужушку;
Янка Настули ни пазнау,
Пардъ ёю шапку зъяу.

28.

Ишли дзяўкэ лѣсамъ, лѣсамъ, —
Гаварыли зъ чортамъ лысымъ :
Ишли хлонцы борамъ, борамъ, —
Гаварыли зъ паномъ Богамъ.
Ишли дзяўкэ крываца, —
Шилы смалу дайницаю;
Ишли хлонцы мяжою, —
Пили мъеть дзяжою.

29.

Табы, табы — дзѣўкань жабы,
Тыры, тыры — хлонцамъ сыры!

30.

На балоци ярѣшина —
Поўни дѣвакъ наўшана;
Хлонцаў — пяць, пяць, —
Усъ ў золадѣ — спаць, спаць!

31.

На балоци — карыта,
Поўни вады налиты:
Хлонцы ноги мыли,
Дзяўкэ воду пили.

32.

Якъ у насъ — такъ й у васъ —
На гарэ кралічка,
Па три гроши — кавалерь,
А па грошу дзѣўка!

33.

Ой, дзяўчата, на бажата,
Дѣвъ вашъ разумъ дѣўусъ?
— У сыбаки, кали с...
У каўдакъ навиусъ!

34.

Ой, на градѣ я капусту садзилъ, —

Да я даў мін' Буохъ,
Каго я любила;
Да даў мін' Буохъ,
Каго я ня знала!
Да за тыя пяраборы,
Што пярабирала!

35.

Ой Буохъ тому дай,
Хто панемку ўзая —
А я ўзая ўдаву —
Дурыць маю галаву!

36.

Ци я мужу ни жана,
Ци я ў домі ни хадзяйка?
Тры дни ў печы ни палила,
А на печы жарка!

37.

Ой, ў гародзі ма градзѣ тры капыны бобу,
Да хто замушть ўзяў, капыня выбыу году,
У гародзі на градзѣ тры капыны маку
Да ныхто мине возьмі, той будзе барагаты!

38

Ой чыкъ чумачокъ, —
На прыячку гречка!
Мужыкъ бабу камячыў, —
Думаў, што авечка!

39.

— Не би, не би, тата, мами,
Не рабі насть сиратамі!
— Забью, забью, закагзю,
Вазыну сабѣ маладзю!
— Ахъ, ты, тата, эъ барадою,
Праладай ты эъ маладою!
— А на чорты мін' малодша,
Бага эта харопа!

40.

Жыдзя, жыдзя, чортъ ёдзя
У чырвонумъ капелюшэ — па твоя душэ!
Гдзѣ съвініи рыли —
Тамъ жыда мыли,
Гдзѣ съвініи драли, —
Тамъ жыда хавали!
жив. СТАР. ВЫП. I.

41.

Вотъ и пышеніць камець —
Пашла съвінушка ў танець,
А за ёю парася, —
Вотъ и івсянка ўся!

42.

Рѣдзьку саджу, рѣдзьку наливаю, —
Расьци, расьци, рѣдзька вялікая,
На зиму скаваю.
Я ня буду рѣдзьки ъсьци,
Каждудь людзи — горка;
Я ня буду жаниця;
Будзе бици жонка!

43.

У саломі лажу,
На хлонцаў гляжу,
И киваю и маргаю,
Къ сабѣ хлонцаў прызываю.

44.

Капицца, капицца зорачва зь неба —
Хочацца, хочацца бѣлага хлѣба!
Хоць бы я маладзенька чуорыи хлѣбъ ёла,
Абы я, маладзенька, журбы ня мѣла!
На штошъ ты инне за сына брала,
Кали ты инне не любила?

45.

Ой, на дварѣ мяцёлка мяце,
Красна дзявица па воду вдзе
И бычка вядзе.
Бычочакъ упинаѧца,
Хлопяць зь его замінаѧца.

46.

У агародзі дай расадушка расьце!
Парадзила мине матушка тоинку — высоку
Чарнаброму да харошу!
За ино да папе да дзякэ, —
Нельга й ў церкаў найци:
Яны ўсе съмеюцца, на мине прызирающца!

47.

— Куды мине, мілы, павядзеншъ

Гэтаку маладзенъку?
 — На папаву санажаць, —
 Траву зяляненъку:
 Тамъ трава и вада —
 Харошай паша
 Жджеця, хлощца, до воеяни,
 Ту я буду ваша!
 Куды хочашь — вядзи,
 То я ни барося;
 Гарэлки на пила, —
 Ту я павалюся!

48.

Ой чабуръ, чабуръ да зъ лябядою!
 Въ цибе, дзацинка, крывыя ноги!
 Дайця мылицы (?) апирацися, —
 Пайду съ хлощами замецасыя!...
 Ой, новы гаршакъ станиц изъ вадою,—
 Праладай ты, стары, зъ барадою!
 Да новы гаршакъ за варотами,—
 Праладай ты зъ абалтами!

49.

Дзяучыночка, ого-го!
 Прымі мне голаго:
 Я кашульви я маю
 И жаницися думаю!
 А я цибе-пъ прыняла
 И кашульку—пъ дала!
 А якъ ты ўзачешь
 И кашульку забярэшь?

50.

— Пусьци, пусьци, падалянка, на печъ!

— Ня пущу — ня надобная речь,
 Ня пущу — матки барося,
 Пайду у матки паштаюся!
 — Пусьци, пусьци на часиначку,
 Пагрець жыватыночку!

51.

Ня знашь, матка, кто у мне быў?
 Да быў у мне папоў сынъ!
 Да я дўрна была — яму ганьбу дала.
 Ясь за німъ панавала:
 Енъ бы торбы намуёнь бы хлеба пряну!
 А янь яму падавала, сабаками заскавала,

52.

— Да чыя гэта дзѣвачка!
 — Цалова!
 У ягародзі маркоўку палола,
 Маркоўку — пастарнакъ,
 Да усадзила ножачку ў буракъ!
 Да пайдзеца па мельничка — дварочка,
 Няхай вымі ножачку зъ бурачка!

53.

На вясельди была, на паду днавала
 Памаленьку скачу — бу я ёсьци хачу:
 Капъ я ёсьци ни хадѣла,
 Ту пъ я вышай падляцѣла!

54.

Калинъ мая цеща я умерла, —
 Яна пъ мінѣ торбачку грошай прорерла:
 Ой, зяцю, мой зяцю, хароши,
 Отъ тоби ў торбоццы гроши!

M. Довнар-Запольскій.

Отчетъ о поездкѣ въ Ковенскую губ. лѣтомъ 1893 года
 студента IV-го курса Ист.-Филологич. Факультета С.-Петербургскаго Университета
 А. Погодина.

Лѣтомъ 1893 года, по предложению профессора Владимира Ивановича Ламанского
 я былъ посланъ С.-Петербург. Университетомъ и Императорскимъ Русскимъ Географическимъ
 Обществомъ въ Ковенскую губернию для изученія живого литовскаго языка.

Прежде всего я проѣхалъ въ Тельшевскій уѣздъ, гдѣ поселился у г. Ложинскаго,

къ которому у меня было рекомендательное письмо. Онъ всячески старался оказывать мнѣ содѣйствіе, причемъ особенно удачно было для меня то, что какъ разъ въ это время у него строился домъ, такъ что я имѣлъ возможность слышать отъ рабочихъ всѣ оттѣнки мѣстного говора. Говоръ этотъ, образцы которого я представляю подъ заглавиемъ *Образцовъ жоранскаго говора*, является однимъ изъ самыхъ трудныхъ для начинающаго: не говоря уже о томъ, что въ этомъ говорѣ краткія *i* и *ü* произносятся почти какъ *é* и *ö*, отчего происходит смѣщеніе многихъ словъ, въ этомъ говорѣ множество словъ латышскаго происхожденія, незнакомыхъ изучавшему только письменный литовскій языкъ.

Не смотря на трудность этого говора, благопріятныя условія, въ которыхъ я находился, дали мнѣ возможность недѣли черезъ двѣ настолько освоиться съ литовскимъ языкомъ, что я рѣшился предпринять, въ сопровожденіи г. Ложинскаго, путешествіе по Тельшевскому и Россенскому уѣздамъ, чтобы, насколько удастся, присмотрѣться къ быту жителей и собрать по нѣскольку образцовъ всякаго говора.

Я обошелъ и объѣхалъ кругъ верстъ къ 150, имѣть возможность наблюдать четыре говора и узнать обыденную жизнь и интересы крестьянъ.

Вернувшись изъ пугешествія, я проѣхалъ къ городу Россенамъ, гдѣ поселился у мѣстного помѣщика С. И. Довойна-Сильвестровича, которому считаю своимъ долгомъ выразить искреннюю благодарность.

Въ Довойновъ я занимался, главнымъ образомъ, переводомъ «Свадебныхъ обрядовъ Велёнскихъ литовцевъ» Юшкевича, памятника этнографической литературы, занимающаго, вмѣстѣ съ сочиненіемъ Довконт и Волончевскаго, исключительное мѣсто въ литовской письменности по богатству этнографическихъ свѣдѣній. Для этого перевода мнѣ пришлось съѣздить и въ самыя Велёны, чтобы узнать значеніе многихъ устарѣвшихъ или мѣстно—Велёнскихъ словъ; тамъ мнѣ посчастливилось, въ лицѣ органиста Велёнского костела И. А. Куметиса, найти большого любителя и знатока литовскаго языка. Его помощью я воспользовался въ значительной степени, о чемъ вспоминаю здѣсь съ благодарностью.

Изъ Велёнь я проѣхалъ въ имѣніе гр. Тышкевичей—«Ландварово», такъ какъ мнѣ хотѣлось познакомиться и съ чисто литовскимъ говоромъ, но вслѣдствіе того, что мой отпускъ простирался только на Ковенскую губ., мнѣ пришлось уѣхать изъ «Ландварово» Виленской губ., раньше, чѣмъ я предполагалъ. Вотъ, такъ сказать, общій планъ моей поѣздки.

I.

Материалы для Атласа Литовско-Жмудской диалектологии.

Какъ известно, балтійскіе языки одни изъ самыхъ богатыхъ нарѣчіями; литовско-жмудскій, кажется, еще богаче въ этомъ отношеніи, чѣмъ латышскій; поэтому составленіемъ атласа литовско-жмудской диалектологии, хотя бы по образцу атласа Биленштейна (*Die Grenzen der Letten* Spb. 1892), можно было бы принести большую пользу какъ для философіи языкоznанія, такъ и для изученія пра-литовскаго языка и доисторической жизни балтійскихъ племенъ, въ смыслѣ распределенія ихъ отдѣльныхъ племенъ.

Мнѣ хотѣлось бы представить здѣсь хотя небольшой материалъ для такого атласа. Сокращеніе заглавій:

BF. A. Bezzemberger. *Litauische Forschungen*. Göttingen. 1882.

BG. A. Bezzemberger. *Beiträge zur Geschichte der lit. Sprache*. 1877.

Da. Литовский катехизисъ Даукши. Spb. 1886. Е. Вольтера.

ФМ. Литовскія пѣсни, собранныя Фортунатовымъ и Миллеромъ.

J. Литовскія пѣсни, записанныя Аитономъ Юшкевичемъ.

Jsvd. Литовскія свадебныя пѣсни, зап. Ант. Юшкевичемъ.

L.B. Litauische Volkslieder und M rchen, ges. von Leskien und Brugmanu
(LBB—пѣсни Бругмана, LBL—Лескина).

M. Mittheilungen des lit. liter. Gesellschaft.

PJ. Polangos Juze.

WEP. Вольтеръ. Объ этнографической поездкѣ по Литвѣ и Жмури.

L. Abl. Leskien. Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen.

L. Bild. Leskien. Bildung der Nomina im Litauischen.

K. Gr. Kurschat. Grammatik der littauischen Sprache. Halle. 1877.

K.—Kolberg. Pieśni ludu litewskiego.

II. К. Памятная книжка Ковенской губ. на 1893 годъ.

I. Деревня Шилы Жоранского прихода Тельшевского уезда (образцы I—10).

Границы этого говора я могъ замѣтить въ двухъ направлениихъ: именно, на юго-востокъ отъ Шиль она проходить около мѣстечка Ворнь, а на западѣ около мѣстечка Тверь, такъ какъ въ самихъ Тверахъ говоръ уже совсѣмъ иной; пограничной линией на западѣ служить, насколько мнѣ известно, большое трудно-проходимое болото.

Этотъ говоръ, который правильнѣе всего было бы назвать, Жоранскій, есть, по преимуществу, говоръ переходный: неѣтъ кажется ни одной формы, ни одной діалектической особенности, которая не встрѣчалась бы и въ какомъ-нибудь другомъ говорѣ, но въ совмѣстности всѣ эти особенности встрѣчаются только въ Жоранскомъ приходѣ; есть въ этомъ говорѣ даже немало общаго съ древне-прусскимъ и латышскимъ языками.

Прежде всего говоръ этотъ жмуровскій, потому что всѣ жмуровскія особенности (такими считаются, кажется: 3 л. на *a* вм. *o*: *mata*, *rada*; gen. sing. основы на *a* съ окончаниемъ *a* вм. *o*: *vilkas*; gen. sing. основы на *ā* съ окончаниемъ *as* вм. *os*; произношение ё и ѿ не какъ ié, но) здѣсь налицо.

Постараюсь указать здѣсь другія особенности жоранского говора съ указаніемъ тождественныхъ особенностей другихъ говоровъ:

1) ѿ произносится здѣсь какъ *ou*, причемъ удареніе, если оно лежитъ на этомъ слогѣ, бываетъ. насколько я могъ замѣтить, только исходящее, а не восходящее. Какъ известно, это особенность діалекта Довконтса, проведенная однако далеко не во всѣхъ его произведеніяхъ: такъ въ «Исторіи Литвы» вѣсто *ou* стоять вездѣ ѿ; но въ «Budas S enowies L etuviu», где нарѣчіе вообще очень близко къ Шильскому, ѿ замѣняется черезъ *ou*: М. 10,6: *szou*, *toumi*, 7 *kou*, *tou*; B. S. 166 (но L. Bild, 233): *souka. Довконтова *ou* изъ *o* (о съ носовымъ произношениемъ) М. 10,6: *drouisas*, 238: *roustas* Шильскій говоръ не знаетъ: *drosas*, *rostas*.*

Тоже произношеніе въ Кальваріи К. 13: *sustouk*.

2) ѿ произносится какъ *eј*; и эта особенность находится въ языкахъ Довконтса; однакожа замѣтить ее только въ «Исторіи», см. WEP. 126: *weinos*, *deino*, *keimus*; въ другомъ же его сочиненіи: «Budas s enowies L etuviu» вм. ѿ стоять *ij*: М. 10,238: *wijni*, *dijna*, *brijdius*, см. также PJ. 94: *szwijsus*. Древне-прусскій языкъ тоже на ѿ въ литовскаго ѿ имѣеть *eј* или, что, кажется, при др. пр. ореографіи все равно, *ay*: *braydis* (=*briedis*), *aysmis* (=*jiešmas*). *dejna*, *Deivas*, *leipe* (*leipe castrum*. Ness. Thes. ling. prus. Berl. 1876. p. 92 и 94), *dejgi* [или *e*: *deus* у Grunau, *lepitens mons* (Ness. p. 92), *dena* при формѣ *deina* (Ness p. 29), или *u* (*i*) *dygi*, *lype*, *dineniskas*-ежедневный *Enchiridion*. 23]

3) і произносится какъ *e*. Найти законъ этого употребленія очень трудно; иногда оно едва замѣтно, такъ что я въ образцахъ Жоранского говора, еще плохо говоря и различая литовскіе звуки, кажется, иногда записалъ *i* тамъ, где нужно было поставить *e*, какъ и *u* тамъ, где нужно было поставить *o*. Вообще произношеніе краткаго *i* во многихъ

и́стахъ Литвы и Жмуди приближается къ *e*; въ Жоранскомъ говорѣ оно почти тождественно съ произношениемъ *i* въ прусской Литвѣ. Такъ, Бецценбергеръ, изслѣдовавший этотъ вопросъ, говоритъ слѣдующее (*Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*. t. VIII «Zur lit. Dialektforschung» стр. 122): «въ приходахъ: Прекульсь, Давиленъ, Мемель, Кретингенъ *i* становится *ā* (письменное *e*), если только за нимъ не слѣдуетъ непосредственно группа согласныхъ, издревле начинающаяся съ *n* или *m* или если оно не защищено слѣдующимъ за нимъ звукомъ *i* или *e*, ослабленнымъ изъ *a* или *u*; см. его же *Lit. Forschungen*. № 50, *kalden*, *penke*, *vainek*, *kret*, № 59: *aukšte*, *balte zieda*; тоже въ Швекшияномъ говорѣ: Da 167 стр.: *sene* (=seni), *nešte* (=nešti), *gernas* (=girnas), *waden* (=wadin) etc.; для годлевскаго нарѣчія см. L.B. стр. 86: «знакъ *i* въ *tiko*, *lindo* etc. для звука близко поддающаго къ *e*». Въ древне-пруссѣ рядомъ *betten-edēn*, и *bitas-ždin*. (Nes 18).

4) *u* произносится какъ *o*, насколько я могъ замѣтить, согласно съ закономъ, выведеннымъ Бецценбергеромъ (Beit. VIII, 106—107): «въ тѣхъ же приходахъ (см. 3) *u* подъ ударениемъ становится *ā*, если только за нимъ не слѣдуетъ и дал.», тѣже случаи, какъ и относительно *i*, и шире его, какъ въ Мемель. M. 5,262.

Туже особенность можно отмѣтить въ древне-пруссскомъ языке (вѣроятно въ одномъ изъ говоровъ его): *poissis*, *botte*, *kopte* рядомъ съ *kupte* (Ness 78), *konagis* (=konegas Жоранского нарѣчія) *colm* и *culm* (Ness 77); отсюда, можетъ быть, можно объяснить и др.—прус. аре въ сравненіи съ Жоранскимъ оре; см. B.F. № 67: *būego pèle*. См. K. 12: *dovanooso*. Обѣ эти особенности (*e* изъ *i*, *o* изъ *u*) свойственны языку Довконтя: M 10,6: *tarema*, *augomo widotinio*, *sō wissō*; первая также языку Волончевскаго: P.J. 94: *dwilektas*.

Даже въ дифтонгахъ *ui* (=*u*: *mujłas*-мыло, *smuikas*-мыкъ) и *au* *u* произносится какъ *o*: такъ, я слышалъ: *moiłas*, *bučiao*; см. M. 5,262.

5) *am*, *an* переходятъ также, какъ въ Шадовскомъ діалектѣ M. 10,257 въ *im*, *in* или же въ *om*, *on*; въ Вилькомирскомъ уѣздѣ (Гуковскій). Описаніе этого уѣзда 1891. стр. 9) въ *im*, *in*; въ Пушолатахъ: J. 1,: *unt*, 2,: *untra*; 2,: *lonkele*. Въ древне-пруссскомъ было это явленіе также, какъ видно хоть бы изъ слова *brunse* въ соотвѣтствіи съ лит. *bruijše* (=*branše, какъ *riukus* изъ *rankus*—польс. *rękny*), *kujsis* изъ *kansis* J. 246.

6) *aj*, *oj*, *ej* становятся *ā*, *o*, *e*: *sugavá* (=*sugaváj*) 1, *bová* (=*buváj*, по *bóva=búvo*) 5, *tamsra* (=*tamstaj*). 2, *visokiās spasabās* (=*visokiajs spasabajs*). 2, *pirštas* (=*pirštajs*). 3, но *wajkščioji*. 8, *perla* (=*perlaj*. Nom. pl.). 6; *ryto* (=*rytoj*). 2; *velne* (Nom. pl.). 2, *eje* (=*ejej*) 5, *prisejede* (=*prisejédej*) 1; *ej=jā:* (=*ø*) *rek* (=*rejk*), *greta* (=*grejtaj*), *dejna praledus* (=*dienaj pralejdus*); *kap-tap*, *ponati* etc. см. Bez. ibd. 138.

7) *ē* склонно переходить въ *a*, особенно въ началѣ словъ, однако иногда и въ серединѣ (см. *durales*. 5. сп. K. 27: *mædelu*); *agle* вм. *egle* (срав. gr. *addle*, *gabavo* изъ *gēbavo*=цл. жаба изъ *gēba=gēba*, *alkskande* lit. *elksnis*); *na=ne*. *varksma* (=*verksma*). 1.

8) *ē* въ концѣ словъ произносится такъ, что его трудно отличить отъ *i*, иногда же ясно слышится *i*; см. *egli=egle* (Acc. Sing.). 1, *pradeji* (=*pradeje*). 2, *brongis* (=*brongés=brongios*). 6, *vajkščiojī* (=*vajkščioje*) 8, *unt keli* (*unt kele=unt kelio*). 8, *arkli* (=*arkle* Gen. Sing.). 9, см. Da: 167.

9) Отсутствие флотаций: *paukšte*, *dousou*.

10) Присутствіе носовыхъ въ Gen. Pl., въ причастіяхъ: *atvaren*, *pribegen* etc, въ Loc. Pl.: *Lalūnse*, *ažerūnse*.

11) Выпаденіе *v* въ словахъ: *nakoute*, *tora*.

Образцы склонения (для всего следующего см. статью Яуниса II. К. 1893).

Основы на а.

Sing. N.	Dejvas arklis	ronka	aš.	tu.
G.	dejva arkle (=arkli)	ronkas (и ronkos)	monis	taves. saves
D.	Dejvou arklou	ronka	mon	tau
Ac.	dejva arkli	ronk a	muni	
Abl.	dejvo (=dejvu)arklio (=arkliu)	ronk ū (—ronku)	monimi	
Loc.	dejve arkle	ronkō	monij	
Dual. N. Ac.	dejvo (— u) arklio	ronke (=ronki)		
Plur. N.	dejve (=dejvi) arkle	ronkas		
G.	dejvun	arkliun	ronkun	
D.	dejvams	arkliams	ronkoms	
Ac.	dejvus	arklius	ronkas	
Abl.	dejvas	arklias	ronkoms	
Loc.	dejvunse	arkliunse	ronkose	
tas. Nom. dual.	todo (=tudu).	Tretiš—tretensis.		

С п р я ж е н и е.

Praesens.	matau	toro	sovo (шью см. Р. J. 14. siuo).
	matá	tori	
	máta	tor	
	matam	toriam	na-b-jam.
	matat	toriat	
Aor.	mačiau	prisejdežiau	
	mate	prisejede	
	maé	prijajé	
	matém		
	matét		
Fut.	douso		
	dousi		
	dous		
	dousma		
	dousta		
Opt.	doučio. ср. ФМ. № 23, Kolb: № 29		
	butumej		
	butum		
Imper.	i. ak, akiam.		

II.

Уже въ м. Тверахъ въ 9 верстахъ отъ д. Шиль говоръ мѣняется; прежде всего произношение *ā* и *ie* какъ *oi* и *ej* исчезаетъ и появляется произношение *u* и *ū*. Границы этого послѣднаго произношения, насколько это привелось ихъ замѣтить, таковы: на югъ маршрутъ; Тверь 16 в.—Лаукова 19 в.—Хвейданы 30 в.—Вевержены она проходитъ между Хвейданами и Веверженами, однако, раньше ли или послѣ м. Андреявы я замѣтить не могъ; затѣмъ, еслиѣхать по почтовой дорогѣ изъ Ворнъ въ Колтыныны (по направлению къ г. Россенамъ), то за Ворнами уже появляется произношение *ā* и *ie*, какъ *ā* и *ē*, которое доходитъ и до Россенъ; далѣе, еслиѣхать по почтовой дорогѣ изъ Россенъ въ Юрбургъ, то границей этого произношения служить маленькая рѣчка Шалтона, за которой

говорять уже *mo* и *iē*. Внутри этого у-кающего говора, признакомъ которого служить, между прочимъ, произношение *z* какъ *u*, а не *ö*, можно отмѣтить также нѣсколько говоровъ, изъ которыхъ мнѣ привелось слышать два: Россіенскій, признакомъ которого служитъ окончаніе Dat. pl. основъ на *ā*—*ims* (вм. *oms*) и *ims* (вм. *ems*), К. G. § 605, см. LBL. III: *juriws tareliws*, которое указываетъ, кажется, на окончаніе *ims* и *ems* въ этомъ говорѣ, однако Тельшевская форма, приведенная Куршатомъ, противорѣчить этому, если только не является здѣсь образованіемъ по аналогіи съ основами на *i*; другой говоръ этого произношенія, который я имѣлъ случай наблюдать въ м. Лауковѣ и Хвейданахъ (также отчасти въ м. Тверахъ) отличается нѣкоторыми особенностями, роднющими его съ сосѣднимъ Жоранскимъ говоромъ, какъ въ фонетическомъ, такъ и въ морфологическомъ отношеніяхъ. Къ числу фонетическихъ принадлежать: 1) переходъ *ap* въ *ip* и въ *op*; 2) переходъ (довольно частый, хотя далеко не всегда) *aj*, *ej* въ *a*, *e*: *žale dvara* (=žalej dvaraj), *aukšta* (=aukštaj), *pamulate* (=pamulajte) *paleste* и т. д.; 3) произношеніе *t* какъ *č*: *užaugena*, *kliste*, *dukes*, 4) широкое произношеніе *ē*: *na*, *tatuši*, *wisidage*, *āsu* (=ejsiu); 5) присутствіе носовыхъ: *terp* *lunkun*, *rugiuñ*, *tryns*, *auksunse*, 6) отсутствіе погасії: *turgi*, *dusu*, 7) рѣдко встрѣчающееся, хотя все же до известной степени существующее произношеніе *ū* какъ *ö*: *vibaduot*, *bovo*, *doje* (=duje, двое); изъ морфологическихъ особенностей можно отмѣтить окончаніе 3 лица *a* вм. *o*, хотя форма *bovo* (=buvo) указываетъ на присутствіе и другого окончанія; gen. pl. основъ на *ā* имѣть или *os* (какъ я замѣтилъ въ Лауковѣ, гдѣ отъ рассказчицы сказки, старушки болѣе 80 лѣтъ, слышали только окончаніе *os*) или *as* (въ Хвейданахъ разказчица — молоденькая швея, употребляла только окончаніе *as*), см. BG. 129; въ Хвейданахъ же я слышалъ интересную форму Gen. Sing. основъ на *u*-*ous* вм. *aus*: *medous*, *žmogous*, но и *žmogaus*; кроме того, нужно отмѣтить особую приставку къ окончанію будущаго времени: *asut* (=ejsiu), *vysut* (*vysiu*).

III.

По дорогѣ изъ Хвейданъ въ Вевержены говоръ меняется и опять приближается къ Жоранскому такъ же, какъ и дальнѣйшій кульсній, съ тѣмъ только исключеніемъ, что въ Жоранахъ *t* и *d* смячаются въ *dž* и *č*, въ Веверженахъ въ *c* и *dz* (N. *jautis*. G. *jautē*. D. *jaucou*. Ac. *janti*, Abl. *jauci*. Loc. *jauce*. Nom. Pl. *jauce* G. *jauciu*. Abl. *jautas*; іš *medziu*); въ Кулакъ смягченія неѣть вовсе.

IV.

За Россіенами по дорогѣ въ Юрбургъ за р. Шалтонои начинается новый говоръ съ произношеніемъ *ū* и *ie*, какъ *uo* и *ie*, говоръ вообще по своей фонетикѣ и морфологіи не отличающейся отъ письменно-литовскаго, за исключеніемъ Жмудского окончанія 3 л. на *a* вм. *o* (*mata*, *buvu*) и окончанія Dat. Pl. основъ на *ā*—*ims* и *ums*: напр. *pospēsma su ožkums ant turgaus*; см. сборникъ Іосифа Мицкевича, № 23, принадлежащий Императорскому Географическому обществу: № 81: *graudziums ažarelims verksiu*; № 83: *vinims*.

(Образцы говоровъ въ следующемъ выпуске).

О происхождении названия г. Пскова.

Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за августъ 1887 года помѣщены переводъ статьи Прейса изъ «Inland» за 1839 № 13 относительно названія г. Пскова (ест. Pihkwa). Г. Прейсъ, разбирая происхожденіе слова Псковъ, приходитъ къ тому заключенію, что оно происходит отъ слова «песокъ». Это производство, но моему мнѣнію, невѣрно. Названіе г. Пскова чудскаго происхожденія и именно на слѣдующихъ основаніяхъ.

Уже а priori представляется довольно страннымъ то обстоятельство, что на столь обширномъ пространствѣ, какъ Россія, лишь одна мѣстность получила название отъ слова песокъ съ необъяснимымъ изъ русскаго языка окончаніемъ «ва», «вица» (рѣка Пскова, Псковица), «въ». Есть дѣйствительно масса чисто русскихъ названій населенныхъ и неиселенныхъ мѣстностей, которыхъ безспорно именуются отъ песковъ, но при этомъ у всѣхъ такихъ названій отсутствуетъ вышеуказанные окончаніе. Такъ напр., возьмемъ какое либо изъ ближайшихъ ко Пскову мѣстныхъ названій. Въ одномъ Псковскомъ уѣздѣ насчитывается 4 деревни съ названіемъ «Пески», двѣ — «Песокъ», одно село — «Пески», двѣ пустоши — «Песчаникъ»; всѣ эти названія несомнѣнно происходятъ отъ слова «песокъ».

Исходнымъ пунктомъ моего предположенія о финскомъ происхожденіи названія Пскова служить прежде всего то обстоятельство, что пространство на востокѣ отъ Чудскаго оз. и р. Великой было населено первоначально, до пришествія славянъ, финскими племенами, къ каковому убѣждѣнію привело меня изученіе древнихъ мѣстныхъ названій на томъ пространствѣ. Олѣдовательно нужно предполагать, что и название «Псковъ» также финского происхожденія. Для подтвержденія этого я приведу здѣсь только древнее название р. Великой, которая въ древности именовалась «Mudawa» (т. е. мутная вода; окончаніе «ва»ныѣ сохранилось у Зырянъ и Вотяковъ въ значеніи воды). Нѣмецкіе писатели еще въ XIV—XVI вв. именуютъ ее «Muda» (Вартбергъ въ XIV в.). Въ настоящее время у псковскихъ полувѣрцевъ, народа финскаго происхожденія, населяющихъ Псково-Печорскій край въ количествѣ около 12 тысячъ, р. Великая носитъ название Suur Jma jogi (Великая Мать-рѣка), Suur Jma (Великая Мать), Jma jogi (Мать-рѣка). Такъ обыкновенно величались и у Прибалтійскихъ Эстовъ болѣе значительныя рѣки. Въ соотвѣтствіе этому названію, Великой,—рѣка, берущая начало у Изборска-Jzajogi (см. карту Лотера), т. е. Отцѣ—рѣка.

Одного корня съ названіемъ Пскова должны быть названія: р. Пскова, текущая на пространствѣ около 50 в. съ сѣверо-востока и впадающая при г. Псковѣ въ р. Великую; затѣмъ рѣчка Псковица, впадающая въ Пскову, а название деревни Писковичи, при р. Великой, въ 8 верстахъ отъ Пскова.

Такъ какъ названія неиселенныхъ, природою устроенныхъ, мѣстностей нужно считать древнѣе названій мѣсть сдѣланныхъ человѣческими руками, то приходится признать, что название рѣки Псковы древнѣе названія г. Пскова и что первое название послужило основаніемъ ко второму.

Возникаетъ однако сомнѣніе, какимъ образомъ слово Псковъ или Пскова можетъ быть эстонскаго происхожденія, такъ какъ у эстовъ вмѣсто Псковъ произносится Pihkwa. Г. Прейсъ высказываетъ предположеніе, что знатоки эстонскаго языка найдутъ причину того, почему «русское» съ словѣ Pihkwa перешло въ h. Въ данномъ случаѣ дѣйствительно звукъ съ перешелъ въ звукъ h, но не русское съ, а финское. Эти два звука, какъ известно, играютъ большую роль при различіїи разныхъ нарѣчій фин-

скаго языка или финскихъ народностей. Звукъ с служить между прочими отличительнымъ признакомъ языковъ вотскаго, ливскаго, мордовскаго, черемисскаго, а въ нарѣчіяхъ сѣверо-западныхъ, а въ томъ числѣ и эстонскихъ, на его мѣсто выступаетъ звукъ h. Слѣдовательно, если слово Псковъ (а) финскаго происхожденія, то оно должно быть заимствовано русскимъ у одного изъ вышеозначенныхъ народцевъ сѣверо-восточной вѣтви финскаго племени, включая сюда и Ливовъ. Въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ Шелонской и Деревской пятинъ, которая по сравненію мѣстныхъ названий были въ доисторическая времена населены народностями сѣверо-восточной вѣтви финскаго племени, мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ названіяхъ звукъ с, *и* тамъ, гдѣ у другихъ h. Напр. Пискуница, Пишкова, Роксиковико (Шелонск. пятина), Вышина, Вшера, Веска, Москово, оз. Писково (Деревск. пятина). Вообще въ Псковскихъ предѣлахъ преобладаютъ слова, сохранившія звукъ с, какъ отличительный признакъ сѣверо-восточныхъ нарѣчій финскихъ народностей. Кроме названія деревни Псковичи можно еще указать названія деревень Пискони (Изб. вол.), Пискунова (Медех. вол.), Куева (Логоз. вол.—ср. в. Лифляндіи Кохова), въ Гдовскомъ у. Москва, Писва (ср. дер. Песива на противоположномъ берегу Чудского озера).

Корнемъ слова Пскова (Псковъ) слѣдуетъ признать rihk (или pisk). Онъ сохранился кромѣ эстонского названія Pihkwa, еще въ вышеупомянутыхъ названіяхъ Псковичи, оз. Писково. По фински rihka, эстл. rihk, лив. riska—смола. Если къ этому слову присоединить обычное финское окончаніе названий рѣкъ на wa, то Пскова, Псковца или первоначально Piska-wa будеть значить буквально «смолистая вода». Ливы и восточные народы финскаго племени должны были назвать рѣку, впадающую при г. Псковѣ въ Великую, Piskawa, сокращ. Piskwa. Нынѣшніе русскіе обитатели Псковскихъ предѣловъ заимствовали слѣдовательно это название отъ народа, находившагося въ близкомъ родствѣ съ Ливами и Водью. Можетъ быть такимъ народомъ были предки Эстовъ, говорящихъ нынѣ на восточномъ нарѣчіи въ сѣверо-восточной части Лифляндской губ.—такъ наз. полуварцевъ (setukejed) Псково-Печерскаго края. Нарѣчіе это близко подходитъ къ группѣ сѣверо-восточныхъ нарѣчій финскихъ народовъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Изъ заимствованія Славянами названія рѣки, а можетъ быть и города Пскова отъ вредковъ нынѣшихъ Эстовъ именно въ этой формѣ, можно сдѣлать то заключеніе, что совмѣстная жизнь Славянъ и Чуди за Перпосомъ и при р. Великой не была продолжительна, такъ что первые не успѣли познакомится съ языкомъ Чуди на столько, чтобы перевести название Pihkawa на собственный языкъ, какъ это дѣлается обыкновенно тамъ, гдѣ совмѣстная жизнь продолжительна и гдѣ взаимная сношенія и соприкосновенія устанавливаются постепенно; какъ это нагляднымъ образомъ можно замѣтить на пограничныхъ нынѣ пунктахъ Русскихъ и Эстовъ. Здѣсь почти всѣ названія переведены на русскій языкъ и такимъ образомъ почти каждая мѣстность имѣеть двойное название: одно русское, а другое эстонское. Это явленіе совершилось и въ древности въ смежныхъ мѣстахъ продолжительной совмѣстной жизни Славянъ и Чуди. Какъ миѣ кажется, слѣды перевода первичныхъ названий Pihka, Pihkawa на русскій языкъ можно бы усмотреть въ нѣкоторыхъ наименованияхъ мѣстностей ближе къ лифляндской границѣ. Таковы въ Паѣкинской волости на юго-западѣ отъ Пскова: оз. Смоленское; Смолины, погость при озерѣ; Смолины, деревня. Смолника, рѣчка, впадающая въ Кудебѣ; въ Изборской волости: Смолка, рѣчка, впадающая въ Городищепское озеро; въ Печерской вол. деревня Смолина гора (Смолинъ), при р. Метковкѣ, въ Пашковской вол. два отрѣза и одна пустошь Смоленецъ. Предположеніе, что эти названія если не всѣ, то по крайней мѣрѣ часть ихъ, представляютъ переводы съ Чудскаго яз., основывается на томъ примѣрѣ, что въ восточной части Эстляндіи и отчасти въ западной части Псковской губ., гдѣ двѣ народности изстари живутъ совмѣстно или другъ подѣлѣ друга, большая часть мѣстностей имѣеть два названія. Такой законъ долженъ былъ имѣть мѣсто въ упомянутыхъ мню волостяхъ Псковской губерніи.

Что слово Псковъ (Пскова) чудского происхождения, это подтверждается и другимъ русскимъ названіемъ Пскова, «Плесковъ». Прейсь справедливо думаетъ, что Плесковъ не есть первоначальная форма, а вторичная, т. е. звукъ «л» не имѣть коренного происхождения именно потому, какъ онъ утверждается, что въ противномъ случаѣ Эсты, познакомившись съ рѣкою или городомъ, подъ названіемъ Плесковъ, сообразно съ духомъ своего языка назвали бы его навѣрно Lihkwa, а по моему Lehkwa, Leskwa.

Но если Псковъ есть чисто русское название, то представляется довольно страннымъ, почему по отношению къ этому слову не соблюдается строго законъ, свойственный извѣстной вѣтви славянскихъ нарѣчий, по которому послѣ звуковъ б, в, м—вставляется л, если за этими согласными слѣдуетъ пли мягкий гласный звукъ. Не служить ли здѣсь это нестрогое примѣненіе лингвистического закона подтвержденіемъ того, что это слово казалось Славянамъ не русского происхождения, и они, на ряду съ передѣлкой его по законамъ собственной рѣчи, сохранили его и въ первичной чистой не русской формѣ, которая наконецъ взяла перевѣсъ и сдѣлалась общеупотребительной.

Въ заключеніе своей статьи г. Прейссъ заявляетъ и по поводу новѣйшей формы Опсковъ, иногда употребляемой народомъ, что разъясненіе ея «потребовало бы простираныхъ сопоставленій изъ всей области славянской филологии съ присоединеніемъ родственныхъ языковъ»; но по моему это обстоятельство объясняется очень просто: г. Прейсу не было известно, что по всему протяженію пограничной линіи между Эстами и Русскими названія плотно населенныхъ центровъ сплошь да рядомъ въ разговорномъ народномъ языкѣ употребляются на вопросъ: куда? такъ что эта форма остается при другихъ надежахъ этихъ названій. Поэтому название Опсковъ, Вапсковъ, ничто иное какъ то же слово съ присоединеніемъ впереди предлога «въ», «во».

Ю. Труманъ.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ Венгрии мы находимъ название рѣки Piliske. (Пльска?) Такъ въ грам. короля Андрея II 1234 г. читаемъ—«reg monticulum Holm dictum cadit in fluvium Piliske» Fejer, II, 3, 409. (въ близости отъ р. Салы) и въ мѣстности со слав. названьями (см. Holm—monticulus). Далѣе въ старой Болгаріи на сѣв. отъ Преслава былъ городъ Плесковъ (Pliskova, Pliskuva см. у Льва Дацк., Кедрина, Аны Комнина (см. Шафарика Slow. starož. II. § 3, 2 изд. str. 238). И древнейшая форма нашего Пскова могла быть Пльсковъ, и въ древнее еще время могла явиться и болѣе новая форма Пьсковъ. Начальное же о или а (въ ф. Опсковъ, Апсковъ) явилось не изъ предлога въ—во, а отъ стечения согласныхъ, и отъ придыханія (в), какъ въ слов. оржаний, оржеевскій вальготны... и пр. Песокъ же, собственно пльсковъ (чеш. rísek, польск. piasek серб. пијесак), не имѣть ничего общаго со Псковомъ.

Прим. редактора.

Къ исторіи суевѣрій.

Въ «Актахъ, собранныхъ Кавказскою Археографическою Комиссіею» (Тифлисъ 1870, т. IV, стр. 958—959, подъ № 146-мъ) помѣщенъ не безъинтересный для исторіи суевѣрія рапортъ Кавказскаго гражданскаго губернатора д. с. с. Малинского генералу Ртищеву отъ 10 июня 1811 г., № 242, слѣдующаго содержанія:

«Бывшій главный смотритель переселенцевъ Офросимовъ донесъ, съ приложеніемъ рапорта смотрителя Пашовкина, о принесенной сему послѣднему жалобѣ 13-ю престарѣлыми женщинами новозаводимаго изъ переселенцевъ сел. Ново-Александровскаго, на общество тамошнихъ жителей, что по случаю засухи въ полѣ отъ небытія нѣсколько времени дождей, по суевѣрію своему, собравши тѣхъ женщинъ и связавъ имъ руки, опускали

ихъ въ воду для того, что которых изъ нихъ не потонули, тѣ признаны ими вѣдьмами, отъ колдовства которыхъ не было дождя, и просять, за таковой съ ними поступокъ поступить съ тѣми крестьянами, какъ слѣдуетъ по закону, и запретить называть ихъ вѣдьмами. Къ сему помянутый смотритель присовокупляетъ, что староста за сіе смигненіе и выбранъ другой и что ежели отдавать за сіе подъ судъ, то подсудимыхъ составится великое число, коихъ по теперешнему рабочему времени отлучать затруднительно. Огноя таковой поступокъ сего общества къ невѣжеству и суевѣрю, я полагаю именемъ оградить въ сіе селеніе Ставропольского уѣзда съ старшимъ дворянскимъ засѣдателемъ земскаго суда и стряпчимъ для немедленного изслѣдованія на мѣстѣ въ праздничный день, кто были зачинщики сего происшествія, коихъ не могло быть много, и кто предложилъ сию мысль обществу, и открыть оныхъ, отослать въ совѣтский судъ къ суду, коему какъ о дѣлѣ уже открытомъ не можетъ случиться никакого затрудненія, рѣшить дѣло безъ малѣйшаго задержанія сихъ людей, на основаніи законовъ и по надлежащему утвержденіи выполнить приговоръ на мѣстѣ преступленія, дабы видѣвшіе оное и скорое потомъ послѣдовавшее взысканіе по законамъ, могли содержать въ свѣжей памяти, что сіе дѣло, соединенное съ опасностью жизни другихъ и законами неустановленное, есть худое, непозволенное, гредное и подвергающе дѣлающихъ оное стыду и ненизѣйному наказанію».

Сообщ. Е. Коз--скій.

Изъ области народныхъ вѣрованій

Къ ст. «Народные вѣрованія въ Щошхонскомъ уѣзде, Ярославской губерніи»

Весною текущаго года среди мѣстного населенія распространилась слѣдующая довольно характерная легенда. Въ одноть сель на первой недѣлѣ великаго поста была у мѣстной молодежи вечеринка. Молодежь пѣла и плясала, забывъ о святости великаго поста. Въ самый разгаръ веселья вошелъ невѣдомый странникъ и обратился съ строгимъ увещаніемъ къ веселившимся молодежи, но увещанія странника были встрѣчены насмѣшками и шутками. Одинъ изъ молодыхъ людей подошелъ даже къ горѣвшей въ комнатѣ лампадѣ и закурилъ отъ нея папиросу. Тогда по мановенію старика всѣ бывшіе въ комнатѣ молодые люди неистово заплясали. Прошло нѣсколько времени; несчастные, не смотря на свое желаніе, никакъ не могли прекратить своей невольной пляски. Такъ прошло нѣсколько дней. Родные несчастныхъ обратились за помощью къ отцу Иоанну Кроиштадтскому и послѣдний сказалъ имъ, что грѣшники будуть плясать такъ до великаго четвертка, п то только въ этотъ день Господь помилуетъ ихъ. И до сихъ поръ (легенда записана нами въ срединѣ Великаго поста) пляшутъ нечестивцы; отъ утомленія всѣ они почериѣли, но ни на минуту не прекращается ихъ неистовая пляска. Такъ Господь караетъ за кощунство и непочитаніе великаго поста.

А. Баловъ.

Аллитерація въ народномъ языѣ.

Аллитераціей называется, какъ известно, частое повтореніе нѣсколькихъ начальникъ или конечныхъ слоговъ въ предложеніи. Чаще всего аллитерація имѣть свою цѣлью звукоподражаніе—въ данномъ случаѣ она называется ономатопеєю. Если повторяются послѣдній слогъ извѣстнаго слова въ предложеніи, то такая аллитерація называется, обыкновенно ассонансомъ.

Ratcher. Ritter.

Ruztger Ritter.

Ich zürne nicht.

Ich zanke nicht («Ундина» Фуке) пример аллитерации въ нѣмецкомъ языке.

Эти строфы съ неподражаемой прелестью переведены на русскій языкъ Жуковскимъ. Звукоподражаніе въ переводѣ Жуковскаго доведено до высшей степени совершенства.

Ты смѣлый рыцарь, ты бодрый рыцарь,	Я силенъ могучъ, я быстръ и гремучъ,
Не страшны волны мои, но люби ты,	Молодую, рыцарь, жену, какъ живую
какъ очи свои,	люблю я волну.

При искусномъ чтеніи строфы эти поразительно напоминаютъ журчаніе ручья, слова которого и передаются въ приведенныхъ строфахъ.

Въ нашемъ народномъ языке аллитерация, какъ средство къ звукоподражанію, встречается преимущественно въ дѣтскихъ пѣсенкахъ. Приведемъ нѣсколько такихъ пѣсень звукоподражательного характера:

1. Бомъ, бомъ!	Подъ постомъ,
Гдѣ братца Романа дамъ?	Подъ листомъ.

Въ этой пѣсенкѣ замѣтно подражаніе звуковое колокольному звону.

2. Съ вѣнками, съ вѣнками	Шель бы да не пустять
Въ баню, въ баню...	Шель бы да не пустять,
	Шелуди поцарить, попарить.

Въ пѣсенкѣ этой слышится отдаленное звуковое сходство съ краснымъ колокольнымъ звономъ «во вся».

3. Вилы грабли	За собачкамъ бѣгали,
Стогъ метали.	Колокольчикъ имали.

Звукоподражаніе мурлыканью кошки.

A. Баловъ.

Г. Походы, Ярославской губ.

Къ народному словарю въ области пѣсенного искусства.

Изъ числа материаловъ, собранныхъ пѣсенной экспедиціей 1893 года я позволю себѣ сообщить здѣсь нѣсколько народныхъ выражений, относящихся къ пѣсенному искусству, — въ дополненіе къ тѣмъ данными, которые сообщены мною въ отчетѣ о первой пѣсенной экспедиціи 1886 года¹⁾.

Пѣсни по мѣстному произношенію въ губерніяхъ Вологодской, Вятской и Костромской звучать, какъ *пісни*; пѣвицы или *пѣсенники* слывутъ подъ именемъ *пісельниковъ*. Слову *напѣвъ* среди пѣвцовъ Вологодской губерніи соответствуютъ: *напѣвъ же, голосъ, прогласка и тонъ*, при чёмъ постѣднее повидимому съ разными оттенками значенія. Такъ въ Вологодскомъ уѣздѣ говорятъ: «онъ *тонъ* знать» въ смыслѣ:

¹⁾ См. «Пѣсни русского народа». Спб. 1894 г., стр. XVI—XVII.

хорошо помнить напѣвъ; въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ въ этомъ случаѣ выражаются: «*прогласку-ту я знаю*». Тоны—въ смыслѣ видоизмѣненій напѣвовъ: «разны тоны напѣвовъ бывають», говорили пѣвицы. Когда мы сообщали, что у нихъ эта пѣсня иначе поется, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Выражение *из тонов* противуполагается выражению *на пересказъ*; причеты намъ предлагали сообщать или *из тонов* или *на пересказъ*. Въ Костромской губерніи этому выражению соответствуетъ: *из голосянки*. Говорять также: «эта пісня тяжела *на голоса*» и «Коляды у насъ на одинъ голосъ поются», точно также, какъ и Костромскіе старообрядцы: «всѣ пісни у насъ на одинъ голосъ», т. е. на одинъ напѣвъ.

Выраженіе *на пересказъ* не симѣшиается съ выражениемъ: *изоворомъ*: на пересказъ можетъ передаваться то, что обычно поется, говоромъ же произносятся стихи вовсе не предназначенные для пѣнія; это такъ называемая декламація.

Въ соотвѣтствіе къ *прогласкѣ* и *напѣву* удалось оимѣти и самобытное название для музыкальной мелодіи: шенкурскіе пастухи въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, показывая намъ свое искусство играть на рожкѣ, между прочимъ сообщили, что «у каждого пастуха свой особый *наигрышъ*», т. е. своя излюбленная мелодія. Такимъ образомъ для пѣнія существуетъ *напѣвъ*, для музыки *наигрышъ*.

Для обозначенія медленнаго напѣва служатъ слова *полого, поположе* (въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ: *отлого, поотложе*), говорятъ также: *протяжнѣе, не торопись*. Скорый напѣвъ обозначается, какъ и въ названныхъ губерніяхъ, словомъ *круто*: «*не круто поется*»; отсюда и пѣсни съ быстрымъ пласованиемъ напѣвомъ называются *крутыми*.

Въ большей части пѣсень известные стихи повторяются по два раза, но есть пѣсни и безъ такихъ повтореній; это послѣднее обозначается выражениемъ: *на проходъ*, т. е. безъ повторенія, какъ въ Тотемскомъ уѣздѣ, или «*къ ряду поется*», какъ въ г. Никольскѣ. Любопытная особенность архангельскихъ и олонецкихъ пѣвцовъ, не понимающихъ, что такое *начало пѣсни* и что значить *спеть пѣсню сначала*, сплошь примѣняется и къ пѣвцамъ вологодскимъ, вятскимъ и костромскимъ. Слову *начало* здѣсь соотвѣтствуютъ: *конецъ или крайъ*: «*Съ конца запѣвать?*» или «*опять съ края?*» спрашивали пѣвицы, когда мы просили ихъ снова повторить всю пѣсню. «*Не съ конца сказала*», говорить пѣвица, пропустившая первые стихи; «*съ конца-то не звѣ*», отѣжливается пѣвецъ, позабывший начало пѣсни. «*Съ краю-то едумаль, конецъ-то забѣль*», горюетъ пѣвецъ, припоминающій старинную дѣдовскую пѣсню.

Такимъ образомъ и здѣсь, по понятіямъ крестьянъ, пѣсня является лишь «двухъ концахъ» и начала не знаетъ.

Θ. Истоминъ.

По поводу холеры.

Записывая памятники народной словесности, въ числѣ прочихъ народныхъ пѣсень, употребительныхъ въ Пощеконскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, мы встрѣтили недавно между прочими одну пѣсню, составленную по поводу холеры, бывшей въ Москвѣ въ тысячу восемьсотъ тридцатомъ году. Приводимъ ниже эту пѣсню, записанную нами со словъ крестьянки Пощеконскаго уѣзда, Давыдовской волости, деревни Ежова, Марыи Васильевой, дѣвицы тридцати восьми лѣтъ.

Въ восемьсотъ тридцатый годъ
Потерпѣль въ Москвѣ народъ
Не отъ града, не отъ стужи,

Но, конечно того хуже.
Въ новой крѣпости манежѣ (sic)
Завелася вдругъ холера,

Забралася во Москву,
Навела на всѣхъ тоску...
Всѣ и дамы, кавалеры
Напугались холеры,
Весь ремесленный народъ
Изъ Москвы направиль ходъ...
И еще проговорили —
Куццы лавки затворили,
Раскрасавицы дѣвицы
Улетѣли точно птицы.
Опустѣла Москва мать —
По ней некому гулять,

Опустѣль Кузнецкій мостъ —
Къ намъ пришелъ великий постъ...
Здѣся дохтуръ дворянинъ,
Онъ по славному лечилъ,
Онъ по славному лечилъ
Всѣхъ живыхъ во гробъ валилъ,
Еще грабилъ, воровалъ.
Очень хлѣстко щеголялъ:
И у насъ теперь въ артели
Не нажить такой шинели —
Што этто за смѣхъ?
Подъ шинелью лисій мѣхъ.

Г. Пешеонье.

31 Мая 1893 г.

Сообщилъ А. Баловъ.

О русскомъ языке въ Обдорскомъ краѣ.

Село Обдорское Тобольской губ., Березовского округа, или Обдорскъ, какъ оно чаще всего называется въ разговорной рѣчи, а также почти на всѣхъ географическихъ картахъ, по своему географическому положенію — почти подъ самымъ полярнымъ кругомъ, принадлежать къ числу такихъ поселеній, которыхъ сибирскими остряками часто именуются «сѣверными столицами». Да и какъ не столица, когда такие городки, какъ Обдорскъ, Туруханскъ, Верхоянскъ, Средне-Колымскъ являются въ административномъ, промышленномъ и культурномъ отношеніяхъ единственными центрами для округовъ, равныхъ по пространству любому изъ государствъ Западной Европы! Такие городки представляютъ послѣднія станціи на пути русской культуры, за ними разстилается мертвая тундра съ одиноко кочующими по ней дикарями. Изолированность такихъ «столицъ», при вліяніи инородческаго элемента, вызываетъ разнаго рода особенности бытowego характера и въ частности отражается на языке и говорѣ мѣстного русскаго населения. Одно изъ первыхъ явленій, поражающихъ взѣжаго человѣка въ такихъ «центрахъ», какъ Обдорскъ — это знакомство русскаго населенія съ мѣстными инородческими языками. Въ Обдорскѣ почти все жители (мужчины все безъ исключенія) довольно свободно объясняются по остаткамъ и по самоѣдски. Объясняется это конечно постоянными сношеніями съ инородцами. Многіе русскіе говорятъ по остаткамъ и по самоѣдски почти безъ всякаго русскаго акцента, и наоборотъ по русски выражаются съ акцентомъ инородца. Кастроенъ, поѣтившій Обдорскъ въ 40-хъ годахъ, объясняетъ это явленіе между прочимъ и этнографическимъ составомъ населения, которое будто-бы представляетъ смѣсь русскихъ съ инородцами. Это однако-же совершенно невѣрно. Правда, населеніе Обдорска только наполовину состоять изъ русскихъ (по переписи, произведенной въ ноябрѣ 1891 года врачемъ Зальмунинымъ, оказалось въ с. Обдорскомъ жителей всего — 876 челов.; въ томъ числѣ: русскихъ — 378; зырянъ — 290; остатковъ — 95; самоѣдовъ — 103; поляковъ, евреевъ и татаръ — по одному); но русскіе не смѣшиваются съ другими народностями. Лишь въ послѣднее время становятся чаще браки съ зырянами; но это не оказываетъ вліянія на языкъ, такъ какъ скорѣе зыряне перенимаютъ русскій языкъ, чѣмъ наоборотъ. Что-же касается до браковъ русскихъ съ Остяками и Самоѣдами (что бываетъ въ верхнемъ теченіи р. Оби — между Самаровскимъ и Березовскимъ), то въ

Обдорскъ это—явление крайне рѣдкое, почти исключительное. На 1000 браковъ едва ли наберется два—три случая. Мнѣ известны только два случая выхода русскихъ женщинъ замужъ за Самоѣдсвъ, причемъ обѣ, живя и кочуя въ тундрѣ, совершенно осамоѣдились. Такимъ образомъ, Обдорское населеніе, составившееся изъ выходцевъ со всей Тобольской губ. и другихъ, сиѣшавшихъ съ прежними Березовскими казаками, представляетъ довольно чистый великорусскій типъ, чего далеко нельзя сказать о другихъ поселеніяхъ крайняго сѣвера—въ особенности Средне-Колымска.

Наряду съ распространениемъ инородческихъ языковъ, нужно отмѣтить и порчу языка русскаго. Это также явленіе общее для всѣхъ Сибирскихъ «сѣверныхъ столицъ». Порча русскаго языка выражается въ такъ называемомъ «сладкоязычи».

Вотъ что, напр., сообщаетъ г. Рябковъ, о говорѣ Колымскаго края Якутской области: «Русскій языкъ въ низовьяхъ Колымы, хотя и вышелъ побѣдителемъ изъ трудной борбы съ инородческимъ, но борьба эта не прошла для него даромъ, такъ какъ и самому пришлось претерпѣть иѣкоторыя измѣненія. Языкъ этотъ сильно напоминаетъ не то какой-то дѣтскій ленеть, не то какое-то сююканье, дикое и неправильное для россіянинна—великоросса, за что нижне-колымчанъ называютъ «сладкоязычими» (съѧдкоязыкій-по колымски). Буквы *р*, *л* совершенно ими не употребляются. Они вместо «пришла» непремѣнно скажутъ «пышша» или «пъисъя», не «рыба» а «іiba». Звуки *ч*, *щ*, *ж*, ж большей частью замѣняются звуками *ч*, *с*, *з* и наоборотъ. То же самое свойственно и Средне-Колымчанамъ, но въ гораздо меньшей мѣрѣ. Между рѣчью послѣднихъ и рѣчью низовика существуетъ такая-же разница, какъ между средними физическими типами. Разница эта образовалась также подъ влияниемъ двухъ народностей: юкагирской и якутской. По конструкціи языкъ средне-колымчанъ ближе подходитъ къ чистому русскому, чѣмъ языкъ низовика. Это понятно: Якуты (въ Средне-Колымскѣ) вовсе не говорятъ по русски и поэтому мало коснулся формъ русскаго языка: здѣсь не было компромисса между двумя языками и не выработался говоръ. Русскіе цѣликомъ взяли якутскій языкъ. Замѣтило только, что русскій, говорящій по якутски и не утратившій цѣликомъ роднаго языка, внесъ въ послѣдній много якутскихъ словъ и далъ ему иѣкоторую якутскую фразировку и не совсѣмъ свойственное русской рѣчи построеніе. Вотъ маленький обращенье того, какъ говорить коренной житель низовой Колымы: «Мать пъесвятая Богоїдица, спаси и помой насть, гѣсныхъ ѹдей». Или: «и сто за пѣкътый наѣдъ»¹).

О Туруханскомъ краѣ читаемъ у Ядринцева: «На визу Енисея русскіе почти вовсе не употребляютъ русскаго языка, а говорять на мѣстныхъ инородческихъ языкахъ: на якутскомъ (?) самоѣдскомъ и тунгускомъ. Самый выговоръ иѣкоторыхъ звуковъ и тонъ разговора или повышенія и пониженія голоса въ рѣчи, характеръ вокализаціи у русскихъ Туруханскихъ урожденцевъ отличается, сколько мы замѣтили, почти тѣми же особенностями, какъ у Остяковъ. Напр. подобно Остякамъ они вместо звуковъ: *ж*, *ч*, *щ*, *р* выговариваютъ: *з*, *с*, *л*, *л* и т. п. Говорятъ: посѣль осень большой доздъ, въ избѣ сыпко зарко, бѣдняски худо зивугъ, мѣрлой альснъ²».

Въ Обдорскомъ краю замѣчается то же явленіе. Но, такъ-какъ Обдорское населеніе состоить болѣею частью изъ сравнительно недавнихъ пришельцевъ, то оно не такъ распространено и не такъ рѣзко выражено, какъ напр. въ Туруханскомъ и Колымскомъ краяхъ. Сююканье встрѣчается лишь у природныхъ Обдорянъ, и то не у всѣхъ. Отъ Колымчанъ Обдоряне, отличаются тѣмъ, что у послѣднихъ есть звуки *р*, *л* и только подобно Туруханцамъ они слабы въ шипящихъ и свистящихъ звукахъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что Обдоряне выговаривая вместо *ж*, *щ*, *ч*—*з*, *с*, *ч* очень часто говорятъ и наоборотъ вместо *з*, *с*, *ч*—*ж*, *щ*, *ч*, напр. жлoto, жѣбы (зубы).

Такимъ образомъ сююканье или сладкоязычие есть явленіе, общее всѣмъ Сѣверно-Сибирскимъ поселеніямъ. Оно усиливается по направлению къ Востоку и Сѣверу—всего

¹) Сибирскій Сборникъ, 1887 годъ, ст. Рябкова; Полярныя страны Сибири, стр. 16.

²) Ядринцовъ: Сибирь какъ колонія, изд. 1882 г., стр 42.

сильнѣе въ Колымскомъ краѣ (особенно въ Сѣверной его части; всего-же слабѣе въ Обдорскому—самомъ западномъ изъ Сѣверно-Сибирскихъ мѣстечекъ).

Причиной «сладкоязычія» вѣроятнѣе всего служить вліяніе инородческихъ языковъ. Остяки, напримѣръ, очень часто выговариваютъ звукъ *и* какъ-то шепеливо, средне между *и* и *с*. Звуки *ж*, *з* встрѣчаются сравнительно довольно рѣдко и никогда—въ началѣ словъ. Вообще Остяцкій говоръ имѣть какой-то «слияный», если такъ можно выразиться, характеръ. Есть у нихъ, напр., такой свистяще-плавный звукъ, который никакимъ сочетаніемъ русскихъ звуковъ не можетъ быть выраженъ вполнѣ точно (всего ближе къ *хл*). Весьма естественно, что постоянное, съ дѣствомъ, общеніе съ Остяками могло отразиться на говорѣ русского населенія въ Обдорскомъ краѣ.

Другія особенности мѣстнаго говора болѣе или менѣе общіи прочимъ областямъ Западной Сибіри и не являются характерными собственно для Обдорска.

Приведемъ списокъ мѣстныхъ словъ, изъ которыхъ многія впрочемъ употребляются и въ другихъ мѣстахъ Сибири, за исключеніемъ, конечно, взятыхъ изъ Остяцкаго языка.

Алыкъ—собачья упряжь.	езъ (остяцк.)—запоръ для рыбы
Бадьяновка—лодка среднаго размѣра.	ежа—ѣда.
быстрядь—течевіе.	Замзгнуть—прокиснуть.
братаиникъ—двоюродный братъ.	Исть—ѣсть
бесѣдка—скамейка.	изглагляться—издѣватся.
бѣлуга—дельфинъ.	Колезень—рыба (небольшой муксунъ)
Варь—земляной запоръ для рыбной ловли.	кибасъ—грузило
варка—рыба сваренная и разматая въ кашу.	карышъ—маленький осетръ
вѣтвя—наконечникъ шеста чтобы погонять оленей.	кѣрома (ост.)—карта
вонзъ (остяцк.) первый подъемъ рыбы съ мора.	каюкъ—крытая большая лодка
Встокъ—Востокъ	крестоватикъ—лѣтній песецъ
вѣщица—сплетница	кѣпанецъ—пенокъ—песецъ
весло—рулевое весло	калыданъ (ост.)—рыболовный снарядъ
важанъ—рыболовный снарядъ	кысы—шкура съ оленыхъ ногъ
вѣшала—снарядъ для сушенья рыбы	курья—лужа, остающаяся послѣ водополья
важенка—самка оленя.	клюкѣ—кочерга.
Гребь—весло	Лобарь—осетръ среднаго размѣра
горносталь—горностай	льсина—дерево
гусанка—небольшая баржа	лытка—голень олена.
гусь—верхнее платье въ видѣ рубашки съ капюшономъ	Муксунъ—порода рыбъ
глубинъ—С.-В. вѣтеръ	муксутуръ—трава.
городовушка—небольшая лодка.	мудѣкъ—маленькая рыбка
гимгѣ—рыболовный снарядъ.	мездра—внутренняя поверхность выдѣланныхъ шкуръ
Дѣвица } дѣвичка } дѣвица	мѣлица—длинная мѣховая рубаха съ капюшономъ
доспѣть—сдѣлать	макса—печень, преимущественно рыбья
дикій—глупый	морокъ—туманъ
дичать—глупить («не дичай»—не глупи)	морочно—пасмурно
ѣпдыль (остяцк.)—рекель въ одевій упряжи	морочать—темѣтъ.
	Натруска—пороховница, мѣшокъ съ дробью, пистоницавзятая; вмѣстѣ наплавъ—поплавокъ при неводѣ

наземь—навозъ.
неводникъ—большая лодка
наша—тина, грязь
недомуксунокъ—маленький мускусъ
недопёсекъ—весенний песецъ
ниуга (ост.)—покрышка чума изъ
оленьей кожи
норникъ—песецъ-щенокъ
норка—оленя ноздри
нуръ—рыба надѣтая на палку для
храненія
нюшвай (ост.)—обувь изъ оленьей
зamши
неплюй (ост.)—шкура молодого оленя.
Отлипъ—деревянная стружка
осерёдышъ—низкий печечный островъ.
оклематся—очнуться
оболокаться—одѣваться
ола (ост.)—полка для постройки чума.
охичать—устраивать, прибирать
Постель—оленя шкура
посельщикъ—сырьильно-поселенецъ
политикъ—политический ссылочный
парка—мѣховая рубашка мѣхомъ вверхъ
пѣшка—молодой олень убитый осенью
посуда—судно.
иоугъ—водъ
пичуга—грузило
позѣмъ—копчёная рыба
пыжъянъ—рыба мускуновой породы
побѣжникъ—веревка для вытягивания
невода.
Разлуя—палка у невода.
Соръ—озеро послѣ водополья
салмъ—мель посрединѣ рѣки, удобная
для неводѣбы
сучить—злословить («чего ты, сутка,
сучишь»)
скулить—насмѣхаться
скулѣха—насмѣшица
сиверь—Сиверь, С. вѣтеръ
своебышникъ—упрямый, своенравный.
сырокъ—рыба мускуновой породы

|
костяшки и
деревяшки въ
оленьей упряжи

сѧны ост. халцеллуу

суватъ (ост.)—приспособленіе для су-
шевія рыбы
синякъ—песецъ весной и ранней
зимой.
синка—нитка отъ колыда
сѣрика—серная спичка
сца—ремень въ оленей упряжи
сестренница—двоюродная сестра.
Тиска—берестяная покрышка чума
точка—веревочка для привязыванья
кибаса и наплата
туйсь—берестяной буракъ
Тетива—канатъ, на который надѣть
неводъ
тѣрнить—можеть, въ состояніи
тагаръ (ост.)—коверъ изъ травы
ужна—ужинъ.
Уткель—возжа въ оленией упряжи
Хорохориться—кобениться.
Чижи—мѣховой чулокъ
чувалъ—очагъ въ юртѣ
чумъ—конусообразная палатка у Са-
моѣдовъ. и Остяковъ.
чукрѣй (ост.)—тонкій ножъ
чишать—мочиться
чѣча—хорошо, красиво
чума (ост.)—обшивка треуха на ма-
лицѣ
чрѣахъ—берестяная чашка
чига—
чалканъ—
чалдонь—болванъ (ругат.)
чеканка—крашеный холстъ
Шаньга—ватрушка
шатина—палка отъ колыдана
шайтанъ—остацк. идолъ
шуга—тонкій лѣдъ при замерзаніи
рѣки («сало»)
шинъ—крупная стерлядь
щѣтки—подошва къ пимамъ, вырѣзы-
ваемая изъ подъ конѣй оленей
щѣкуръ—рыба мускуновой породы
юрта—остяцкая бревенчатая избушка
съ земляной крышей и съ чу-
валомъ
юрты—остяцкій посёлокъ
юрокъ—валеная рыба безъ костей
юкала—валеная рыба съ костями

Всего 136 словъ, изъ которыхъ 23 взято съ Остяцкаго.

B. Бартеневъ.

Замѣтка о нѣкоторыхъ словахъ, употребляющихся въ с. Самаровѣ Тобольской губ. и округа.

Въ дополненіе къ предыдущей статьѣ сообщаемъ объясненія нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ г. Бартеневымъ словъ, употребляющихся въ с. Самаровѣ Тобольской губ., но въ нѣсколько иномъ значеніи.

зѣшала—приспособленіе для осушепія невода.

гусь—одежда съ капюшономъ изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ.

диковать, не дикуй—дурачиться, не дурачиться.

кысы—обувь изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ.

курия—лужайка, песчаная коса, заливаемая въ водополье.

малица—длинная одежда съ капюшономъ изъ оленьей шкуры, шерстью внизъ.

мѣша—тонкая глина по берегамъ рѣкъ.

поземъ—распластанная и высушенная рыба.

сбрь—залитое водополемъ травянистое пространство, гдѣ проишшаютъ рыбу.

чишатъ—исправжняться (о дѣтяхъ); хочешь чишать? ну, чиши, чиши!

юрокъ—катушка съ нитками.

Xp. Лопаревъ.

С.-Петербургъ.